

ИЗВѢСТІЯ

состоящаго подъ ВЫСОЧАЙШИМЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА покровительствомъ

Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи
въ историческомъ, археологическомъ, лингвистическомъ и
этнографическомъ отношеніяхъ.

Содержаніе: Извлеченіе изъ протоколовъ 1913 и 1914 гг. Отчеты Комитета за 1912 и 1913 г.г. — Rapport sur la mission de M. Robert Gauthiot au Pamir, 1913. — Отчетъ профессора Р. Готіо и И. И. Зарубина по командировкѣ на Памиръ лѣтомъ 1914 г. — Отчетъ о второмъ путешествіи къ уйгурамъ С. Е. Малова. — Вторая поѣзда въ Предбайкалье лѣтомъ 1913 года Б. Э. Петри. — Отчетъ по поѣздкѣ къ тюркскимъ племенамъ долины р. Абакана лѣтомъ 1913 года С. Д. Майнагашева. — Отчетъ по поѣздкѣ къ тюркскимъ племенамъ Минусинскаго и Ачинскаго уѣздовъ Енисейской губ. лѣтомъ 1914 года С. Д. Майнагашева. — Отчетъ о поѣздкахъ къ тунгузамъ и ороченамъ Забайкальской области въ 1912 и 1913 г. г. С. М. и Е. Н. Широкогоровыхъ. — Отчетъ о поѣздкѣ къ бурятамъ Иркутской губерніи лѣтомъ 1913 года Б. В. Вампилуна. — Отчетъ о поѣздкѣ въ Якутскую область лѣтомъ 1911 года А. Н. Никифорова.

BULLETIN

publié par le

Comité Russe de l'Association Internationale pour l'exploration
historique, archéologique, linguistique et ethnographique de
l'Asie Centrale et de l'Extrême Orient,

sous le Haut Patronage de Sa Majesté l'Empereur.

Sommaire: Extraits des procès-verbaux pour 1913 et 1914. — Compte-rendu du Comité pour les années 1912 et 1913. — Rapport sur la mission de M. Robert Gauthiot au Pamir, en 1913. — Rapport sur la mission de MM. R. Gauthiot et J. Zarubin au Pamir, au cours de l'été 1914. — Rapport de M. Malov sur son deuxième voyage au pays des uigurs. — Deuxième voyage de M. Petri en Cisbaïkalie, au cours de l'été 1913. — Rapport de M. Majnagašev sur son voyage chez les tribus turques de la vallée de l'Abakan, au cours de l'été 1913. — Rapport de M. Majnagašev sur son voyage chez les tribus turques des districts de Minusinsk et d'Ačinsk, gouv-t de l'Eniseï, au cours de l'été 1914. — Rapport de M. et M-me Širokogorov sur leurs voyages chez les tungs et les oročons de la Transbaïkalie, en 1912 et 1913. — Rapport de M. Vampikou sur son voyage chez les buriats du gouv-t d'Irkutsk, au cours de l'été 1913. — Rapport de M. Nikiforov sur son voyage dans la région de Jakutsk, au cours de l'été 1911.

ИНСТИТУТА
ВЪСТАНОВЛЕНІЯ
Академіи Наукъ
СССР

(1918)

12-го мая не стало основателя и безсмертного председателя Центрального Комитета Международного Союза для изучения Средней и Восточной Азии, Русского Комитета Союза академика Василия Васильевича Радлова. Он скончался на 82 году жизни, сохранивъ до послѣдняго часа обычную ясность ума и горячій интересъ къ научной работѣ созданныхъ имъ учреждений. За часъ до кончины онъ еще просматривалъ послѣднюю свою работу, посвященную уйгурской рукописи, которая была вывезена экспедиціей Комитета изъ Восточнаго Туркестана, а недѣли за двѣ до смерти, несмотря на значительный упадокъ силъ, онъ съ обычной своей настойчивостью хлопоталъ по разнымъ инстанціямъ объ увеличеніи средствъ Комитета.

Сейчасъ въ острый моментъ только-что пережитаго тяжелаго горя не время подробно распространяться о заслугахъ покойнаго передъ Комитетомъ. Это значило бы писать исторію всей дѣятельности Международнаго Союза.

Вспомнимъ только, что Василию Васильевичу принадлежить самая идея учрежденія Международнаго Союза, проведенная имъ при всеобщемъ одобреніи на двухъ конгрессахъ ориенталистовъ въ Римѣ и Гамбургѣ. Имъ выработанъ планъ организациі союза съ Русскимъ Комитетомъ, какъ центральнымъ его органомъ, во главѣ. Онъ вынесъ всю тяжесть долъ

гихъ хлопотъ по учрежденію Комитета въ Россіи, проведенію его устава и изысканію средствъ для его существованія.

Что касается результатовъ дѣятельности Комитета въ періодъ руководства его Василиемъ Васильевичемъ, то достаточно указать на одни только статистическіе итоги.

За 16-ти лѣтнее свое существованіе, кромѣ цѣлаго ряда крупныхъ экспедицій въ Восточный Туркестанъ, Западный Китай, Тибетъ, Индію и на Памиръ, Комитетомъ было организовано 65 командировокъ и экспедицій для лингвистическаго и этнографическаго изслѣдованія среди самыхъ различныхъ народовъ Сибири и сосѣднихъ странъ, 33 командировки по археологическимъ изслѣдованіямъ и собиранію рукописей и оказано 34 годичныхъ пособія разнымъ лицамъ на обработку собранныхъ ими научныхъ матеріаловъ.

Въ результатъ, кромѣ цѣнныхъ матеріаловъ и собраній по археологіи и древней письменности Восточнаго Туркестана, наука обогатилась обширнымъ, совершенно новымъ матеріаломъ по лингвистикѣ и фольклору иранцевъ, монголовъ, тунгусовъ, тангутовъ и разныхъ турецкихъ племенъ.

У Комитета есть лишь одинъ достойный способъ выполнить свой долгъ пійтета и признательности передъ памятью Василія Васильевича—это продолжать работать въ томъ же направленіи и съ тою же энергіей и любовью, съ какою велъ работу Комитета незабвенный его основатель и неутомимый руководитель.

ИЗВѢСТІЯ

состоящаго подъ ВЫСОЧАЙШИМЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА покровительствомъ

Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи
въ историческомъ, археологическомъ, лингвистическомъ и
этнографическомъ отношеніяхъ.

Содержаніе: Извлеченіе изъ протоколовъ 1913 и 1914 гг. Отчеты Комитета за 1912 и 1913 г.г. — Rapport sur la mission de M. Robert Gauthiot au Pamir, 1913. — Отчетъ профессора Р. Готіо и И. И. Зарубина по командировкѣ на Памиръ лѣтомъ 1914 г. — Отчетъ о второмъ путешествіи къ уйгурамъ С. Е. Малова. — Вторая поѣздка въ Предбайкалье лѣтомъ 1913 года Б. Э. Петри. — Отчетъ по поѣздкѣ къ тюркскимъ племенамъ долины р. Абакана лѣтомъ 1913 года С. Д. Майнагашева. — Отчетъ по поѣздкѣ къ тюркскимъ племенамъ Минусинскаго и Ачинскаго уѣздовъ Енисейской губ. лѣтомъ 1914 года С. Д. Майнагашева. — Отчетъ о поѣздкахъ къ тунгузамъ и ороченамъ Забайкальской области въ 1912 и 1913 г. г. С. М. и Е. Н. Широкогоровыхъ. — Отчетъ о поѣздкѣ къ бурятамъ Иркутской губерніи лѣтомъ 1913 года Б. В. Вампилуна. — Отчетъ о поѣздкѣ въ Якутскую область лѣтомъ 1911 года А. Н. Никифорова.

Série II. № 3.

Petrograd,
1914.

BULLETIN

publié par le

Comité Russe de l'Association Internationale pour l'exploration
historique, archéologique, linguistique et ethnographique de
l'Asie Centrale et de l'Extrême Orient,

sous le Haut Patronage de Sa Majesté l'Empereur.

Sommaire: Extraits des procès-verbaux pour 1913 et 1914. — Compte-rendu du Comité pour les l'années 1912 et 1913. — Rapport sur la mission de M. Robert Gauthiot au Pamir, en 1913. — Rapport sur la mission de MM. R. Gauthiot et J. Zarubin au Pamir, au cours de l'été 1914. — Rapport de M. Malov sur son deuxième voyage au pays des uigurs. — Deuxième voyage de M. Petri en Cisbaïkalie, au cours de l'été 1913. — Rapport de M. Majnagašev sur son voyage chez les tribus turques de la vallée de l'Abakan, au cours de l'été 1913. — Rapport de M. Majnagašev sur son voyage chez les tribus turques des districts de Minusinsk et d'Acinsk, gouv-t de l'Enisej, au cours de l'été 1914. — Rapport de M. et M-me Širokogorov sur leurs voyages chez les tungus et les oročons de la Transbaïkalie, en 1912 et 1913. — Rapport de M. Vampilun sur son voyage chez les buriats du gouv-t d'Irkutsk, au cours de l'été 1913. — Rapport de M. Nikiforov sur son voyage dans la région de Jakutsk, au cours de l'été 1911.

Извлеченіе изъ протоколовъ.

1913 г.

Засѣданіе 9 февраля.

Товарищъ предсѣдателя сообщилъ, что, вслѣдствіе отсутствія, по болѣзни, предсѣдателя, онъ принимаетъ на себя предсѣдательство въ настоящемъ засѣданіи.

Предсѣдательствующій сообщилъ, что 6 февраля предсѣдатель В. В. Радловъ имѣлъ счастье представиться Государю Императору и лично представить Его Императорскому Величеству отчетъ о дѣятельности Комитета.

Предсѣдательствующій сообщилъ, что въ настоящемъ февралѣ 1913 года Комитетъ вступаетъ во второе десятилѣтіе своего существованія.

Доложено письмо начальника отдѣла Дальняго Востока на имя предсѣдателя Комитета отъ 23 января за № 556, съ препровожденіемъ, для свѣдѣнія, копіи нотъ, обмѣненныхъ съ Германскимъ посломъ при Высочайшемъ Дворѣ по вопросу о посылкѣ Германскимъ правительствомъ IV-ой Турфанской экспедиціи, причемъ въ отвѣтной нотѣ на имя Германскаго посла было указано, что по вопросу объ оказаніи членамъ экспедиціи необходимаго содѣйствія было бы желательно обратиться къ Русскому Комитету, какъ центральному комитету Международнаго Союза для изученія Средней и Восточной Азіи.

Доложено письмо проф. Emile Senart на имя предсѣдателя отъ 23 января новаго стиля, съ просьбой объ оказаніи содѣйствія молодому французскому ученому R. Gauthiot, предполагающему совершить поѣздку, для этнографическихъ и лингвистическихъ изслѣдованій, въ Самаркандскую область, въ долину рѣки Ягнобъ. Опредѣлено: выдать г. Gauthiot открытый листъ отъ имени Комитета.

Extraits des procès-verbaux.

1913.

Séance du 9 février.

Le président du Comité étant absent pour cause de maladie, le vice-président, M. Žukovskij, a la présidence et annonce que M. Radloff, président du Comité, a eu le bonheur d'être reçu en audience, le 6 février, par Sa Majesté l'Empereur et de soumettre personnellement à S. M. Impériale un rapport sur l'activité du Comité.

M. Žukovskij attire l'attention de l'assemblée sur le fait qu'au mois de février 1913 le Comité entre dans la deuxième décade de son existence.

Il est donné communication d'une lettre du chef de la section d l'Extrême-Orient adressée au président du Comité, en date du 23 janvier, n° 556, accompagnée, à titre de renseignement, d'une copie des notes échangées avec l'ambassadeur d'Allemagne à Petrograd au sujet de l'envoi par le gouvernement allemand d'une 4-ième expédition à Turfan. La réponse adressée à l'ambassadeur d'Allemagne mentionne que pour assurer aux membres de l'expédition en question tout le concours nécessaire, il est désirable que la demande en soit adressée au Comité russe, en sa qualité de Comité central de l'Association Internationale pour l'étude de l'Asie Centrale et de l'Extrême-Orient.

Il est donné lecture d'une lettre adressée au président le 23 janvier (n. st.) par le prof. Emile Senart qui demande que le Comité prête son assistance à M. Gauthiot, jeune savant français, qui projette de faire un voyage dans la région de Samarkand, spécialement dans la vallée du Jagnob, pour y procéder à des recherches ethnographiques et linguistiques. Il est décidé de délivrer à M. Gauthiot un certificat du Comité.

Доложено письмо А. В. Адрианова отъ 1 февраля изъ Томска, съ извѣщеніемъ о доставленной въ Омскъ археологической находкѣ, сдѣланной въ Кокчетавскомъ уѣздѣ Акмолинской области, и о производившихся въ томъ же уѣздѣ въ 1910 г. хищническихъ раскопкахъ; при этомъ сообщено, что бюро уже вступило въ сношенія съ Акмолинскимъ Областнымъ Правленіемъ по вопросу о доставленіи упомянутого въ письмѣ г. Адрианова предмета (глинянаго кувшина съ какой-то надписью) въ Петербургъ. Определено: о фактѣ хищническихъ раскопокъ довести до свѣдѣнія Императорской Археологической Комиссіи.

Доложенъ и утвержденъ отчетъ о дѣятельности Комитета въ 1912 году.

Il est fait communication d'une lettre de M. Adrianov datée du 1er février, de Tomsk. Il annonce dans cette lettre que la trouvaille archéologique faite dans le district de Kokçetav, région d'Akmolinsk, a été transportée à Omsk et que des fouilles, dans un but de pillage, ont été pratiquées dans ce même district en 1910. Il est porté à la connaissance de l'assemblée que le bureau s'est mis en rapport avec l'administration de la région d'Akmolinsk en vue de faire transporter à Petrograd l'objet mentionné dans la lettre de M. Adrianov (vase en argile avec inscription). Il est décidé de signaler à la Commission Impériale d'Archéologie les fouilles illicites mentionnées ci-dessus.

Le compte-rendu de l'activité du Comité en 1912 est soumis ensuite à l'assemblée et obtient son approbation.

Отчетъ о дѣятельности

состоящаго подъ ВЫСОЧАЙШИМЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
покровительствомъ

Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи въ историческомъ, археологическомъ, лингвистическомъ и этнографическомъ
отношеніяхъ

за 1912 годъ.

Въ отчетномъ году самымъ значительнымъ предпріятіемъ Комитета, по количеству назначенныхъ средствъ, было снаряженіе экспедиціи съ археологической цѣлью въ Монголію, подъ руководствомъ В. Л. Котвича. Свѣдѣнія о работахъ экспедиціи были доложены Комитету послѣ ея возвращенія, въ засѣданіи 13 октября, причемъ былъ предъявленъ рядъ фотографическихъ снимковъ.

Изъ другихъ мѣстностей археологическія изслѣдованія производились Комитетомъ только въ Западной Сибири, въ бассейнѣ Оби и Иртыша. Предполагалось, что изслѣдователями, А. В. Адриановымъ и Н. С. Гуляевымъ, будетъ раскопанъ рядъ кургановъ на пространствѣ отъ Нарыма до сѣверной части Семирѣченской области и кромѣ того будутъ произведены раскопки на мѣстѣ Большерѣченскаго городища (въ 80 верстахъ отъ Барнаула), представляющаго большой археологическій интересъ. По причинамъ, независѣвшимъ отъ Комитета, была выполнена только часть предложенныхъ работъ; краткій отчетъ Н. С. Гуляева о раскопкахъ, произведенныхъ имъ въ южной части Томской губерніи, былъ доложенъ Комитету въ засѣданіи 1 декабря.

Въ области этнографіи Комитетъ въ отчетномъ году впервые включилъ въ районъ своихъ изслѣдованій страны Дальняго Востока.

Compte-rendu

pour l'année 1912

**du Comité Russe de l'Association Internationale pour l'exploration
historique, archéologique, linguistique et ethnographique de l'Asie Cen-
trale et de l'Extrême-Orient,**

sous le Haut Patronage de SA MAJESTÉ L'EMPEREUR.

L'entreprise du Comité la plus considérable, au point de vue des sommes affectées, a été, au cours de l'année écoulée, l'organisation d'une expédition archéologique en Mongolie, sous la direction de M. Kotvič. Des détails sur les travaux de l'expédition ont été communiqués à son retour, en séance du Comité, le 13 octobre. Une série d'épreuves photographiques ont été soumises au Comité à cette occasion.

En fait d'autres localités, le Comité n'a effectué d'explorations archéologiques que dans la Sibérie Occidentale, dans le bassin de l'Ob et de l'Irtyš. On avait compté que toute une série de tumulus situés entre le Narym et la partie septentrionale de la région du Semiréčje seraient fouillés par les explorateurs MM. Adrianov et Guliajev et qu'en outre, des fouilles seraient pratiquées sur l'emplacement de la citadelle de Bolišerečje (à 80 verstes de Barnaul), qui est d'un haut intérêt au point de vue archéologique. Pour des raisons indépendantes du Comité, une partie seulement des travaux projetés ont pu être exécutés; un rapport succinct de M. Guliajev sur les fouilles qu'il a effectuées dans la partie méridionale du gouvernement de Tomsk, a été soumis au Comité, en sa séance du 1er décembre.

Комитетъ далъ возможность В. М. Алексѣеву, собравшему, независимо отъ Комитета, значительный матеріалъ для изученія китайскихъ народныхъ вѣрованій, вновь совершить поѣздку въ Южный Китай для пополненія этого матеріала; кромѣ того А. И. Ивановъ, командированный С.-Петербургскимъ университетомъ въ Японию, получилъ отъ Комитета средства для посѣщенія, на обратномъ пути, южнаго Китая, съ цѣлью ознакоми́ться съ языкомъ и бытомъ населенія. Краткій отчетъ В. М. Алексѣева былъ доложенъ Комитету въ засѣданіи 1 декабря; въ томъ же засѣданіи было доложено, что поѣздка А. И. Иванова въ южный Китай не состоялась и что назначенныя ему средства были израсходованы имъ на приобрѣтеніе въ Японию коллекціи предметовъ, относящихся къ религіозному культу снито. Кромѣ того Комитетъ, по просьбѣ А. И. Иванова, замощобразно предоставилъ въ распоряженіе Азіатскаго музея Академіи Наукъ средства для приобрѣтенія въ Японию буддійскаго собранія «Трипитака» и другихъ книгъ.

Всѣ остальные предпріятія Комитета касались изученія нарѣчій и фольклора монгольскихъ, тунгусскихъ и турецкихъ народностей, причемъ большая часть этихъ предпріятій была продолженіемъ работъ предшествующихъ лѣтъ. Ц. Ж. Жамцарапо, какъ и въ 1911 г., готовилъ къ печати и переводилъ собраные имъ бурятскіе тексты; постановленіемъ Комитета отъ 1 декабря назначены средства для продолженія этихъ работъ и въ 1913 г. Для изученія того же бурятскаго народа въ этнографическомъ, фольклористическомъ и антропологическомъ отношеніяхъ Комитетомъ была снаряжена экспедиція, въ составъ которой вошли Б. Э. Петри и студентъ-бурятъ Михайловъ; свѣдѣнія о результатахъ экспедиціи были доложены Комитету въ засѣданіи 13 октября, причемъ Михайлову были назначены средства для обработки привезенныхъ имъ матеріаловъ. Наконецъ, Комитетомъ былъ приобрѣтенъ матеріалъ по бурятскому народному творчеству, собранный, по указаніямъ В. Л. Котви́ча, студентомъ-бурятомъ Вампилауномъ. Въ засѣданіи 1 декабря Комитету В. Л. Котвичемъ былъ представленъ отчетъ Нохи Очирова о работахъ среди астраханскихъ калмыковъ, произведенныхъ имъ, на средства Комитета, еще въ 1911 г., и собранные имъ въ 1909—11 гг. матеріалы по народному творчеству этихъ калмыковъ. Какъ и въ пред-

Dans le domaine de l'ethnographie, les explorations du Comité ont été, au cours de l'année écoulée, étendues, pour la première fois, aux régions de l'Extrême-Orient. Le Comité a donné la possibilité à M. Aleksejev, qui, indépendamment du Comité, avait recueilli des matériaux considérables pour l'étude des croyances populaires de la Chine, de faire un nouveau voyage dans la Chine méridionale, pour y compléter ces matériaux; de plus, M. Ivanov, délégué au Japon par l'université de Petrograd, a reçu du Comité les moyens de visiter, au cours de son voyage de retour, la Chine méridionale, en vue d'y étudier la langue, les mœurs et les coutumes de la population. Un rapport succinct de M. Aleksejev a été soumis au Comité, en sa séance du 1er décembre; le Comité a été informé, au cours de cette même séance, que le voyage de M. Ivanov dans la Chine méridionale n'a pas eu lieu et que les fonds qui lui avaient été alloués à cet effet ont été affectés par lui à l'acquisition au Japon d'objets servant au culte sintoïste. Le Comité a avancé, en outre, sur la proposition de M. Ivanov, au Musée Asiatique de l'Académie des Sciences les fonds nécessaires à l'acquisition au Japon du recueil bouddhique «Tripitaka» et de plusieurs autres livres.

Toutes les autres entreprises du Comité ont eu pour objet l'étude des dialectes et du folklore des peuplades mongoles, tungus et turques; la plupart de ces entreprises n'ont été que la continuation des travaux des années précédentes. M. Žamcarano a préparé pour l'impression et traduit, comme en 1911, des textes buriats qu'il a recueillis; les fonds nécessaires à la continuation de ces travaux en 1913 ont été alloués par décision du Comité, en date du 1er décembre. Une expédition dont faisaient partie M. Petri et M. Michajlov, étudiant de nationalité buriate, a été organisée par le Comité, en vue d'étudier la nation buriate aux points de vue de l'ethnographie, du folklore et de l'anthropologie; des données sur les résultats de cette expédition ont été soumises au Comité, en sa séance du 13 octobre; à cette occasion, les fonds nécessaires ont été alloués à M. Michajlov pour dépouiller les matériaux rapportés par l'expédition. Enfin, le Comité a fait l'acquisition des documents relatifs à la poésie populaire des buriats recueillis, d'après les indications de M. Kotvič, par M. Vampilun, étudiant de nationalité buriate. M. Kotvič a soumis au Comité, en sa séance du 1er décembre, un rapport de M. Nocha Očirov sur les

шествующіе годы, Комитетъ далъ возможность Б. Б. Барадійну совершить поѣздку въ Забайкалье и получить отъ мѣстныхъ ученыхъ ламъ свѣдѣнія, необходимыя ему для приготовленія къ печати его обширнаго труда о монастырѣ Лавранѣ.

Въ распоряженіи В. Л. Котвича находилась, какъ и въ 1911 г., сумма для собиранія и обработки матеріаловъ для изученія нарѣчій енисейскихъ тунгусовъ; свѣдѣнія о ходѣ этихъ работъ въ отчетномъ году Комитету до истеченія года сообщены не были. Изъ 400 р., назначенныхъ Комитетомъ на производство этнографическихъ работъ среди бурятъ и тунгусовъ, была израсходована только небольшая часть на поѣздку С. М. Широкогорова къ тунгусамъ и ороконамъ; отчетъ объ этой поѣздкѣ былъ представленъ Комитету въ засѣданіи 13 октября.

Въ области изученія турецкихъ нарѣчій можно отмѣтить въ отчетномъ году только одно предпріятіе Комитета: А. Н. Самойловичемъ для дополненія и провѣрки матеріаловъ, собранныхъ имъ въ 1908 г. среди туркменовъ Хивинскаго ханства, была совершена поѣздка къ туркменамъ Ставропольской губерніи; отчетъ объ этой поѣздкѣ былъ доложенъ Комитету въ засѣданіи 13 октября. Въ томъ же засѣданіи Комитету были сообщены нѣкоторые свѣдѣнія о результатахъ работъ, на которыя имъ были назначены средства въ предшествующіе годы: А. В. Анохинымъ былъ доставленъ дополнительный матеріалъ для изученія шаманства алтайскихъ турковъ, В. М. Ионовымъ — новые якутскіе тексты, Н. А. Виташевскимъ — продолженіе переписываемыхъ имъ для Комитета матеріаловъ по якутскому обычному праву.

Въ концѣ отчетнаго года были внесены и одобрены Комитетомъ нѣкоторые предложенія, касающіяся дѣятельности Комитета въ 1913 году: было постановлено вновь командировать въ Западный Китай С. Е. Малова, главнымъ образомъ для продолженія лингвистическихъ его работъ въ области изученія турецкихъ нарѣчій, но также для собиранія свѣдѣній о бытѣ населенія и о памятникахъ древности, и назначить въ распоряженіе Туркестанскаго кружка любителей археологіи средства для производства нѣкоторыхъ археологическихъ работъ въ Туркестанскомъ краѣ.

Въ личномъ составѣ Комитета перемѣнъ въ отчетномъ году не было. Изъ лицъ, принимавшихъ участіе въ снаряженныхъ Комитетомъ экспедиціяхъ; скончался 13 января В. И. Каменскій.

travaux qu'il a exécutés en 1911 parmi les kalmyks d'Astrachanī, aux frais du Comité, ainsi que les documents relatifs au folklore de cette peuplade recueillis de 1909 à 1911. Le Comité, à l'exemple des années précédentes, a donné les moyens à M. Baradijn de faire un voyage en Transbaïkalie, où il a recueilli parmi les lamas érudits du pays les renseignements qui lui étaient nécessaires en vue de préparer pour l'impression son vaste travail sur le couvent de Lavran.

De même qu'en 1911, une somme spéciale a été mise à la disposition de M. Kotvič, pour recueillir et dépouiller divers matériaux servant à l'étude des dialectes des tungus de l'Enisej; jusqu'à la fin de l'année 1912 le Comité n'a pas eu de nouvelles de la marche de ces travaux. Sur les 400 r. alloués par le Comité pour faire des recherches ethnographiques parmi les buriats et les tungus, une somme peu importante a été dépensée par M. Širokogorov pour son voyage au pays des tungus et oročons; un rapport sur ce voyage a été soumis au Comité, en sa séance du 13 octobre.

Dans le domaine de l'étude des dialectes turcs, il n'y a lieu de citer, au cours de l'année écoulée, qu'une seule entreprise du Comité: c'est le voyage effectué par M. Samojlovič dans les districts habités par les turcomans du gouvernement de Stavropolī, pour y compléter et vérifier les matériaux recueillis par lui en 1908 parmi les turcomans du chanat de Chiva; un rapport sur ce voyage a été soumis au Comité, en sa séance du 13 octobre.

Le Comité a été informé, à cette même séance, du résultat de plusieurs travaux pour lesquels il avait alloué des fonds au cours des années précédentes: M. Anochin a fourni des documents complémentaires pour l'étude du šamanisme parmi les turcs de l'Altaj; M. Ionov a recueilli de nouveaux textes jakuts et M. Vitaševskij a fourni la suite des documents sur le droit coutumier des jakuts dont il a entrepris la transcription pour le compte du Comité.

A la fin de l'année écoulée, certaines propositions relatives à l'activité du Comité en 1913 ont été soumises à l'appréciation du Comité et ont obtenu son approbation: il a été décidé 1) de charger M. Malov d'une nouvelle mission scientifique dans la Chine occidentale, dont le but principal serait de poursuivre ses recherches linguistiques dans le domaine des dialectes turcs et, entre autres, de recueillir des données

Въ качествѣ центральнаго Комитета Международнаго Союза, Комитетъ оказалъ содѣйствіе д-ру А. Hrdlicka, командированному Национальнымъ музеемъ въ Вашингтонѣ для производства антропологическихъ изслѣдованій въ Сибирь и Монголію.

Кромѣ протоколовъ своихъ засѣданій, которыхъ въ отчетномъ году было четыре, Комитетомъ былъ изданъ первый номеръ новой серіи «Извѣстій» (=Bulletin) съ русскимъ и французскимъ оглавленіемъ, съ извлеченіемъ изъ протоколовъ въ русскомъ подлинникѣ и французскомъ переводѣ и со статьями на тѣхъ языкахъ, на которыхъ онѣ были доставлены авторамъ.

Изъ печатныхъ изданій, явившихся результатомъ выполненнхъ на средства Комитета работъ, Комитету были доставлены, въ 5 экземплярахъ, оттиски двухъ статей С. Е. Малова, напечатанныхъ въ журналѣ «Живая Старина»: 1) Остатки шаманства у желтыхъ уйгуровъ; 2) Рецензія на книгу С. G. E. Mannerheim, A visit to the Sarö and Shera Yögurs, Helsingfors 1911. Кромѣ того были доставлены въ рукописи статья А. В. Апохица «Шаманство у Телеутовъ» и статья В. И. Анучина: «Терминологія родства у енисейцевъ», переданная для напечатанія въ «Этнографическое Обозрѣніе»; кромѣ того В. И. Анучинимъ было сообщено, что Томскій университетъ присудилъ ему премію Кузнецова въ половинномъ размѣрѣ за антропологическія работы, исполненныя во время совершенной на средства Комитета поѣздки. Наконецъ, Комитету сдѣлалось извѣстнымъ о выходѣ въ свѣтъ труда г-на Пльсудскаго. «Materials for the Study of the Ainu Language and Folklore. Edited under the supervision of J. Rozwadowski, Ph. D., Professor of the Jagellonian University». Изданіе И. К. Краковской Академіи Наукъ.

sur les moeurs et coutumes de la population et sur les monuments de l'antiquité et 2) de mettre à la disposition du Cercle des Amateurs d'Archéologie du Turkestan les fonds nécessaires pour exécuter certains travaux archéologiques dans cette région.

Il n'y a eu, au cours de l'année écoulée, aucun changement dans le personnel du Comité. Parmi les personnes ayant pris part aux expéditions organisées par le Comité il y a lieu de relever le décès de M. Kamenskij, mort le 13 janvier.

Le Comité russe, en sa qualité de Comité central de l'Association Internationale, a prêté son assistance au Dr. Hrdlicka, chargé par le Musée National de Washington de faire des recherches anthropologiques en Sibérie et en Mongolie.

Le Comité a publié, en outre des procès-verbaux de ses séances, au nombre de quatre, en 1912, le premier fascicule de la nouvelle série de son Bulletin, muni d'un sommaire en langue russe et française et donnant un extrait des procès-verbaux accompagné d'une traduction en langue française, ainsi que divers mémoires dans la langue dans laquelle ils ont été écrits.

En fait de publications qui se trouvent être le résultat de travaux exécutés aux frais du Comité, deux articles de M. Malov parus dans la revue: «Živaja Starina» ont été communiqués au Comité en cinq exemplaires tirés à part, savoir: 1) Vestiges du culte šamanique chez les uigurs jaunes; 2) Critique du livre de C. G. E. Mannerheim. A visit to the Sarö and Shera Yögurs, Helsingfors. 1911.— En outre, deux mémoires manuscrits ont été reçus au Comité: 1) A. V. Anochin, «Le šamanisme chez les teleuts» et 2) V. I. Anučin, «Terminologie des degrés de parenté chez les habitants du bassin de l'Enisej». Ce dernier a été communiqué à la «Revue d'Ethnographie», pour y être publié. De plus, M. Anučin a porté à la connaissance du Comité que l'université de Tomsk lui a décerné une moitié du prix Kuznecov pour des recherches anthropologiques exécutées au cours d'un voyage effectué aux frais du Comité. Enfin le Comité a appris qu'un travail de M. Pilisudskij intitulé: «Materials for the study of the Ainu Language and Folklore. Edited under the supervision of I. Rozwadowski, Ph. D., Professor of the Jagellonian University», a été publié par les soins de l'Académie Impériale et Royale des Sciences de Cracovie.

Извлеченіе изъ протоколовъ.

1913 г.

Засѣданіе 30 марта.

Предсѣдатель сообщилъ о послѣдовавшей 22-го марта кончинѣ члена Комитета И. П. Моллеріуса и о возложеніи вѣнка на гробъ покойнаго по распоряженію бюро. Собраніе, по предложенію предсѣдателя, почтило память И. П. Моллеріуса вставаніемъ и уполномочило бюро выразить соболѣзнованіе семьѣ покойнаго отъ имени Комитета.

Доложено отношеніе перваго департамента Министерства Иностранныхъ Дѣлъ отъ 11 марта за № 1814, съ препровожденіемъ доставленнаго Императорскимъ Генеральнымъ Консульствомъ въ Будапештѣ списка членовъ Венгерскаго Комитета Международнаго Союза для изученія Средней и Восточной Азіи, вновь избранныхъ на трехлѣтіе 1913 — 1916 гг. (см. приложение).

Доложено слѣдующее предложеніе В. В. Радлова и Л. Я. Штернберга:

«Командированный въ прошломъ году Русскимъ Комитетомъ для этнографическихъ и антропологическихъ изслѣдованій среди кудинскихъ бурятъ вмѣстѣ съ В. А. Михайловымъ Б. Э. Петри нашелъ двѣ доисторическія стоянки, одну неолитическую у мыса Уланъ-Хада на берегу Байкала противъ южной оконечности острова Ольхона, и одну стоянку желѣзнаго вѣка въ улусѣ Шохтой. Хотя за недостаткомъ времени и средствъ г. Петри удалось сдѣлать только пробныя раскопки, но добытые предметы показали, что эти стоянки имѣютъ большой археологическій интересъ, въ особенности стоянка въ Уланъ-Хада. Счастливое расположеніе этой стоянки на ограниченной прибрежной песчаной полосѣ между горами, дающее возможность раскопать ее на всемъ ея протяженіи и добраться притомъ до самыхъ нижнихъ слоевъ и такимъ образомъ получать нѣсколько послѣдователь-

Extraits des procès-verbaux.

1918.

Séance du 30 mars.

Le président annonce à l'assemblée que M. Mollerius, membre du Comité, est décédé le 22 mars et qu'une couronne a été déposée sur son cercueil, par les soins du bureau. Sur la proposition du président, les assistants honorent la mémoire du défunt en se levant et chargent le bureau de transmettre les condoléances du Comité à la famille du défunt.

Il est donné communication d'une lettre du premier département du Ministère des Affaires Etrangères, en date du 11 mars, n° 1814, accompagnée d'une liste des membres du Comité hongrois de l'Association Internationale pour l'exploration de l'Asie Centrale et de l'Extrême-Orient nouvellement élus pour la période triennale 1913—1916. (Voir l'annexe).

La proposition suivante de MM. Radloff et Sternberg est soumise au Comité :

«M. Petri, qui en 1912 avait été chargé par le Comité russe de procéder, avec le concours de M. Michajlov, à des recherches ethnographiques et anthropologiques parmi les buriats de la steppe de Kuda, a fait la découverte de deux stations préhistoriques: l'une néolithique, près du cap Ulan-Chada, sur les bords du Bajkal, en face de l'extrémité méridionale de l'île d'Olichon, et une autre remontant à l'âge de fer, dans l'ulus de Šochtoj. Quoique M. Petri n'ait pu faire, faute de temps et de ressources, que des fouilles d'essai, les objets recueillis ont montré que ces stations présentent un intérêt archéologique considérable, surtout celle d'Ulan-Chada.

La situation favorable de cette station sur une bande limitée de terrain sablonneux, à proximité du littoral, au milieu des montagnes, donne la possibilité de la fouiller sur toute son étendue, d'atteindre les

ныхъ стадій культуры неолитическаго періода, который въ Сибири до сихъ поръ еще очень мало изученъ, дать полное основаніе надѣяться, что результаты раскопки будутъ очень важны въ научномъ отношеніи. По окончаніи раскопокъ, которыя по предварительному разсчету потребуютъ 40 дней работы, желателію поручить г. Петри продолжать начатыя среди кудинскихъ бурятъ работы по изученію матеріальнаго и семейнаго быта, а В. А. Михайлову — работы по изученію шаманства среди бурятъ верхоленскихъ и балаганскихъ, на что потребуются 2 1/2 мѣсяца. На раскопки потребуются 500, а на остальные работы 400 рублей. Въ виду этого просимъ командировать Б. Э. Петри и В. А. Михайлова для упомянутыхъ работъ на время съ 1 мая по 1 сентября, ассигновавъ имъ 900 рублей подъ отчетъ.

Определено: назначать для указанной цѣли изъ суммъ Комитета 900 р., причемъ просить В. Л. Котвича и А. Д. Руднева дать В. А. Михайлову необходимыя указанія для записи текстовъ.

Доложено и одобрено слѣдующее предложеніе В. Л. Котвича и Л. Я. Штернберга:

«Въ прошломъ году были командированы въ Забайкалье для изученія тунгусскихъ народностей въ лингвистическомъ, антропологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ С. М. и Е. Н. Широкогоровы. Несмотря на то, что они могли пробыть въ Забайкальской области только около трехъ мѣсяцевъ, гг. Широкогоровы собрали интересный матеріалъ по антропологии кочевыхъ тунгусовъ, по языку ороchonъ и по народной музыкѣ. Въ настоящее время антропологическій матеріалъ по кочевымъ тунгусамъ уже обработанъ и готовъ для печати, лингвистическій матеріалъ по языку ороchonъ (словарный, тексты и грамматическія записи) уже рассмотрѣнъ В. Л. Котвичемъ и найденъ имъ собраннымъ вполне научно и интереснымъ. Въ виду успѣшности прошлой поѣздки гг. Широкогоровыхъ, которые, между прочимъ, предприняли эту поѣздку на свой счетъ, а главное, въ виду того, что забайкальскіе ороchonы находятся въ настоящее время въ состояніи вымиранія, и надо особенно торопиться съ изученіемъ ихъ въ этнографическомъ отношеніи, и въ частности изученіемъ ихъ языка, успѣшно начатымъ г. Широкогоровымъ, мы просимъ командировать гг. Широкогоровыхъ на счетъ Комитета для продолженія лингвистическихъ и этнографиче-

couches les plus profondes et de mettre à jour plusieurs stades consécutifs de la civilisation à l'époque néolithique, qui jusqu'à ce jour a été fort peu étudiée en Sibérie. Il y a tout lieu d'espérer que les résultats de ces fouilles seraient d'une haute importance scientifique. Après l'achèvement de ces fouilles, dont on peut évaluer provisoirement la durée à 40 jours, il serait désirable de charger M. Petri de poursuivre parmi les buriats de la steppe de Kuda ses recherches sur la situation économique et les moeurs familiales de cette peuplade. D'autre part, M. Michajlov pourrait être chargé d'étudier le šamanisme parmi les buriats du cours supérieur de la Lena et de Balagan, ce qui pourrait être exécuté en deux mois et demi. Les fouilles nécessiteraient une dépense de 500 r., les autres travaux 400 r. Nous demandons, en conséquence, que MM. Petri et Michajlov soient chargés de ces missions scientifiques pour la période du 1er mai au 1er septembre et qu'il leur soit alloué, à cet effet, 900 r. dont ils auraient à justifier l'emploi.

Il est décidé d'allouer, sur les fonds du Comité, les 900 r. demandés et de prier MM. Kotvič et Rudnev de donner à M. Michajlov les indications nécessaires pour noter des textes buriats.

La proposition suivante de MM. Kotvič et Sternberg est soumise au Comité et approuvée séance tenante:

«L'année passée, les époux Širokogorov ont été envoyés en Transbaïkalie pour y étudier les peuplades tungus au points de vue de la linguistique, de l'anthropologie et de l'ethnographie. Quoique leur séjour dans cette contrée n'ait été que de trois mois environ, les époux Širokogorov y ont recueilli des matériaux intéressants sur l'anthropologie des tungus nomades, sur la langue des oročons et leur musique populaire. Actuellement les matériaux anthropologiques concernant les tungus nomades sont déjà dépouillés et prêts pour l'impression, les documents linguistiques se rapportant à la langue des oročons (matériaux lexicologiques, textes et notes grammaticales) ont été examinés par M. Kotvič, qui a trouvé qu'ils avaient été recueillis d'après une méthode scientifique et qu'ils offraient de l'intérêt. En vue du succès de la mission précédente des époux Širokogorov, qui, d'ailleurs, ont fait le voyage à leurs propres frais, mais surtout prenant en considération que les oročons de Transbaïkalie sont en voie d'extinction et qu'il est indispensable, par conséquent, de se hâter de les étudier au point de

скихъ работъ среди ороchonъ Баунтовскаго озера и рѣки Вятима, и просимъ ассигновать на проѣздъ и пребываніе среди ороchonъ въ теченіе 4 мѣсяцевъ 1100 рублей подъ отчетъ».

Доложены и одобрены слѣдующія два предложенія В. Л. Котвича и А. Д. Руднева:

а) «Въ Терской области проживаетъ съ послѣдней четверти XVIII ст. группа калмыковъ, почти не поддерживающая сношеній со своими астраханскими сородичами и очень мало обследованная. Признавая желательнымъ собраніе на мѣстѣ возможно полныхъ данныхъ о языкѣ и бытѣ этихъ калмыковъ, мы просимъ Комитетъ командировать туда предстоящимъ лѣтомъ Ноха Очирова съ выдачею ему 250 рублей».

б) «Бурятъ Баертонъ Вампилунъ собралъ за лѣто 1912 года по частнымъ указаніямъ В. Л. Котвича цѣнный матеріалъ по бурятскому народному творчеству. Комитетъ нашелъ возможнымъ выдать ему *post factum* сумму на покрытіе расходовъ (Протоколы за 1912 г. § 58).

Теперь, считая г. Вампилуна достаточно подготовленнымъ для собиранія матеріаловъ по народному творчеству, мы находимъ желательнымъ воспользоваться его пребываніемъ лѣтомъ 1913 года въ Иркутской губерніи и поручить ему 1) продолжать собраніе этнографическихъ и лингвистическихъ матеріаловъ среди бурятъ балаганскихъ и аларскихъ и 2) посѣтить Нижнеудинскій уѣздъ и обследовать бытъ и языкъ нижеудинскихъ бурятъ, которые до сихъ поръ никакъ еще не были изучены, представляя собою, по всѣмъ имѣющимся у насъ отрывочнымъ о нихъ даннымъ, выдающийся интересъ. По всей вѣроятности, въ говорѣ нижеудинскихъ бурятъ мы найдемъ не мало данныхъ для выясненія вопроса о взаимномъ вліяніи турецкихъ и монгольскихъ языковъ.

На указанную поѣздку мы считали бы возможнымъ просить Комитетъ отпустить г. Вампилуну 200 рублей, дать фонографъ и фотографическій аппаратъ и открытый листъ».

Доложено слѣдующее предложеніе А. Д. Руднева и Ѳ. И. Шербатскаго:

«Въ настоящее время Б. Б. Барадійнъ, лекторъ монгольскаго языка въ СПБ. Университетѣ, занятъ обработкой специальной части

vue ethnographique et linguistique, ce qui a été commencé avec succès par M. Širokogorov, nous demandons que lui et sa femme soient chargés de continuer aux frais du Comité leurs travaux linguistiques et ethnographiques parmi les oročons du lac Bauntovskoje et de la rivière Vitim et qu'il leurs soit alloué pour leur voyage et pour un séjour de quatre mois parmi les oročons 1100 r. dont il auraient à justifier l'emploi.

Les deux propositions suivantes de MM. Kotvič et Rudnev sont soumises au Comité et obtiennent son approbation :

a) «Il existe depuis le dernier quart du XVIIIe s., dans la région du Terek, un groupe de kalmyks qui a rompu presque toute relation avec ses congénères d'Astrachanĭ. Ce groupe ayant été très peu étudié, il serait désirable de recueillir sur place des données aussi complètes que possible sur la langue, les moeurs et coutumes de ces kalmyks. Nous prions, en conséquence, le Comité d'y déléguer M. Nocha Očirov l'été prochain et de lui allouer à cet effet 250 r.»

b) «Le buriat Baerton Vampilun a recueilli, au cours de l'été 1912, d'après les indications privées de M. Kotvič, des matériaux précieux sur le folklore des buriats. Le Comité trouve possible de lui allouer, après coup, une certaine somme destinée à le rembourser de ses frais. (Procès-verbaux pour 1912, § 58).

Considérant M. Vampilun comme entièrement préparé pour recueillir des documents relatifs aux folklore, nous pensons qu'il serait désirable de profiter de son séjour durant l'été 1913 dans le gouvernement d'Irkutsk pour le charger: 1) de continuer à recueillir des documents ethnographiques et linguistiques parmi les buriats de Balagan et d'Alar et 2) de visiter le district de Nižneudinsk et d'y étudier les moeurs et coutumes, ainsi que la langue des buriats de Nižneudinsk, qui jusqu'ici n'ont encore été étudiés par personne, tout en offrant, à en juger d'après les données fragmentaires que nous possédons, un intérêt éminent. Selon toute probabilité, nous trouverons dans l'idiome des buriats de Nižneudinsk des données nombreuses pour élucider la question de l'influence mutuelle des langues turques et mongoles.

Nous croyons devoir prier le Comité d'allouer à M. Vampilun 200 r. pour ce voyage, de mettre à sa disposition un phonographe et un appareil photographique et de lui délivrer un certificat.

своего труда по путешествію въ Лавранъ, совершенному имъ при поддержкѣ, оказанной ему Русскимъ Комитетомъ. Изъ указанной части работы сейчасъ въ «Bibliotheca Buddhica» печатается: «Описаніе статуи Майтреи въ Золотомъ храмѣ въ Лавранѣ» — переводъ съ тибетскаго.

Въ предстоящее лѣто 1913 года мы находили бы желательнымъ поручить Б. Б. Барадійну продолжать работы въ дацанахъ Забайкалья подъ руководствомъ бурятскихъ ламъ, особенно по переводу нѣкоторыхъ тибетскихъ сочиненій (описаній тибетскихъ лавранскихъ святынь).

Для означенной цѣли мы просимъ Комитетъ ассигновать Б. Б. Барадійну 150 рублей на путевые расходы».

Опредѣлено: назначить изъ средствъ Комитета 150 р. для указанной цѣли, съ тѣмъ чтобы въ Комитетъ былъ представленъ отчетъ о результатахъ поѣздки Б. Б. Барадійна.

По предложенію бюро опредѣлено: назначить въ распоряженіе бюро изъ средствъ Комитета 600 р. на производство студентами-сибиряками и другими лицами, по выбору бюро, этнографическихъ работъ въ Сибири втеченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ текущаго года.

La proposition suivante de MM. Rudnev et Ščerbatsoj est soumise au Comité:

«M. Baradijn, lecteur en langue mongole à l'Université de Petrograd, travaille actuellement à une partie spéciale de son ouvrage sur le voyage qu'il a fait à Lavran, avec un subside du Comité russe. Une «Description de la statue de Majtreja dans le Temple d'or de Lavran» traduite du tibétain et comprise dans cette partie spéciale de l'ouvrage susmentionné est actuellement en voie de publication dans la «Bibliotheca Buddhica».

Nous considérons comme fort désirable que M. Baradijn soit chargé de continuer durant l'été 1913 ses travaux dans les «lacans» de la région transbaïkalienne, avec le concours des lamas buriats, notamment pour la traduction de certains ouvrages tibétains (descriptions des sanctuaires tibétains à Lavran).

A cet effet, nous demandons au Comité d'allouer à M. Baradijn 150 r., à titre de frais de route.

Il est décidé d'assigner dans ce but 150 r. sur les fonds du Comité, en posant pour condition qu'un rapport sur le voyage de M. Baradijn soit présenté au Comité.

Sur la proposition du bureau, il est décidé de mettre à la disposition de celui-ci 600 r., à prendre sur les fonds du Comité, pour faire exécuter par des étudiants originaires de la Sibérie et par d'autres personnes, au choix du bureau, des travaux ethnographiques en Sibérie, dans le courant de l'été 1913.

Приложение.

Списокъ членовъ Венгерскаго Комитета, избранныхъ на 1913—1916 годы.

1. Георгій Алмашъ — путешественникъ по Востоку, писатель.
 2. Вильгельмъ Бахеръ — директоръ Будапештскаго Раввината.
 3. Бенедиктъ Баратоши-Балогъ — путешественникъ по Востоку, писатель.
 4. Рафаиль Фуксъ — путешественникъ по Уралу, писатель.
 5. Юлій Германусъ — историкъ (по Востоку).
 6. Стефанъ Дьорфи — хранитель Восточнаго Музея при Торговой Академіи.
 7. Александръ Кегль — экстраординарный профессоръ Университета и членъ Венгерской Академіи Наукъ.
 8. Иванъ Крцмарикъ — совѣтникъ Отдѣленія Королевскаго Министерства Финансовъ, востоковѣдъ.
 9. Игнацій Куношъ — директоръ Восточной Торговой Академіи и членъ Венгерской Академіи Наукъ.
 10. Бэла Мадеръ — чиновникъ, востоковѣдъ.
 11. Эдеонъ Малеръ — экстраординарный профессоръ Университета, членъ Венгерской Академіи Наукъ.
 12. Бернардъ Мункачи — путешественникъ по Азіи, членъ Венгерской Академіи Наукъ.
 13. Юлій Неметъ — путешественникъ по Востоку, писатель.
 14. Викторъ Нодъ — хранитель музея, членъ Венгерской Академіи Наукъ.
 15. Бэла Пошта — профессоръ университета, путешественникъ по Востоку.
 16. Вильгельмъ Прэле — приватъ-доцентъ Университета путешественникъ по Востоку, писатель.
 17. Юлій Шебештьєнъ — хранитель музея, членъ Венгерской Академіи Наукъ.
 18. Вилибалдъ Шемайеръ — начальникъ Отдѣленія Музея.
 19. Викторъ Шупка — хранитель Музея.
 20. Арминъ Вамбери — бывший профессоръ Университета.
 21. Фридрихъ Винце — профессоръ торговаго права, путешественникъ по Востоку, писатель.
-

Annexe.

Liste des membres du Comité hongrois élus pour les années 1913—1916.

1. Georges Almaśy, explorateur de l'Orient, écrivain.
 2. Vilmos Bacher, directeur du Rabbinate de Budapest.
 3. Benoît Balogh de Barátos, explorateur de l'Orient, écrivain.
 4. Raphaël Fuchs, explorateur de l'Ural, écrivain.
 5. Jules Germanus, historien orientaliste.
 6. Stephan Djorfy, conservateur du Musée Oriental de l'Académie de Commerce.
 7. Alexandre Kégl, professeur extraordinaire à l'Université de Budapest, membre de l'Académie des Sciences de Hongrie.
 8. Jean Kracsmárik, conseiller de l'une des sections du Ministère Royal des Finances, orientaliste.
 9. Ignace Kunos, directeur de l'Académie Orientale de Commerce et membre de l'Académie des Sciences de Hongrie.
 10. Béla Máder, fonctionnaire, orientaliste.
 11. Edéon Mahler, professeur extraordinaire à l'Université de Budapest, membre de l'Académie des Sciences de Hongrie.
 12. Bernard Munkacsi, explorateur de l'Asie, membre de l'Académie des Sciences de Hongrie.
 13. Jules Nemeth, explorateur de l'Orient, écrivain.
 14. Victor Nodj, conservateur du Musée, membre de l'Académie des Sciences de Hongrie.
 15. Béla Počta, professeur à l'Université, explorateur de l'Orient.
 16. Vilmos Pröhle, agrégé à l'Université, explorateur de l'Orient, écrivain.
 17. Jules Sebestyén, conservateur du Musée, membre de l'Académie des Sciences de Hongrie.
 18. Willibald Schemayer, chef de section au Musée.
 19. Victor Supka, conservateur du Musée.
 20. Armin Vámbéry, ancien professeur à l'Université.
 21. Frédéric Winze, professeur de droit commercial, explorateur de l'Orient, écrivain.
-

Извлечение изъ протоколовъ.

1918 г.

Засѣданіе 28 сентября.

Доложено письмо министра внутреннихъ дѣлъ на имя председателя отъ 3 марта за № 10158, съ увѣдомленіемъ о назначеніи представителемъ министерства въ Комитетѣ, вмѣсто скончавшагося И. П. Моллеріуса, члена совѣта министра П. М. Кошкина. Собраніе, по предложенію председательствующаго, привѣтствовало новаго члена Комитета, послѣ чего П. М. Кошкинъ въ краткихъ словахъ выразилъ свое сочувствіе задачамъ Комитета и свою готовность принять участіе въ его трудахъ.

Доложено отношеніе Акмолинскаго губернатора отъ 16 августа, съ увѣдомленіемъ, что въ Комитетъ отправленъ найденный крестьяниномъ селенія Краснополянскаго, Каменской волости, Кокчетавскаго уѣзда Садчиковымъ «глиняный узкогорлый кувшинъ съ надписью, похожей на китайскую», и съ приложеніемъ касающихся этой находки донесеній и протоколовъ.

Доложено письмо И. Я. Коростовца на имя председателя отъ 18 апрѣля, съ препровожденіемъ трехъ экземпляровъ монгольскаго текста Ургинскаго соглашенія и протокола 21 октября 1912 года. Определено: передать одинъ экземпляръ въ Азіатскій музей Императорской Академіи Наукъ и два экземпляра въ бібліотеку Императорскаго С.-Петербургскаго университета.

Доложены: 1) письма секретаря Венгерскаго комитета Международнаго Союза для изученія Средней и Восточной Азіи на имя председателя отъ 25 мая и 12 іюня н. ст., съ увѣдомленіемъ о составѣ комитета послѣ состоявшихся 31 декабря н. ст. новыхъ выборовъ и съ просьбой объ оказаніи содѣйствія командированнымъ отъ комитета лицамъ: д-ру Р. Фуксу (для изученія зырянъ Вологодской и Архангельской губерній), д-ру Ю. Немету (для изученія чувашей губерній

Extraits des procès-verbaux.

1913.

Séance du 28 septembre.

Il est donné lecture d'une lettre du ministre de l'intérieur adressée au président, en date du 3 mars, n° 10158, faisant part de la nomination aux fonctions de représentant du ministère auprès du Comité de M. Koškin, membre du conseil du ministre, en remplacement de M. Mollerius, décédé. L'assemblée, sur la proposition du président, souhaite la bienvenue au nouveau membre du Comité, après quoi M. Koškin, dans une brève allocution, exprime sa sympathie pour la tâche poursuivie par le Comité et son désir de prendre part à ses travaux.

Il est donné connaissance au Comité d'une lettre du gouverneur d'Akmolinsk, en date du 16 août, annonçant l'envoi d'un «vase d'argile à goulot étroit, muni d'une inscription ressemblant à des caractères chinois». Ce vase, découvert par un paysan du nom de Sadčikov, habitant le hameau Krasnopoljanskoje, canton de Kamenka, district de Kokčetaï, est accompagné des rapports et procès-verbaux se rapportant à cette trouvaille.

On fait part, ensuite, au Comité d'une lettre adressée par M. Koroševic au président, en date du 18 avril, accompagnée de trois exemplaires du texte mongol de la convention d'Urga et du procès-verbal du 21 octobre 1912. Il est décidé d'en transmettre un exemplaire au Musée Asiatique de l'Académie Impériale des Sciences et deux exemplaires à la Bibliothèque de l'Université Impériale de Petrograd.

Il est fait communication: 1) de deux lettres du secrétaire du Comité hongrois de l'Association Internationale pour l'exploration de l'Asie Centrale et de l'Extrême-Orient adressées au président, en date du 25 mai et du 12 juin n. st., donnant la liste des membres du Comité hongrois après les élections du 31 décembre n. st. et priant le Comité russe d'accorder son concours à cinq explorateurs chargés de

Уфимской и Оренбургской), д-ру В. Прэле (для изученія горныхъ кабардинцевъ), профессорамъ Себэку (Sebökö) и Шульцу (для этнографическихъ изслѣдованій въ Алтай, киргизскихъ степяхъ, Забайкальѣ и Монголіи); 2) отношеніе Финляндскаго комитета того же Союза объ оказаніи содѣйствія д-ру I.-Г. Гранэ, командированному для археологическихъ и географическихъ изслѣдованій въ Томскую губернію и Семипалатинскую область. При этомъ предсѣдательствующій сообщилъ, что просьбы обоихъ мѣстныхъ комитетовъ въ настоящее время уже выполнены.

Должено, что члены Комитета особымъ летучимъ протоколомъ отъ 29 апрѣля были увѣдомлены о слѣдующемъ предложеніи В. В. Радлова и Л. Я. Штернберга, которое и было одобрено членами Комитета посредствомъ подписанія протокола:

«Отъ А. В. Анохина, дважды успѣшно командированнаго Комитетомъ къ алтайцамъ для изученія шаманства, поступило слѣдующее заявленіе:

«Желая продолжить начатыя мною работы по шаманству у алтайцевъ, я предполагаю, въ послѣднихъ числахъ мая, направиться изъ Томска къ Бачатскимъ телеутамъ, у которыхъ нужно записать нѣсколько важныхъ камланій, особенно: а) От ээзі (духъ огня), совершаемое въ домѣ при запертыхъ дверяхъ, б) Жоо-Кану (отецъ сомовъ) и в) Сулай-Кану (духъ воды).

Изъ Бачата поѣду къ Кузнецкимъ инородцамъ-шорцамъ, живущимъ по р.р. Томи, Мрассѣ и Кондомѣ. Черезъ верховья рѣки Томи попаду на рѣку Лебедь (правый притокъ рѣки Бии) къ чалканцамъ и кумандинцамъ; съ чалканцами я случайно встрѣчался около Телецкаго озера въ 1910 году. Изъ ихъ разсказовъ и разсказовъ отцовъ миссіонеровъ видно, что у чалканцевъ до сихъ поръ сохранились въ цѣлости бытовая старина и шаманство.

Отъ чалканцевъ направляюсь въ верховья теченія р. Бии, гдѣ живутъ кумандинцы и черневые инородцы. У послѣднихъ мною записаны только одна мистерія и лирическія пѣсни. По убѣжденію катунскихъ алтайцевъ, у черневыхъ инородцевъ самыя лучшіе камы и большія мистерія и совершенно другая обрядовая сторона культа. Тоже самое объ нихъ пишетъ мнѣ художникъ Г. И. Гуркинъ, работавшій въ этомъ районѣ.

missions scientifiques par le Comité hongrois, savoir: le Dr. R. Fuchs, chargé d'étudier les zyrians des gouvernements de Vologda et d'Archangelsk, le Dr. J. Nemeth, désirant étudier les čuvaš des gouvernements d'Ufa et d'Orenbourg, le Dr. V. Pröhle, chargé d'étudier les montagnards de la Kabarda, enfin les professeurs Sebök et Schultz chargés de recherches ethnographiques dans l'Altaj, dans les steppes des kirgiz, en Transbajkalie et en Mongolie; 2) d'une lettre du Comité finlandais demandant le concours du Comité pour le Dr. J. G. Granö, délégué dans le gouvernement de Tomsk et dans la région de Semipalatinsk pour y effectuer des recherches archéologiques et géographiques. Le président déclare, à cette occasion, que les demandes des deux comités locaux ont été remplies.

Il est porté à la connaissance du Comité que la proposition suivante de MM. Radloff et Sternberg a été soumise, par feuille volante du 29 avril, aux membres de ce Comité, lesquels ont approuvé la proposition en question en y apposant leurs signatures:

«Le Comité a reçu une déclaration de la teneur suivante de M. Anochin, qui a été envoyé à deux reprises chez les indigènes de l'Altaj, pour y étudier le šamanisme, et a rempli ces missions avec succès:

«Désirant poursuivre les travaux que j'ai commencés sur le šamanisme chez les indigènes de l'Altaj, j'ai l'intention de me rendre, dans les derniers jours de mai, de Tomsk chez les teleuts de Bačat, pour y noter plusieurs conjurations d'un haut intérêt, notamment: a) la conjuration de l'esprit du feu, qui est prononcée à huis clos, b) celle du père des silures et c) celle de l'esprit des eaux.

De Bačat je compte me rendre auprès des indigènes — šorcy de Kuzneck qui habitent les bords des rivières: Tomi, Mrassa et Kondoma. Passant par la région des sources de la rivière Tomi, je compte gagner la rivière Lebedi (affluent droit de la Bija) dont les bords sont habités par les čalkancy et les kumandinzy; j'ai rencontré des čalkancy par hasard, en 1910, près du lac Teleckoje. A en juger d'après leurs récits et ceux des pères missionnaires, ce peuple a conservé dans leur intégrité leurs anciens us et coutumes, ainsi que le culte šamanique.

De chez les čalkancy je compte me diriger vers les sources de la Bija, où habitent les kumandinzy et les indigènes dits «černevyye».

Если будетъ благоприятное лѣто (безъ дождей) и позволить время, то отъ черневыхъ инородцевъ черезъ среднее теченіе Катуни я намѣренъ проѣхать на р.р. Оңбудай и Песчаную, гдѣ живутъ бурханисты и шаманисты. Шаманисты этого района до сихъ поръ сохранили самую сложную внѣшнюю обстановку шаманства. У нихъ я не былъ.

Въ связи съ работой по шаманскому культу и собиранію лирическихъ пѣсенъ указанныхъ инородцевъ, мнѣ хотѣлось бы записать и ихъ былины, зарисовать акварелью и сфотографировать предметы религіознаго культа, а также собрать коллекцію костюмовъ, если таковая пужна для музея Академіи Наукъ. Но всю намѣченную работу мнѣ одному за лѣто не выполнить, поэтому прошу Комитетъ для изученія Средней и Восточной Азіи разрѣшить мнѣ пригласить съ собой въ экскурсію для записыванія былинъ телеута Г. Токмашева, а для рисованія акварелью молодого художника М. Кузнецова. Г. Токмашевъ другую зиму живетъ у меня въ Томскѣ. За это время онъ приобрѣлъ достаточный навыкъ записывать тюркскіе тексты. М. Кузнецовъ ученикъ инородца художника Гуркина, хорошо владѣющій кистью. Первый изъ нихъ, Токмашевъ, проситъ себѣ за лѣтнюю работу небольшое вознагражденіе, чтобы нанять для себя дома работника и уплатить подать. Второй, Кузнецовъ, соглашается выполнить работу безвозмездно, но въ томъ только случаѣ, если ему будетъ предоставленъ безплатный проѣздъ и содержаніе.

Въ предполагаемую лѣтнюю экскурсію по Сѣверному и Центральному Алтаю просится ѣхать ученица Московскаго Строгановскаго училища г-жа Стужина. Она занимается въ училищѣ по классу лѣпки и ѣдетъ въ Алтай лѣпить инородческіе типы и предметы домашняго обихода. Г-жа Стужина состоятельная особа и хочетъ путешествовать на свой счетъ.

Путь отъ Томска до послѣдняго пункта предполагаемой экскурсіи по Алтаю тянется, приблизительно, на 1300 верстъ. Изъ нихъ 400 верстъ тележной ѣзды, а остальные 900 верстъ верховой. Въ пути предполагаю пробыть съ 1-го іюня по 15-е августа.

Приблизительная стоимость расходовъ по экскурсіи — 465 руб.

Принимая во вниманіе успѣшность прежнихъ работъ А. В. Анохина, прошу Комитетъ ассигновать означенную сумму.»

Chez ces derniers je n'ai noté jusqu'ici, en tout, qu'un drame religieux et des chants lyriques. De l'avis des altajcy de la rivière Katunĭ, ce sont les indigènes dits černevyje qui possèdent les meilleurs «kams» et les drames religieux les plus longs; les rites de leur culte seraient également tout autres que ceux des altajcy. Le peintre Gurkin, qui a travaillé dans cette région, m'a confirmé ce fait par écrit.

Si l'été est favorable, notamment pas pluvieux, et si j'en trouve le temps, je compte, en quittant le pays des indigènes černevyje, par le cours moyen de la Katunĭ, gagner les rivières Onbudaj et Peščanaja dont la région est habitée par des adeptes du culte lamaïque et šamanique. Les šamanistes de cette localité ont conservé jusqu'ici les rites extérieurs les plus compliqués du šamanisme. Je n'ai pas encore eu l'occasion de les visiter.

En connexion avec les recherches relatives au culte šamanique et la transcription des chants lyriques des peuplades susmentionnées, je désirerais également inscrire leurs chants épiques, dessiner à l'aquarelle et photographier les objets de leur culte religieux et faire une collection de leurs costumes, si le Musée de l'Académie des Sciences trouve nécessaire d'en posséder une. Mais il me serait impossible d'exécuter personnellement tout ce travail au cours d'un seul été, c'est pourquoi je prie le Comité de m'autoriser à inviter M. Tokmašev, telet d'origine, à prendre part à mon voyage, pour transcrire les chants épiques, et M. Kuznecov, jeune artiste peintre, pour exécuter les dessins à l'aquarelle. M. Tokmašev passe son second hiver auprès de moi, à Tomsk. Dans cette période de temps il a acquis une expérience suffisante pour transcrire des textes turcs; quant à M. Kuznecov, il est élève du peintre indigène Gurkin et manie le pinceau avec habileté. M. Tokmašev demande pour le travail de cet été une rémunération modérée destinée à engager un ouvrier, pour le remplacer à la maison, et à payer ses redevances; M. Kuznecov consent à travailler gratuitement, à condition que ses frais de route et d'entretien lui soient remboursés.

Mlle Stuzina, élève de l'Ecole Stroganov, à Moscou, a, de son côté, exprimé le désir de se joindre à l'excursion projetée pour l'été prochain dans le nord et le centre de l'Altaj. Elle travaille dans la classe de modelage de cette école et se rend dans l'Altaj pour y mo-

При этомъ доложено письмо А. В. Анохина отъ 6 іюня съ увѣдомленіемъ о полученіи имъ денегъ и о планѣ его работъ.

Доложено, что по постановленію бюро, на основаніи § 10 правилъ его дѣятельности, выдано 250 р. студенту Майнагашеву, по предложенію В. В. Радлова, для производства лингвистическихъ и этнографическихъ изслѣдованій въ Енисейской области среди качинцевъ и белтировъ, и 150 р. студенту И. В. Левину, по предложенію К. Г. Залемана, для записи произведеній народной словесности въ европейской Турціи. Определѣно: произведенный расходъ утвердить.

К. Г. Залеманомъ и В. В. Бартольдъ сообщены свѣдѣнія изъ отчета о поѣздкѣ въ Туркестанъ, присланнаго (на французскомъ языкѣ) проф. Р. Готье. Определѣно: отчетъ напечатать въ «Извѣстіяхъ» Комитета.

В. В. Бартольдъ сообщилъ, что Туркестанскимъ кружкомъ любителей археологіи на средства, назначенныя Комитетомъ въ засѣданіи 1 декабря 1912 г., произведено подробное обслѣдованіе развалинъ города Пейкевда и что объ этихъ работахъ изслѣдователемъ Л. А. Зиминимъ составленъ отчетъ, который будетъ напечатанъ въ «Протоколахъ» Кружка, при чемъ Комитету будетъ доставлено опредѣленное число оттисковъ.

С. О. Ольденбургъ сообщилъ, что Б. Б. Барадійномъ, кромѣ печатающагося труда его «Описаніе статуи Майтреи въ золотомъ храмѣ въ Лавранѣ», въ настоящее время приготовлено къ печати описаніе другого Лавранскаго храма.

Л. Я. Штернбергъ сообщилъ свѣдѣнія о результатѣ работъ Б. Э. Петри и В. А. Михайлова и свѣдѣнія изъ отчета о работахъ студента Майнагашева. Определѣно: отчетъ Майнагашева напечатать въ «Извѣстіяхъ» Комитета.

delier sur nature des types indigènes et des objets et ustensiles usagers. Mlle Stuzina ayant de la fortune, désire voyager à ses frais.

L'itinéraire de Tomsk jusqu'au point terminus de l'excursion projetée dans l'Altaj comprend à peu près 1.300 verstes, dont 400 à faire en charrette et 900 à cheval. Je suppose que l'excursion durera du 1er juin au 15 août et j'évalue les frais à 465 roubles, environ.

Prenant en considération les résultats importants fournis par les travaux précédents de M. Anochin, nous prions le Comité de vouloir bien lui allouer la somme demandée.

En même temps il est donné lecture d'une lettre de M. Anochin, en date du 6 juin, accusant réception de cette somme et donnant le plan détaillé des travaux projetés.

Il est porté à la connaissance du Comité que sur la proposition de M. Radloff et en vertu du § 10 du Règlement, le bureau a alloué : 1) à M. Majnagašev, étudiant, 250 r., pour faire des recherches d'ordre linguistique et ethnographique dans la région de l'Enisej, parmi les kačincy et les beltirs et 2) sur la proposition de M. Salemann, 150 r. à M. Levin, étudiant, pour noter des specimens du folklore dans la Turquie d'Europe. On décide d'approuver ces dépenses.

MM. Salemann et Barthold donnent des détails sur un rapport en langue française présenté par le Prof. R. Gauthiot sur son voyage au Turkestan. On décide de publier ce rapport dans le «Bulletin» du Comité.

M. Barthold annonce que le Cercle des amateurs d'Archéologie du Turkestan a fait usage des ressources que le Comité avait mises à sa disposition, en sa séance du 1er décembre 1912, pour explorer en détail les ruines de la ville de Pejkend, que l'explorateur, M. Zimin, a fait sur ces travaux un rapport par écrit qui sera publié dans les «Procès-verbaux» du Cercle et que le nombre réglementaire de tirés à part de ce rapport sera envoyé au Comité.

M. d'Oldenburg porte à la connaissance du Comité que M. Baradjn, en outre de son travail intitulé : «Description de la statue de Majtreja dans le temple d'or de Lavran», actuellement sous presse, a préparé pour l'impression la description d'un autre temple à Lavran.

M. Sternberg communique au Comité des détails sur les résultats des travaux de MM. Petri et Michajlov, ainsi que des données

Засѣданіе 2 ноябля.

По предложенію предсѣдателя, собраніе привѣтствовало проф. Грюнведела, какъ одного изъ пионеровъ изученія памятниковъ древности въ Восточномъ Туркестанѣ и одного изъ инициаторовъ организаціи Международнаго Союза для изученія Средней и Восточной Азіи.

Должено отношеніе департамента таможенныхъ сборовъ отъ 30 октября за № 40200, о разрѣшеніи безпошлиннаго транзитнаго пропуска черезъ Иркештамъ въ Германію 70 ящиковъ съ археологическими коллекціями германской экспедиціи въ Китайскій Туркестанъ, и письмо начальника экспедиціи д-ра фонъ-Лекока съ выраженіемъ признательности за оказанное содѣйствіе.

Л. Я. Штернбергъ сообщилъ дополнительныя свѣдѣнія изъ отчета С. Д. Майнагашева о поѣздкѣ въ долину р. Абаканъ. По предложенію бюро опредѣлено: назначить С. Д. Майнагашеву, на предметъ обработки собранныхъ имъ матеріаловъ, пособіе въ размѣрѣ 25 руб. въ мѣсяцъ, срокомъ на 6 мѣсяцевъ, съ 1 ноября 1913 по 1 мая 1914 г.

Л. Я. Штернбергъ прочиталъ отчетъ Б. Э. Петри объ изслѣдованіи неолитической стоянки на берегу Байкала.

Л. Я. Штернбергъ прочиталъ отчетъ С. М. и Е. Н. Широкогоровыхъ о поѣздкѣ къ орочамъ Забайкальской области; въ дополненіе къ этому отчету В. Л. Котвичъ сообщилъ нѣкоторые свѣдѣнія о собранномъ г-дами Широкогоровыми лингвистическомъ матеріалѣ.

Предъявленъ собранію глиняный кувшинъ, найденный, какъ было доложено Комитету въ засѣданіи 28 сентября, крестьяниномъ Садчиковымъ въ Кокчетавскомъ уѣздѣ, Акмолинской области, причемъ оказалось, что на кувшинѣ есть надпись орхонскими письменами, до настоящаго времени не поддающаяся разбору; кромѣ того есть еще другая надпись, причемъ письмена принадлежатъ, повидимому, одному изъ семитическихъ алфавитовъ. Послѣ объѣма мнѣніями опредѣлено: увѣдомить губернатора Акмолинской области, что кувшинъ могъ бы

tirées du rapport de l'étudiant Majnagašev sur ses recherches linguistiques et ethnographiques. Il est décidé de publier le rapport de M. Majnagašev dans le «Bulletin» du Comité.

Séance du 2 novembre.

Sur la proposition du président, l'assemblée acclame le professeur Grünwedel, en sa qualité de pionnier de l'étude des monuments de l'antiquité dans le Turkestan Oriental et d'initiateur de l'organisation de l'Association Internationale pour l'étude de l'Asie Centrale et de l'Extrême-Orient.

Il est fait communication d'une lettre du Département des Douanes, en date du 30 octobre, n° 40200, autorisant le passage par Irkestamm, en transit sur l'Allemagne et en franchise de douane, de 70 caisses contenant les collections archéologiques de l'expédition allemande au Turkestan Chinois; en même temps, il est donné lecture d'une lettre du Dr. von Le Cocq, chef de l'expédition, exprimant au Comité ses remerciements pour le concours qui lui a été accordé.

M. Sternberg communique au Comité des renseignements complémentaires tirés du rapport de M. Majnagašev sur son voyage dans la vallée de la rivière Abakan. Sur la proposition du bureau, il est décidé d'allouer à M. Majnagašev, pour le dépouillement des matériaux recueillis par lui, un subside mensuel de 25 r., pour une période de 6 mois, à compter du 1er novembre 1913 jusqu'au 1er mai 1914.

M. Sternberg donne lecture d'un rapport de M. Petri sur l'exploration d'une station néolithique sur les bords du lac Bajkal.

Ensuite M. Sternberg soumet au Comité un rapport de M. et M-me Širokogorov sur leur voyage au pays des oročons, dans la région Transbajkalienne; M. Kotvič fournit, à cette occasion, quelques renseignements complémentaires sur les matériaux linguistiques recueillis par ces explorateurs.

Le vase en argile découvert par le paysan Sadčikov dans le district de Kokčetaï, région d'Akmolinsk, et dont il avait été question au cours de la séance du 28 septembre, est soumis à l'assemblée. On constate, à cette occasion, qu'il porte une inscription en caractères oročons, non encore déchiffrés; le vase porte, en outre, une autre in-

быть приобретень музеемъ этнографіи при Императорской Академіи Наукъ за 50 рублей.

В. Л. Котвичъ сообщилъ о доставленіи въ Азіатскій музей Академіи Наукъ калмыцкихъ рукописей, приобретенныхъ въ 1911 г. командированнымъ отъ Комитета Н. Очировымъ.

1914 г.

Засѣданіе 8 февраля.

Предсѣдатель сообщилъ о кончинѣ П. С. Попова († 7 декабря) и Д. А. Клеменца († 8 января), принимавшихъ дѣятельное участіе какъ въ работахъ по составленію уставовъ Международнаго Союза и Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи, такъ и, послѣ образованія Комитета, въ трудахъ послѣдняго—Д. А. Клеменцъ до 1908 г., П. С. Поповъ до весны 1913 г. По предложенію предсѣдателя, память почившихъ была почтена вставаніемъ.

Доложено письмо г. министра народнаго просвѣщенія на имя предсѣдателя отъ 15 января за № 251, съ увѣдомленіемъ о назначеніи въ Комитетъ представителемъ отъ министерства народнаго просвѣщенія тайнаго совѣтника А. М. Позднѣва. Собраніе привѣтствовало новаго члена Комитета.

Доложень и утвержденъ отчетъ о дѣятельности Комитета въ 1913 году.

Доложены 1) письма предсѣдателя германскаго комитета проф. Лидерса (H. Lüders) на имя предсѣдателя отъ 1 и 15 декабря, 5, 10, 19 и 23 января, 14 февраля н. ст., съ просьбой оказать содѣйствіе безпрепятственному пропуску черезъ русскія среднеазіатскія владѣнія возвращающейся изъ Китайскаго Туркестана германской экспедиціи и безплатному провозу ея коллекцій и съ сообщеніемъ свѣдѣній (въ послѣднемъ письмѣ) объ изслѣдованныхъ экспедиціей мѣстахъ, главнымъ образомъ въ окрестностяхъ г. Кучара; 2) отношеніе департамента таможенныхъ сборовъ отъ 31 декабря за № 47556 и письмо вр. и. д. начальника Азіатской части Главнаго Штаба на имя предсѣдателя отъ 8 января за № 44, объ удовлетвореніи возбу-

scription dont les caractères appartiennent vraisemblablement à l'un des alphabets sémitiques. Après un échange d'opinions entre les assistants, il est décidé d'informer le gouverneur de la région d'Akmolinsk que ce vase pourrait être acquis par le Musée d'Ethnographie de l'Académie Impériale des Sciences au prix de 50 r.

M. Kotvič annonce que les manuscrits kalmyks acquis en 1911 par M. Očirov, chargé par le Comité d'une mission scientifique, ont été remis au Musée Asiatique de l'Académie des Sciences.

1914.

Séance du 8 février.

Le président fait part à l'assemblée du décès de P. S. Popov († le 7 décembre) et de D. A. Klementz († le 8 janvier) qui avaient pris tous les deux une part active à la rédaction des statuts de l'Association Internationale et du Comité russe pour l'étude de l'Asie Centrale et de l'Extrême-Orient, ainsi qu'aux travaux de ce Comité: M. Klementz jusqu'en 1908, et M. Popov — jusqu'au printemps 1913. Sur la proposition du président, l'assemblée honore la mémoire des défunts en se levant.

Il est donné lecture d'une lettre du ministre de l'instruction publique adressée au président le 15 janvier, n° 251, notifiant au Comité la nomination de M. Pozdnějev, conseiller privé, aux fonctions de représentant du ministère de l'instruction publique auprès du Comité. L'assemblée souhaite la bienvenue à son nouveau membre.

Le compte-rendu de l'activité du Comité en 1913 est soumis à l'assemblée et obtient son approbation.

Il est fait communication: 1) de plusieurs lettres du prof. Lüders, président du Comité allemand, en date du 1er et 15 décembre, du 5, 10, 19 et 23 janvier et du 14 février n. st., adressées au président et demandant le concours du Comité pour obtenir un permis de passage par les provinces russes de l'Asie Centrale pour l'expédition allemande revenant du Turkestan Chinois et la franchise de douane pour les collections qu'elle rapporte. La dernière lettre donne des détails sur les localités explorées par l'expédition, principalement aux environs de la ville de Kučar; 2) d'une lettre du département des douanes, en date du 31 décembre, n° 47556, et d'une autre lettre du chef, par intérim,

жденныхъ черезъ посредство Комитета ходатайствъ германской экспедиціи. Въ дополненіе къ заслушаннымъ бумагамъ, С. О. Ольденбургъ сообщилъ свои личныя впечатлѣнія о тѣхъ же развалинахъ, посѣщенныхъ имъ во время экспедиціи 1909—10 гг., упомянулъ о слѣдахъ разрушительной работы нѣкоторыхъ путешественниковъ и изслѣдователей, способствовавшей не столько изученію памятниковъ древности, сколько обезпеченію ихъ для науки, и указалъ на необходимость болѣе бережнаго отношенія къ этимъ единственнымъ въ своемъ родѣ памятникамъ при будущихъ экспедиціяхъ. Определено: просить комиссію, избранную въ засѣданіи 16 декабря 1908 г., выработать въ этомъ смыслѣ текстъ обращенія къ мѣстнымъ комитетамъ, входящимъ въ Международный Союзъ для изученія Средней и Восточной Азіи.

Доложено отношеніе перваго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ отъ 4 февраля за № 827, съ увѣдомленіемъ о предполагаемой поѣздкѣ проф. Балогъ (Balogh von Baratos), по порученію венгерскаго національнаго музея, на крайній сѣверъ и дальній востокъ Россіи, и съ просьбой сообщить, не встрѣчается ли со стороны Комитета препятствій къ осуществленію этой поѣздки. Определено: отвѣтить, что проф. Балогъ уже имѣлъ открытый листъ отъ Комитета въ 1911 г. и что препятствій къ осуществленію его новой поѣздки со стороны Комитета не встрѣчается.

Доложено письмо А. В. Анохина отъ 28 января, съ сообщеніемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о работахъ, исполненныхъ имъ и его спутниками среди алтайцевъ во время поѣздки, совершенной на средства Комитета въ 1913 г.

Доложено и одобрено Комитетомъ слѣдующее предложеніе В. В. Бартольда:

«Въ минувшемъ году Туркестанскимъ кружкомъ любителей археологій, на средства, назначенныя Комитетомъ, между прочимъ было произведено изслѣдованіе развалинъ города Пейкенда въ Бухарскомъ ханствѣ, причемъ изслѣдователь ограничился подробнымъ изученіемъ городища въ его современномъ состояніи, сопоставленіемъ этихъ данныхъ съ письменными извѣстіями и небольшими пробными раскопками. Въ текущемъ году кружокъ предполагалъ бы произвести на мѣстѣ тѣхъ же развалинъ болѣе значительныя раскопки, причемъ главнос

de la section Asiatique de l'état-major général adressée au président le 8 janvier, n° 44, annonçant toutes deux qu'il a été donné satisfaction aux demandes de l'expédition allemande transmises par le Comité. Après lecture de ces pièces, M. d'Oldenburg fait part à l'assemblée, à titre complémentaire, de ses impressions personnelles lors de la visite de ces mêmes monuments, au cours de l'expédition 1909—1910; il mentionne les traces du vandalisme de certains voyageurs et explorateurs qui ont moins contribué à l'étude des monuments de l'antiquité qu'à leur dépréciation, au point de vue scientifique, et il souligne la nécessité de sauvegarder dans une plus large mesure ces monuments uniques en leur genre, lorsqu'ils seront, à l'avenir, l'objet d'explorations scientifiques. Il est décidé de charger la commission nommée en la séance du 16 décembre 1908 de rédiger dans ce sens le texte d'un appel aux comités locaux faisant partie de l'Association Internationale pour l'étude de l'Asie Centrale et de l'Extrême-Orient.

Il est donné lecture d'une lettre du premier département du ministère des affaires étrangères du 4 février, n° 827, annonçant au Comité que le prof. Balogh de Barátos est chargé par le Musée National de Hongrie d'une mission scientifique dans l'extrême Nord de la Russie et dans les provinces russes de l'Extrême-Orient. Le département désire savoir si le Comité ne voit aucun obstacle à la réalisation de ce voyage. On décide de répondre que le prof. Balogh ayant été muni en 1911 d'un certificat du Comité, celui-ci ne voit aucun obstacle à son nouveau voyage.

Une lettre de M. Anochin, datée du 28 janvier, est communiquée au Comité. Elle fournit quelques détails sur les travaux exécutés par lui et ses compagnons parmi les indigènes de l'Altaj, au cours d'un voyage effectué dans cette région en 1913, aux frais du Comité.

La proposition suivante de M. Barthold est soumise au Comité et obtient son approbation :

«Le Cercle des Amateurs d'Archéologie du Turkestan a procédé, entre autres, l'année passée, à l'exploration, avec le concours pécuniaire du Comité, des ruines de la ville de Pejkend, dans le chanat de Buchara. L'explorateur s'est borné à étudier en détail la citadelle, dans son état actuel, à comparer ces données avec les témoignages écrits et à exécuter des fouilles d'essai assez restreintes. Cette année,

вниманіе было бы обращено на то мѣсто внутри городища, гдѣ, судя по найденнымъ изразцамъ, находилась соборная мечеть. Раскопки предполагается произвести въ два пріема, весной, во время пасхальныхъ каникулъ, и лѣтомъ; производство ихъ, вѣроятно, будетъ поручено тому же члену кружка, которымъ были осмотрѣны развалины въ 1913 году,—Л. А. Зимину.

«Если эти предположенія будутъ одобрены Комитетомъ, то я просилъ бы назначить въ распоряженіе кружка, для указанной цѣли, 1000 р. изъ суммъ Комитета за текущій годъ, причемъ было бы желательно переслать кружку половину этой суммы — 500 р. — въ мартѣ, остальную часть—въ маѣ, если къ тому времени будетъ полученъ краткій отчетъ о результатахъ весеннихъ работъ и если эти результаты будутъ признаны бюро удовлетворительными и соответствующими произведеннымъ расходамъ.»

Доложены слѣдующія два предложенія А. В. Адрианова, представленные въ Комитетъ В. В. Радловымъ и Л. Я. Штернбергомъ:

I. «На средства Комитета мною съ 1903 г. начаты изслѣдованія писаницъ въ Минусинскомъ уѣздѣ и Ачинскомъ.—Изслѣдованія охватили долину Енисея, Тубы, Абакана и Чулыма (собств. Юсовъ) и доведены до дер. Байкаловой на Енисеѣ. По собраннымъ мною литературнымъ и разспроснымъ даннымъ нужно еще мѣсяца полтора работы, чтобы закончить все изслѣдованіе писаницъ по Енисею вплоть до Красноярска. Конечно, можетъ случиться, какъ это всегда бывало и раньше, что при детальномъ обследованіи какого либо памятника обнаружится новый—путемъ ли собственныхъ осмотровъ, или указаній мѣстныхъ жителей—и тогда предположенный срокъ работъ придется удлинить. Я располагаю временемъ продлить и такую работу и думаю, что ее необходимо закончить нынѣ же лѣтомъ и наконецъ поспѣшить съ опубликованіемъ матеріаловъ, чрезмѣрно затянувшимся.

«На обследованіе писаницъ потребуется сумма не менѣе 400 рублей, за счетъ которыхъ придется пропзвести нѣкоторое снаряженіе, о чемъ я скажу ниже, и сверхъ того потратить потребную сумму на приобрѣтеніе полевого Цейссовскаго бинюкля. Всего я испрашиваю у Комитета, по наименьшему разсчету, 500 руб. и былъ бы удовлетворенъ, еслибъ Комитетъ смогъ увеличить ассигнованіе на 150—200 р.

le Cercle désirerait procéder à des fouilles plus complètes sur l'emplacement de ces mêmes ruines, en concentrant son attention, en premier lieu, sur l'endroit de la citadelle, où, à en juger d'après les briques émaillées qui y ont été trouvées, s'élevait la mosquée principale. Le Cercle projette de diviser les fouilles en deux périodes: au printemps, c'est à dire pendant les vacances de Pâques, et en été; ces fouilles seront probablement confiées à M. Zimin, membre du Cercle, qui a visité ces ruines en 1913.

Si ces projets obtiennent l'approbation du Comité, je demanderais qu'une somme de 1000 r., à prendre sur les fonds dont le Comité dispose cette année, soit allouée au Cercle, dans ce but. Il serait désirable de mettre la moitié de cette somme, soit 500 r., à la disposition du Cercle au mois de mars, et le reste — au mois de mai, à condition, toutefois, que le Comité ait reçu à cette époque un rapport succinct sur le résultat des travaux effectués au printemps et que ce résultat soit reconnu par le bureau comme satisfaisant et répondant aux dépenses effectuées.

Le Comité est saisi, ensuite, de deux propositions de M. Adrianov appuyées par MM. Radloff et Sternberg:

I. «J'ai commencé en 1903 l'exploration, aux frais du Comité, des «pisanicy» dans les districts de Minusinsk et d'Ačinsk. Cette exploration s'est étendue aux vallées de l'Enisej, de la Tuba, de l'Abakan et du Čulym et s'est arrêtée au village de Bajkalova, sur l'Enisej. D'après les données que j'ai recueillies dans les publications à ce sujet et en interrogeant des personnes compétentes, il me faudrait encore un mois et demi de travail pour mener à bonne fin la recherche des «pisanicy» le long du cours de l'Enisej jusqu'à Krasnojarsk. Il peut bien arriver, et cela a toujours été le cas jusqu'ici, que l'étude détaillée d'un monument amène la découverte d'un autre objet analogue, soit à la suite d'observations personnelles de l'explorateur, soit d'indications fournies par des indigènes. Dans ce cas, le terme des travaux serait forcément reculé. Je dispose du temps nécessaire pour prolonger ces travaux et je suis d'avis qu'il est indispensable de les achever cet été même et de hâter la publication des matériaux accumulés qui n'a été que trop retardée.

L'exploration des «pisanicy» nécessitera une dépense d'au moins 400 r., en comprenant dans cette somme l'acquisition de quelques ob-

II. «Вторую половиною лѣта я хотѣлъ бы воспользоваться для раскопки кургановъ, въ цѣляхъ пополненія ранѣе собраннаго мною матеріала. Для этихъ раскопокъ желательно бы избрать новые районы и новые типы кургановъ, по указанію ли Комитета, или на основаніи матеріала въ музеѣ Минусинскомъ изъ разныхъ мѣстностей. А еще интереснѣе было бы организовать раскопку кургановъ въ Урянхайской землѣ, наприм., въ системѣ р. Кемчика по степи на р. Джедапѣ, гдѣ находится нѣсколько отличныхъ изваяній (бабъ) и знаменитая Каябажинская руническая надпись, на р. Чанулѣ, на степяхъ по р. Турану и Юку и т. д., словомъ, въ мѣстности, чрезвычайно интересной въ археологическомъ отношеніи и съ этой стороны изслѣдованіемъ еще никѣмъ и никогда нетронутой. До настоящаго времени раскопки здѣсь были невозможны, ввиду враждебнаго настроенія сойтовъ, но теперь, когда здѣсь русскіе стали хозяевами, когда здѣсь всюду разбросаны русскіе поселки, и безъ труда можно достать русскихъ рабочихъ, изслѣдованіе путемъ раскопокъ стало дѣломъ возможнымъ.

«На расходы для раскопки кургановъ въ районѣ Минусинскаго уѣзда потребуется не менѣе 400 руб., а при поѣздкѣ въ Урянхайскую землю — до 600 руб. При желаніи провѣрить возможно больше матеріала, поставить на работы побольше людей, эти расходы придется увеличить, примѣрно, до 1000 рублей».

По предложенію бюро опредѣлено: одобрить оба предложенія и назначить въ настоящее время изъ суммъ Комитета на осуществленіе перваго 400 р., на осуществленіе втораго — 600 р. При этомъ Н. И. Веселовскій сообщилъ, что о писаницахъ, доставленныхъ А. В. Адриановымъ до настоящаго времени, готовить подробное изслѣдованіе членъ Императорской Археологической Коммиссіи А. А. Спицынъ.

jets d'équipement. De plus, une certaine somme devra être consacrée à l'achat d'une jumelle de campagne Zeiss. Je demanderais en tout au Comité une somme minima de 500 r. et serais particulièrement satisfait si le Comité trouvait possible d'augmenter cette allocation de 150 à 200 r.»

II. «Je voudrais consacrer la seconde moitié de l'été à pratiquer des fouilles dans les tumulus, en vue de compléter les matériaux recueillis par moi antérieurement. Il serait désirable d'effectuer ces fouilles dans des rayons entièrement nouveaux et surtout d'explorer de nouveaux types de tumulus, soit d'après les indications du Comité, soit en se basant sur les matériaux provenant de différentes localités, réunis au musée de Minusinsk. Il serait encore plus intéressant de soumettre à des fouilles systématiques les tumulus du pays d'Urïanchaj, p. ex. dans le bassin du Kemčik, dans la steppe arrosée par la rivière Džedana, où il existe plusieurs sculptures (babas) remarquables et où se trouve la célèbre inscription runique de Kajabažin; ensuite sur le cours du Čanul, dans la steppe sillonnée par les rivières Turan et Ijuk, etc., en un mot dans une région extraordinairement intéressante, au point de vue de l'archéologie, et vierge encore de toute recherche de ce genre. Jusqu'ici les fouilles étaient impraticables dans ce pays, à cause de la disposition hostile des sojots, mais actuellement, les russes étant maîtres du pays et des hameaux russes y étant disséminés de toutes parts, on peut y trouver sans peine des terrassiers de nationalité russe et l'exploration des tumulus au moyen de fouilles est devenue parfaitement praticable.

Ces travaux dans les limites du district de Minusinsk ne nécessiteraient pas moins de 400 r., et avec l'excursion dans le pays d'Urïanchaj — jusqu'à 600 r. Si l'on se posait pour but de relever le plus possible de matériaux, en engageant un plus grand nombre d'hommes, ces frais monteraient à 1000 r. environ».

Sur la proposition du bureau, il est décidé d'approuver ces deux propositions et d'allouer dès à présent, sur les fonds du Comité, 400 r. pour la réalisation de la première, et 600 r. pour la seconde. M. Veselevskij annonce, à cette occasion, que M. Spicyn, membre de la Commission Impériale d'Archéologie, travaille à une étude détaillée des «pisanicy» communiquées jusqu'à ce jour par M. Adrianov.

Отчетъ о дѣятельности

состоящаго подъ ВЫСОЧАЙШИМЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
покровительствомъ

Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи въ историческомъ, археологическомъ, лингвистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ
за 1913 годъ.

Въ отчетномъ году Комитетъ, вступивъ во второе десятилѣтіе своего существованія, продолжалъ свою дѣятельность въ прежнемъ направленіи.

По количеству назначенныхъ средствъ, первое мѣсто занимали археологическія, лингвистическія и этнографическія работы, производившіяся въ Иркутской губерніи и Забайкальской области. Б. Э. Петри подробно изслѣдовалъ неолитическую стоянку, открытую имъ же въ 1912 г. на западномъ берегу Байкала; тотъ же изслѣдователь вмѣстѣ съ В. А. Михайловымъ продолжалъ работы по изученію быта и религіи бурятъ-шаманистовъ; въ той же Иркутской губерніи г. Вампилунъ собиралъ лингвистическій и этнографическій матеріалъ среди бурятъ балаганскихъ, аларскихъ и нижнеудинскихъ; такія же работы производились въ Забайкальской области, среди ороchonъ, гг. Широкогоровыми; въ дацанахъ Забайкальской области, подъ руководствомъ бурятскихъ ламъ, работалъ Б. Б. Барадійнъ. Свѣдѣнія о результатахъ этихъ работъ, кромѣ работъ г. Вампилуна, были доложены Комитету въ засѣданіяхъ 28 сентября и 2 ноября.

Лингвистическія и этнографическія работы производились также: студентомъ Майнагашевымъ въ Енисейской области, среди качин-

Compte-rendu
pour l'année 1913
du Comité Russe de l'Association Internationale pour l'exploration
historique, archéologique, linguistique et ethnographique de l'Asie
Centrale et de l'Extrême-Orient,

sous le Haut Patronage de SA MAJESTÉ L'EMPEREUR.

Cette année le Comité entre dans la seconde période décennale de son existence et continue son activité dans la même direction que par le passé.

Les travaux archéologiques, linguistiques et ethnographiques exécutés dans le gouvernement d'Irkutsk et dans la région Transbaïkalienne occupent la première place, au point de vue de l'importance des fonds alloués. M. Petri a exploré en détail la station néolithique qu'il a découverte en 1912 sur le bord occidental du lac Baïkal; le même explorateur a continué, en collaboration avec M. Michajlov, ses études sur les moeurs et coutumes et sur le culte des buriats šamanistes; M. Vampilun a recueilli dans le même gouvernement des documents linguistiques et ethnographiques parmi les buriats de Balagan, d'Alar et de Nižneudinsk; des travaux du même genre ont été exécutés dans la région Transbaïkalienne, parmi les oroçons, par les époux Širokogorov; enfin M. Baradijn a travaillé dans les «dacans» de la région Transbaïkalienne, avec le concours des lamas buriats. Des données sur les résultats de ces travaux, sauf ceux de M. Vampilun, ont été communiquées au Comité, au cours des séances du 28 septembre et du 2 novembre.

цевъ и белтировъ; А. В. Апохинымъ въ Томской губерніи, среди алтайцевъ, главнымъ образомъ для изученія алтайскаго шаманства; студентомъ Левинымъ въ Европейской Турціи; кромѣ того были назначены средства для работъ Н. Очирова среди калмыковъ Терской области. Комитету въ засѣданіяхъ 28 сентября и 2 ноября были сообщены свѣдѣнія о результатахъ работъ студента Майнагашева; свѣдѣній о результатахъ работъ другихъ изслѣдователей въ отчетномъ году еще не поступало.

Въ отчетномъ году были исполнены постановленія Комитета, состоявшіяся еще въ 1912 году, о командированіи на два года въ Восточный Туркестанъ и Западный Китай, для лингвистическихъ изслѣдованій, С. Е. Малова и о назначеніи средствъ въ распоряженіе Туркестанскаго кружка любителей археологій для изслѣдованія развалинъ городовъ Шахрухіи и Пейкенда. Свѣдѣнія изъ писемъ С. Е. Малова были доложены Комитету въ засѣданіи 28 сентября. Туркестанскимъ кружкомъ, для выполненія намѣченныхъ работъ, были командированы І. А. Кастанье и Л. А. Зиминъ; отчеты обоихъ изслѣдователей напечатаны въ «Протоколахъ» кружка; отгиски доставлены Комитету, согласно его постановленію отъ 22 сентября 1909 г., въ пяти экземплярахъ. Наконецъ, Комитетомъ было оказано содѣйствіе командированному въ Монголію С.-Петербургскимъ университетомъ, на два года, Б. Я. Владимірову.

Въ засѣданіяхъ 9 февраля, 30 марта и 28 сентября Комитету было сообщено объ археологическихъ находкахъ въ Акмолинской и Семипалатинской областяхъ. Одинъ изъ предметовъ, найденный въ Акмолинской области, именно глиняный кувшинъ съ орхонскими письменами, былъ предъявленъ Комитету въ засѣданіи 2 ноября.

Комитетъ въ отчетномъ году лишился двухъ своихъ членовъ, представителя министерства внутреннихъ дѣлъ И. П. Моллеріуса, скончавшагося 22 марта, и представителя министерства народнаго просвѣщенія П. С. Попова, скончавшагося 7 декабря. Представителемъ министерства внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ П. М. Кошкинъ, представителемъ министерства народнаго просвѣщенія А. М. Позднѣвъ.

Въ качествѣ центральнаго комитета Международнаго Союза для изученія Средней и Восточной Азіи Комитетъ оказалъ содѣйствіе ли-

Des travaux d'ordre linguistique et ethnographique ont également été exécutés: par M. Majnagašev, étudiant, dans la région de l'Enisej, parmi les kačincy et les beltirs; par M. Anochin, dans le gouvernement de Tomsk, parmi les indigènes de l'Altaj, principalement en vue d'étudier le šamanisme local; par l'étudiant Levin, dans la Turquie d'Europe; en outre, un subside a été accordé à M. Očirov pour ses travaux parmi les kalmyks de la région du Terek. Des données sur les résultats des travaux de M. Majnagašev ont été communiqués au Comité au cours des séances du 28 septembre et du 2 novembre; on n'a pas reçu de nouvelles, dans le courant de cette année, sur la marche des travaux des autres explorateurs.

Deux décisions du Comité, prises en 1912, ont été mises à exécution en 1913: l'une relative à l'envoi de M. Malov, pour deux ans, dans le Turkestan Oriental et dans la Chine Occidentale, pour y procéder à des recherches d'ordre linguistique, et l'autre concernant l'allocation d'un subside au Cercle des Amateurs d'Archéologie du Turkestan pour faire explorer les ruines des villes de Šachruchija et de Pejkend. Des informations sur les travaux de M. Malov extraites de ses lettres ont été communiquées au Comité, en sa séance du 28 septembre. D'autre part, le Cercle des Amateurs de l'Archéologie du Turkestan a chargé MM. Castanier et Zimin de l'exécution des travaux projetés; les rapports de ces deux explorateurs ont paru dans les «Procès-verbaux» du Cercle; 5 exemplaires de ces rapports, tirés à part, ont été mis à la disposition du Comité, conformément à sa décision du 22 septembre 1909. Enfin, le Comité a accordé son concours à M. Vladimircov, chargé par l'Université de Petrograd d'une mission scientifique en Mongolie, pour une durée de deux ans.

Le Comité a été informé, au cours de ses séances du 9 février, du 30 mars et du 28 septembre, de trouvailles archéologiques dans les régions d'Akmolinsk et de Semipalatinsk. L'un des objets trouvés dans la région d'Akmolinsk, un vase en argile portant des caractères orchons, a été présenté au Comité, en sa séance du 2 novembre.

Le Comité a perdu deux de ses membres, au cours de l'année 1913: M. Mollerius, représentant du ministère de l'intérieur, décédé le 22 mars, et M. Popov, représentant du ministère de l'instruction publique, décédé le 7 décembre. Ils ont été remplacés: par M. Koškin,

цать, командированнымъ мѣстными комитетами—французскимъ (проф. Р. Готъо и д-ръ Г. Юнкеръ, въ Самаркандскую область), германскимъ (гг. Лекокъ и Бартусъ, въ Китайскій Туркестанъ), венгерскимъ (д-ръ Фуксъ, въ губерніи Вологодскую и Архангельскую; д-ръ Ю. Немецъ, въ губерніи Уфимскую и Оренбургскую; д-ръ В. Прэле, на Кавказъ; проф. Себэкъ и Шульцъ—на Алтай, въ киргизскія степи, Забайкалье и Монголію) и финляндскимъ (д-ръ І. І. Гранэ, въ Томскую губернію и Семипалатинскую область). Свѣдѣнія о результатахъ работъ проф. Готъо были доложены Комитету въ засѣданіи 28 сентября.

Комитетъ напечаталъ протоколы своихъ засѣданій, которыхъ въ отчетномъ году было четыре, и закончилъ печатаніемъ второй номеръ новой серіи своихъ «Извѣстій» (= Bulletin).

Изъ печатныхъ изданій, явившихся результатомъ выполненныхъ на средства Комитета работъ, Комитету были доставлены, въ 5 экземплярахъ, слѣдующія изданія:

1) Образцы народной словесности монгольскихъ племенъ. Тексты. Т. І. Произведенія народной словесности бурятъ. Собралъ Ц. Ж. Жамцарано. Выпускъ І. Эпическія произведенія Эхритъ-булгатовъ. Аламжи-Мэргень (былина). Спб. 1913.

2) Л. Зиминъ. Развалины Старога Пейкенда. Ташкентъ 1913 (оттискъ изъ Протоколовъ Туркестанскаго кружка любителей арх., годъ XVII).

3) І. Кастанье. Отчетъ о поѣздкѣ въ Шахрохію и мѣстность «Канка». Ташкентъ 1913 (также).

Кромѣ того Комитету сдѣлалось извѣстнымъ о выходѣ въ свѣтъ слѣдующихъ работъ:

1) В. М. Іоновъ. Орелъ по воззрѣніямъ якутовъ. І. Почитаніе орла у якутовъ. ІІ. Пѣсня о наступленіи года. Спб. 1913 (Сборникъ музея антропологии и этнографіи при Имп. Академіи Наукъ, т. І, 16).

2) *Suvarṇaprabhāsa* (Сутра золотого блеска). Текстъ уйгурской редакціи. Издали В. В. Радловъ и С. Е. Маловъ. І—ІІ. Спб. 1913 (= *Bibliotheca Buddhica* XVII).

3) С. Salemann. *Manichaica*. III. IV. (Извѣстія Имп. Академіи Наукъ 1912 г.).

de la part du ministère de l'intérieur, et par M. Pozdnějev, pour le ressort de l'instruction publique.

Le Comité russe, en sa qualité de comité central de l'Association Internationale pour l'étude de l'Asie Centrale et de l'Extrême Orient, a accordé son concours à plusieurs personnes chargées de missions scientifiques par des comités locaux: au prof. Gauthiot et au Dr. Junker envoyés par le Comité français dans la région de Samarkand; à MM. Le Cocq et Bartus envoyés par le Comité allemand dans le Turkestan Chinois; aux savants hongrois: M. le Dr. Fuchs, chargé par son Comité national d'une mission scientifique dans les gouvernements de Vologda et d'Archangelsk, M. le Dr. Nemeth, envoyé dans les gouvernements d'Ufa et d'Orenbourg; M. le Dr. Pröhle, chargé de visiter le Caucase, et les prof-rs Sebök et Schultz, se rendant dans l'Altaj, dans les steppes des kirgiz, en Transbajkalie et en Mongolie; enfin au Dr. Granö, envoyé par le Comité finlandais dans le gouvernement de Tomsk et dans la région de Semipalatinsk. Des informations sur les résultats des travaux du prof. Gauthiot ont été communiquées au Comité, en sa séance du 28 septembre.

Le Comité a publié les procès-verbaux de ses séances, au nombre de quatre, en 1913, et a fait paraître le № 2 de la nouvelle série de son «Bulletin».

Le Comité a reçu 5 exemplaire de chacun des ouvrages suivants, qui sont le résultat de recherches exécutées aux frais du Comité:

1) Spécimens du folklore des tribus mongoles. Textes. T. I. Oeuvres du folklore buriat. Recueillies par C. Ž. Žamcarano. Fascicule I. Oeuvres épiques des echrit-bulgats. Alamži-Mergen (épopée). Petrograd. 1913.

2) L. Zimin. Les Ruines de l'ancien Pejkend. Taškent. 1913. (Tiré à part des procès-verbaux du Cercle des Amateurs d'Archéologie du Turkestan, XVII année).

3) J. Castanier. Rapport sur un voyage à Šachrochia et au pays de «Kanka». Taškent. 1913. (Id. id.).

D'autre part, le Comité a eu connaissance de la publication des travaux suivants:

1) V. T. Ionov. L'aigle au point de vue des jakuts. I. Le culte de l'aigle chez les jakuts. II. Chants du nouvel-an. Petrograd. 1913.

Печатаются работы:

1) W. Radloff. *Suvarṇaprabhāsa*. (Das Goldglanz-Sutra) in uigurischer Redaction. I—II. Uebersetzung (въ Bibliotheca Buddhica).

2) Б. Б. Барадіійнъ. Статуя Майтреи въ Золотомъ храмѣ Лаврана. Переводъ съ тибетскаго (тамъ-же).

3) С. Маловъ. Сказки желтыхъ уйгуръ (въ журналѣ «Живая Старина»).

(Recueil du Musée d'Anthropologie et d'Ethnographie de l'Académie Impériale des Sciences. T. I, 16).

2) Suvarṇaprabhāsa (Sutra de la splendeur dorée). Texte de la version uigure. Publié par W. W. Radloff et S. E. Malov. I — II. Petrograd. 1913. (= Bibliotheca Buddhica XVII).

3) C. Salemann. Manichaica. III. IV. (Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences. 1912).

Les ouvrages suivants se trouvent en voie de publication:

1) W. Radloff. Suvarṇaprabhāsa. (Das Goldglanz-Sutra) in uigurischer Redaktion. I—II. Übersetzung (= Bibliotheca Buddhica).

2) B. B. Baradijn. Les statues de Majtreja dans le Temple d'Or de Lavran. Traduit du tibétain (Ibidem).

3) S. Malov. Contes des uigurs jaunes (parus dans la revue «Živaja Starina»).

Извлеченіе изъ протоколовъ.

1914 г.

Засѣданіе 29 марта.

Доложено письмо начальника Главнаго Штаба на имя предсѣдателя отъ 19 февраля за № 391, съ увѣдомленіемъ о назначеніи въ Комитетъ представителемъ отъ Военнаго министерства, вмѣсто ген.-маіора Цейля, начальника Азіатской части Главнаго Штаба ген.-маіора Манакина. По предложенію бюро опредѣлено: выразить ген.-маіору Цейлю признательность за постоянное содѣйствіе всѣмъ предпріятіямъ Комитета.

Л. Я. Штернбергъ прочиталъ отчетъ С. А. Малова о его второмъ путешествіи къ уйгурамъ, составленный въ концѣ декабря на пути изъ Суджоу въ Хами и отправленный изъ Хами 12 января.

Доложено отношеніе перваго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ отъ 7 марта за № 1805, объ удовлетвореніи ходатайства, возбужденнаго предсѣдателемъ на основаніи письма предсѣдателя Датскаго комитета Международнаго Союза для изученія Средней и Восточной Азіи, объ оказаніи содѣйствія командированному Датскимъ комитетомъ въ Персію д-ру А. Кристенсену.

С. Ө. Ольденбургъ прочиталъ составленный комиссіей по археологическому изученію Китайскаго Туркестана, на основаніи постановленія Комитета отъ 8 февраля, проектъ обращенія къ мѣстнымъ комитетамъ, входящимъ въ составъ Международнаго Союза для изученія Средней и Восточной Азіи, по вопросу объ охранѣ памятниковъ древности въ Китайскомъ Туркестанѣ и о согласованіи работъ экспедицій для ихъ изслѣдованія. Опредѣлено: 1) одобрить представленный проектъ и внести его на обсужденіе ближайшаго (оксфордскаго) сѣзда оріенталистовъ, предварительно сообщивъ его мѣстнымъ комитетамъ и нѣкоторымъ другимъ ученымъ учрежденіямъ п обществамъ, въ томъ числѣ японской академіи наукъ; 2) въ препроводи-

Extraits des procès-verbaux.

1914.

Séance du 29 mars.

Il est donné lecture d'une lettre du chef de l'état-major général adressée au président, en date du 19 février, n° 391, annonçant qu'en remplacement du général-major Zeil, le général-major Manakin, chef de la section asiatique de l'état-major général, a été nommé aux fonctions de représentant du ministère de la guerre auprès du Comité. Sur la proposition du bureau, il est décidé d'exprimer au général-major Zeil la gratitude du Comité pour le concours qu'il a constamment accordé à toutes ses entreprises.

Il est donné communication d'une lettre du premier département du ministère des affaires étrangères, en date du 7 mars, n° 1805, annonçant que le ministère, sur la demande du Comité danois, appuyée par le président de notre Comité, a accordé son concours au Dr. Christensen, chargé par le Comité danois d'une mission scientifique en Perse.

M. Sternberg donne lecture d'un rapport de M. Malov sur son second voyage chez les ujkurs, rédigé vers la fin du mois de décembre, pendant son trajet de Sudjoun à Chami et expédié de cette ville le 12 janvier.

M. d'Oldenburg donne connaissance à l'assemblée d'un projet d'appel aux comités locaux faisant partie de l'Association Internationale pour l'étude de l'Asie Centrale et de l'Extrême-Orient rédigé, conformément à une décision du Comité du 8 février, par la commission pour l'exploration archéologique du Turkestan Chinois, en vue d'assurer la conservation des monuments de l'antiquité dans le Turkestan Chinois et de coordonner les travaux des expéditions ayant pour but l'étude de ces monuments. Il est décidé: 1) d'approuver le projet en question et de le soumettre à l'examen du prochain congrès des orientalistes

тельной бумагѣ просить мѣстные комитеты сообщить свой отзывъ о предложеніяхъ Комитета и, если послѣднія будутъ ими одобрены, еще до оксфордскаго съѣзда ориенталистовъ принимать ихъ во вниманіе при снаряженіи экспедицій въ Китайскій Туркестанъ.

Доложенъ и одобренъ Комитетомъ слѣдующій проектъ экспедиціи въ Китайскій Туркестанъ, составленный начальникомъ экспедиціи С. Θ. Ольденбургомъ и одобренный комиссіею по археологическому изученію Китайскаго Туркестана:

«Въ экспедицію предполагаю отправиться около 15 мая срокомъ на 1 годъ примѣрно. Для участія въ ней мною приглашены слѣдующія лица: художникъ-фотографъ Самуиль Мартыновичъ Дудинъ, архитекторъ Викторъ Сергѣевичъ Биркенбергъ — эти два лица могутъ пребыть въ экспедицію лишь до 1 ноября; художникъ Борисъ Ѳедоровичъ Ромбергъ и топографъ-землемѣръ Н. А. Смирновъ.

Основная цѣль экспедиціи *исчерпывающее изслѣдованіе старѣйшихъ пещеръ Дунъ-хуана*, а затѣмъ уже, только въ случаѣ если намѣченная цѣль будетъ достигнута или если отсутствіе фотографа-спеціалиста и архитектора, которые уѣдутъ въ ноябрѣ, помѣшаетъ правильному веденію работы, я имѣю въ виду направиться въ Турфанскій оазисъ и работать тамъ до весны.

Политическое положеніе страны побуждаетъ меня ходатайствовать о командированіи со мною 7 казаковъ, что значительно, конечно, удорожитъ экспедицію, но что совершенно необходимо».

Доложено, что К. Г. Залеманомъ, С. Θ. Ольденбургомъ и Ѳ. И. Щербатскимъ внесено предложеніе объ избраніи въ члены, Комитета, на основаніи § 3 устава (п. о) и постановленія Комитета отъ 26 апрѣля 1913 г., бар. А. А. фонъ-Сталь-Гольштейна. Закрытой баллотировкой бар. А. А. фонъ-Сталь-Гольштейнъ оказался избраннымъ единогласно 11 голосами.

Доложены писью предсѣдателя Французскаго комитета Международнаго Союза для изученія Средней и Восточной Азіи проф. Э. Сенара отъ 26 марта н. ст. на имя предсѣдателя, съ увѣдомленіемъ о командированіи въ Среднюю Азію проф. Р. Готью, и съ предложеніемъ снарядить совмѣстную экспедицію въ припамирскія области для лингвистическихъ и этнографическихъ работъ, и слѣдующее предло-

(à Oxford), après en avoir préalablement communiqué le texte aux comités locaux et à quelques autres institutions et sociétés, et dans ce nombre à l'Académie des Sciences Japonaise; 2) de prier les comités locaux, par lettre annexée au projet d'appel, de donner leur avis sur les propositions du Comité et, au cas où elles seraient approuvées avant la réunion du congrès des orientalistes à Oxford, de les prendre en considération lorsque des expéditions scientifiques seront envoyées au Turkestan Chinois.

Le projet suivant d'une expédition au Turkestan Chinois élaboré par M. d'Oldenburg, chef de l'expédition, et approuvé par la commission pour l'exploration archéologique du Turkestan Chinois, est soumis au Comité et obtient son approbation:

«Je compte me mettre en route vers le 15 mai, pour un an, environ. J'ai invité les personnes suivantes à prendre part à l'expédition: M. Samuel Martynovič Dudin, artiste photographe, M. Victor Sergejevič Birkenberg, architecte (ces deux personnes ne peuvent prendre part à l'expédition que jusqu'au 1er novembre); Boris Fiodorovič Romberg, artiste peintre, et N. A. Smirnov, topographe-arpenteur.

Le but fondamental de l'expédition est *l'exploration complète des plus anciennes cavernes du Dun-chuan*, et ensuite, lorsque ce but aura été atteint, où si l'absence du photographe spécialiste et de l'architecte, qui quitteront l'expédition en novembre, devient un obstacle à la marche régulière des travaux, j'ai en vue de gagner l'oasis de Turfan et d'y travailler jusqu'au printemps.

La situation politique du pays m'oblige à demander une escorte de 7 cosaques, ce qui, naturellement, augmentera considérablement les frais de l'expédition, mais c'est une précaution absolument indispensable.

Il est porté à la connaissance du Comité que MM. Salemann, d'Oldenburg et Ščerbaskoj, en vertu du § 3 (alinéa c) des Statuts et d'une décision du Comité datant du 26 avril 1903, proposent d'élire le baron A. A. de Staël-Holstein membre du Comité. Après ballottage par scrutin secret, le baron A. A. de Staël-Holstein se trouve élu à l'unanimité, par 11 voix.

Il est donné lecture d'une lettre du prof. E. Senart, président du Comité français de l'Association Internationale pour l'étude de l'Asie

женіе К. Г. Залемана, В. В. Радлова, Л. Я. Штернберга, С. Э. Ольденбурга и В. В. Бартольда:

«Мы нежиподписавшіеся, въ виду письма предсѣдателя Французскаго комитета, считали бы крайне полезнымъ снаряженіе экспедиціи совмѣстно со стороны Русскаго и Французскаго комитетовъ, въ составѣ проф. Готьо, какъ начальника экспедиціи, и двухъ русскихъ, одного спеціалиста по туземнымъ языкамъ и одного этнографа, для изученія въ лингвистическомъ и этнографическомъ отношеніи восточной части Бухарскаго ханства, подъ общимъ руководствомъ академика К. Г. Залемана. Къ участію въ этой экспедиціи мы рекомендуемъ для лингвистическихъ цѣлей шт.-капитана Ханыкова, а для этнографическихъ изслѣдованій окончившаго С.-Петербургскій университетъ И. И. Зарубина (участника этнографической экспедиціи Л. Я. Штернберга), вынѣ усиленно занимающагося таджикскимъ языкомъ. Экспедиція должна продолжаться съ 1 мая по 1 сентября, причемъ мы полагаемъ необходимымъ ассигновать на эту экспедицію изъ средствъ Комитета 2.000 рублей подъ отчетъ, такъ какъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, 1.000 руб. могло бы быть назначено для той же цѣли изъ суммы Академіи Наукъ. Въ виду важности систематическаго изученія народовъ Памира, просимъ Комитетъ удовлетворить наше ходатайство. Послѣ работы подъ руководствомъ такого опытнаго спеціалиста, какъ проф. Готьо, г-да Ханыковъ и Зарубинъ въ будущемъ могли бы самостоятельно продолжать систематическое изученіе народовъ Памира».

Предложеніе одобрено съ тѣмъ, чтобы собранный экспедиціей этнографическій матеріалъ всецѣло былъ предоставленъ въ распоряженіе Русскаго Комитета.

Доложено слѣдующее поддержанное В. Л. Котвичемъ, В. В. Радловымъ и Л. Я. Штернбергомъ предложеніе проф. А. И. Иванова:

«Со времени аппексіи Японіей Кореи многое уже слѣлано для изученія эконоическаго положенія этой страны, но этнографическія, лингвистическія и археологическія изслѣдованія подвинулись сравнительно мало впередъ. Корейскій языкъ, напримѣръ, въ Японіи изучается преимущественно практически. Между тѣмъ научное изученіе Кореи въ историко-этнографическомъ, лингвистическомъ, антрополо-

Centrale et de l'Extrême-Orient, en date du 26 mars n. st., adressée au président et lui annonçant que le prof. Gauthiot a été chargé d'une mission scientifique dans l'Asie Centrale. Le Comité français offre, en même temps, d'organiser une expédition commune dans les régions voisines du Pamir, pour y procéder à des recherches d'ordre linguistique et ethnographique. Cette lettre donne lieu à la proposition suivante de MM. Salemann, Radloff, Sternberg, d'Oldenburg et Barthold:

«Les soussignés, ayant pris connaissance de la lettre du président du Comité français, considèrent l'organisation d'une expédition commune par les Comités russe et français comme extrêmement utile. Cette expédition, dirigée par le prof. Gauthiot, comprendrait deux russes: l'un spécialiste pour les langues indigènes, l'autre ethnographe, lesquels pourraient étudier, au point de vue de la linguistique et de l'ethnographie, la partie orientale du chanat de Buchara, sous la direction commune de M. Salemann, membre de l'Académie des Sciences. Nous recommandons pour les recherches linguistiques de l'expédition M. Chanykov, capitaine en second, et pour les recherches ethnographiques — M. Zarubin, qui a achevé ses études à l'Université de Petrograd, a pris part à l'expédition ethnographique de M. Sternberg et se voue actuellement à l'étude de la langue tadzik. L'expédition durerait du 1er mai au 1er septembre; nous croyons nécessaire d'assigner à cet effet 2000 r., à prendre sur les fonds du Comité. L'expédition aurait à rendre compte de l'emploi de cette somme; nous avons connaissance de ce qu'une somme de 1000 r. pourrait être affectée au même but sur les fonds de l'Académie des Sciences. Vu l'importance de l'étude systématique des peuplades du Pamir, nous prions le Comité de donner suite à notre demande. Après avoir travaillé sous la direction d'un spécialiste aussi expert que le prof. Gauthiot, MM. Chanykov et Zarubin seraient à même, dans l'avenir, de continuer seuls l'étude systématique des peuplades du Pamir».

Cette proposition est approuvée, à la condition, toutefois, que les documents ethnographiques réunis par l'expédition soient mis entièrement à la disposition du Comité russe.

La proposition suivante du prof. A. I. Ivanov, appuyée par MM. Kotvič, Radloff et Sternberg, est soumise au Comité:

гическомъ и археологическомъ отношеніяхъ важно не только для общихъ научныхъ задачъ по изученію Дальняго Востока, но и для проблемы Приамурскаго края, особенно тѣсно связаннаго съ сосѣдней Кореей. При этомъ нужно имѣть въ виду, что при современномъ японскомъ управленіи и интенсивномъ желѣзнодорожномъ строителствѣ этнографическія особенности исчезаютъ съ необычайной быстротой. Наиболее важною въ этнографическомъ, какъ и въ археологическомъ отношеніи областью слѣдуетъ считать сѣверную Корею, граничащую съ южной Маньчжуріей и Приморскою областью. Эта область входила въ составъ различныхъ владѣній, со времени династіи Хань и даже ранѣе, если основываться на свѣдѣніяхъ китайскихъ источниковъ. Представлялось бы по этому весьма желательнымъ пачать изслѣдованіе Кореи именно съ сѣверной ея части.

Вполнѣ пригоднымъ къ выполненію такого порученія лицомъ является Н. І. Конрадъ, окончившій въ 1912 г. факультетъ Восточныхъ языковъ и успѣшно выполнившій двѣ командировки въ Японию.

Зная практически японскій и отчасти китайскій языкъ, Н. І. Конрадъ занимался уже корейскимъ языкомъ и знакомъ съ литературой о Корей.

Лѣто текущаго года онъ намѣренъ провести въ Японіи для занятій корейскимъ и японскимъ языками, а осенью, получивъ надлежащія указанія, онъ могъ бы отправиться въ Корею и приступить къ историко-этнографическимъ и антропологическимъ изслѣдованіямъ, занимаясь и изученіемъ языка. Вмѣстѣ съ тѣмъ было бы желательно, чтобы Н. І. Конрадъ ознакомился съ корейскими источниками о Приморской области, изъ коихъ нѣкоторые указаны въ библіографіи Maurice Courant.

Прежде всего ему надлежало бы отправиться въ Сеулъ, гдѣ возможно получать непосредственно справки и нужныя свѣдѣнія, а также подготовиться въ практическомъ знаніи корейскаго языка. Затѣмъ могли бы быть намѣчены слѣдующіе пункты, представляющіе этнографическій и историческій интересъ: Кайцзіо (мѣсто пребыванія династіи Гао-ли), Хей-цзіо, Кай-сю, Конко и Кэй-сю (столица владѣнія Синра).

Этнографическія же наблюденія желательно сосредоточить въ одной изъ сѣверныхъ провинцій: Хэй-янь, Канкіо, Кокай. Вся командировка

« Depuis l'annexion de la Corée par le Japon, il a été fait beaucoup pour l'étude de la situation économique de ce pays, mais les recherches d'ordre ethnographique, linguistique et archéologique n'ont fait que peu de progrès, relativement. Ainsi, p. ex., la langue coréenne n'est guère étudiée au Japon que d'une façon toute pratique. Or l'exploration scientifique de la Corée aux points de vue historico-ethnographique, linguistique, anthropologique et archéologique est importante non seulement pour les problèmes scientifiques généraux de l'étude de l'Extrême-Orient, mais aussi pour la connaissance de la région de l'Amour, qui est intimement liée à celle de sa voisine la Corée. En même temps, il importe de ne pas perdre de vue que sous l'administration japonaise actuelle et à la suite de l'extension rapide du réseau ferré, les particularités ethnographiques disparaissent avec une rapidité extraordinaire. On doit considérer le nord de la Corée, qui est limitrophe de la Mandchourie méridionale et de la région Maritime, comme la partie la plus importante de ce pays, tant au point de vue de l'ethnographie que de l'archéologie. Cette contrée a fait partie de divers états, depuis l'époque de la dynastie de Khanï, et même avant, s'il faut en croire les informations de source chinoise. C'est pourquoi il serait fort désirable de commencer l'exploration de la Corée précisément par sa partie septentrionale.

M. Konrad, qui a achevé ses études en 1912 à la faculté des langues orientales et a déjà rempli avec succès deux missions scientifiques au Japon, serait tout indiqué pour une mission de ce genre.

Connaissant pratiquement la langue japonaise et, jusqu'à un certain point, le chinois, M. Konrad a déjà étudié la langue coréenne et connaît la littérature relative à la Corée.

Il a l'intention de passer l'été de cette année au Japon, pour y poursuivre l'étude des langues coréenne et japonaise, et en automne, muni des indications nécessaires, il pourrait se rendre en Corée et procéder à des recherches historico-ethnographiques et anthropologiques, tout en y continuant l'étude de la langue. En même temps, il serait désirable que M. Konrad prenne connaissance des sources coréennes traitant de la région Maritime, dont quelques unes sont mentionnées dans la bibliographie de Maurice Courant.

должна продолжаться около года. Въ виду того, что г. Конрадъ можетъ приступить къ работамъ только съ 1 сентября, изъ бюджета нынѣшняго года ему достаточно ассигновать необходимую сумму только на 4 мѣсяца.

Для командировки Н. И. Конрада въ первые четыре мѣсяца потребовалась бы сумма въ 700 рублей.

Определено: 1) одобрить внесенное предложеніе; 2) разрѣшить Н. И. Конраду, во время выполненія командировки, собирать свѣдѣнія по иконографіи для С. Θ. Ольденбурга и составлять коллекцію этнографическихъ предметовъ для музея антропологии и этнографіи при Академіи Наукъ, на средства, назначенныя музеемъ.

Доложено и одобрено слѣдующее предложеніе В. В. Радлова и Л. Я. Штернберга:

«Ходатайствуемъ передъ Комитетомъ объ удовлетвореніи слѣдующаго предложенія многолѣтняго сотрудника Комитета А. В. Анохина:

«У меня накопилось очень много матеріала, собраннаго мною за послѣдніе четыре года на Алтаѣ. Пока только часть его разобрана, большая же половина требуетъ еще обработки и дополненія.

Въ виду этого я рѣшилъ первую половину наступающаго лѣта прожить на Алтаѣ, въ Аскатѣ, на р. Катунѣ и заняться обработкой собраннаго матеріала на мѣстѣ.

Во вторую половину лѣта я желалъ бы сдѣлать экскурсію въ верховья рр.: Бѣлаго Ануя, Песчаной, Урсула и Чарыша къ инородцамъ Западнаго Алтая. Тамъ до сихъ поръ я не былъ и имѣю только незначительныя записи отъ кама Бологуя, котораго я случайно встрѣтилъ въ 1911 году на р. Ашыякту у больного. Въ районѣ вышеуказанныхъ рѣкъ, послѣ Четовскаго движенія, хотя мало, но уцѣлѣлъ шаманизмъ съ своей внѣшней богатой обстановкой, съ разсказами о житіи предковъ-камовъ и легендами о сотвореніи міра и человѣка.

Не меньшій интересъ представляетъ этотъ край въ отношеніи разнообразія орнаментовъ на посудѣ, костюмахъ и типичности послѣднихъ. Тамъ можно встрѣтить пока всю старину алтайца и въ гораздо большемъ разиѣрѣ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ обширнаго Алтая. Орнаментъ западнаго алтайца, кажется, еще ни кѣмъ не зарисовывался. Для собиранія орнаментовъ я могъ бы, по примѣру прошлаго года,

Avant tout, il lui faudrait se rendre à Séoul, où il pourrait obtenir des renseignements directs et toutes les informations dont il a besoin; il pourrait aussi s'y préparer à sa mission par l'étude pratique de la langue du pays. Ensuite les points suivants pourraient être notés comme présentant un intérêt ethnographique et historique: Kaj-czio (lieu de résidence de la dynastie Gao-li), Chej-czio, Kaj-siu, Konko et Kej-siu (capitale du domaine de Sinra).

Quant aux recherches ethnographiques, il serait désirable de les localiser dans l'une des provinces du nord: Chej-jan, Kankio, Kokaj. La durée de la mission scientifique serait d'un an, environ. M. Konrad ne pouvant commencer ses travaux qu'à partir du 1er septembre, il serait suffisant de lui allouer sur le budget de cette année la somme nécessaire pour 4 mois, soit 700 roubles».

Il est décidé: 1) d'approuver la proposition en question; 2) d'autoriser M. Konrad à recueillir, au cours de sa mission scientifique, des données sur l'iconographie qui intéressent M. d'Oldenburg, et des objets se rapportant à l'ethnographie, destinés au Musée d'anthropologie et d'ethnographie de l'Académie Impériale des Sciences, qui a affecté une somme spéciale à cet effet.

La proposition suivante de MM. Radloff et Sternberg est soumise au Comité et obtient son approbation:

«Nous demandons au Comité d'accueillir favorablement la proposition suivante de M. Anochin, collaborateur permanent du Comité:

«J'ai accumulé une grande quantité de matériaux, recueillis au cours des quatre dernières années dans l'Altaj. Une partie seulement de ces matériaux a été dépouillée, tandis que la plus grande moitié demande à être travaillée et complétée.

Dans ce but, j'ai décidé de passer la première moitié de l'été prochain dans l'Altaj, à Askat, sur la rivière Katunī, et de procéder sur place au dépouillement de ces matériaux.

Je désirerais consacrer la seconde moitié de l'été à une excursion aux sources des rivières: Biëly Anuj, Pesčanaja, Ursula et Čaryš, c'est à dire au pays des tribus indigènes de l'Altaj Occidental. Je n'ai pas encore visité cette région et je ne possède que des transcriptions peu importantes que je tiens du «kam» Bologuj que j'ai rencontré par hasard, en 1911, sur la rivière Ašyjaktu, au chevet d'un malade. Après le

взять съ собой въ экскурсію мѣстнаго художника или художницу, если разрѣшить это сдѣлать миѣ Комитетъ. Собираніе орнамента можно начать въ Чемальскомъ тупикѣ среди черневыхъ инородцевъ, маймаларовъ, а въ дальнѣйшемъ перейти къ «Алтай-Кіжі», живущимъ по лѣвому берегу Катуня и другихъ рѣкъ.

Во время лѣтнихъ работъ я желалъ бы въ Аскатѣ (на Катунѣ) записать отъ слѣпого «кайчы» Чолтуша былевые рассказы. Чолтушъ, котораго я хорошо знаю, можетъ рассказать до 70-ти былинъ. По его словамъ, всѣ рассказы можно записать въ три мѣсяца. Не пайдетъ-ли возможнымъ Комитетъ поручить запись былинъ Е. Токмашеву, природному телеуту. Послѣдній вѣлъ подобную запись въ прошломъ году на нашу лѣтнюю экскурсію. Въ настоящее время г. Токмашевъ живетъ у меня въ Томскѣ, изучаетъ русскій и нѣмецкій языки. За это время онъ самостоятельно перевелъ на русскій языкъ сказки «Алтын Хан» (шорская), «Алзара Мерген» (тел.), «Козіка» (тел.), «Алтай Куучыны» (тел.) и загадки. Токмашева можно отправить въ Аскатъ въ началѣ мая, чтобы захватить больше времени для работы.

На организацію лѣтней поѣздки на трехъ человекъ потребуется всего 336 руб. 50 коп.».

Доложено и одобрено слѣдующее предложеніе В. В. Радлова и Л. Я Штернберга:

«Мы нижеподписавшіеся ходатайствуемъ объ удовлетвореніи слѣдующаго предложенія С. В. Майнагашева о продолженіи работъ среди инородцевъ Енисея, успѣшно начатыхъ имъ въ прошломъ году.

«Спѣшу увѣдомить Комитетъ о моей готовности продолжать начатія мною изслѣдованія въ настоящемъ году.

Смѣтъ предполагаемыхъ расходовъ считаю нужнымъ предпослать слѣдующія соображенія.

Раіонъ изслѣдованія значительно увеличивается. Сюда входятъ пижияя долина р. Абакана съ ея главными притоками съ лѣвой стороны Камыштою и Уйбатомъ, и лѣвая сторона р. Енисея, охватывая всю площадь, такъ называемой, Качинской степи, заселенную Качинскими инородцами. Въ грубомъ видѣ раіонъ этотъ представляетъ треугольникъ, который въ своемъ основаніи на югѣ непосредственно

soulèvement de Četov, il reste encore dans le bassin des rivières susmentionnées des vestiges, quoique rares, du culte šamanique, dans toute sa pompe extérieure, avec ses récits relatifs aux ancêtres «kams» et ses légendes sur la création de l'univers et de l'homme.

Ce pays ne présente pas un moindre intérêt sous le rapport de la variété de l'ornementation de la poterie et des vêtements, ainsi que du caractère typique de ceux-ci. On peut y retrouver, provisoirement, toutes les anciennes coutumes des indigènes de l'Altaj, et cela dans une bien plus large mesure que dans les autres districts de cette vaste région. Les ornements en usage chez les indigènes de l'Altaj occidental n'ont été jusqu'ici, paraît-il, dessinés par personne. Pour recueillir ces ornements, je pourrais, à l'exemple de l'année passée, emmener un dessinateur ou une dessinatrice du pays, si le Comité m'y autorise. On pourrait commencer la reproduction d'ornements dans l'impasse de Čemal, parmi les indigènes «černevye», les majmalars, et visiter ensuite les «Altaj-Kiži» habitant la rive gauche de la rivière Katunī, ainsi que les bords d'autres cours d'eau.

Au cours des travaux de l'été je désirerais inscrire à Askat (sur la rivière Katunī) les poèmes épiques récités par le «kajčy» aveugle Čoltuš. Je connais bien ce récitateur qui peut déclamer jusqu'à 70 poèmes épiques. Il prétend que tous ces poèmes pourraient être transcrits en trois mois. Est-ce que le Comité ne trouverait pas possible de confier la transcription de ces poèmes à E. Tokmašev, teute de naissance, qui a exécuté des travaux de ce genre au cours de notre excursion de l'été passé. Actuellement M. Tokmašev demeure chez moi, à Tomsk, et étudie les langues russe et allemande. Dans ces derniers temps il a traduit en russe, sans aucune aide étrangère, les contes suivants: «Altyn-Chan» (d'origine šore), «Alzara Mergen», «Kozika», «Altaj Kuučyny», (tous les trois de provenance teute), et diverses devinettes. On pourrait envoyer M. Tokmašev à Askat dès le commencement de mai, en vue de gagner plus de temps pour ce travail.

Les frais de cette excursion comprenant trois personnes ne dépasseraient pas 336 r. 50 c.»

Il est donné lecture de la proposition suivante de MM. Radlof et Sternberg:

является продолженіемъ обследованнаго въ прошломъ году района; сѣверо-восточная сторона примыкаетъ къ р. Енисею и крестьянскимъ волостямъ — Новоселовской и Знаменской; сѣверо-западной стороною треугольника служить р. Бѣлый Юсь, за которой начинается уже районъ кизыльцевъ. По величинѣ эта площадь будетъ больше обследованной въ прошломъ году средней долины Абакана по крайней мѣрѣ въ 2 раза. Кромѣ того, я предполагаю сдѣлать дополнительные поѣздки въ предѣлы прошлогодняго района, съѣздить, напр., къ белтирамъ. Кизыльскій районъ не включаю въ планъ предполагаемаго изслѣдованія, хотя возможно, что удастся захватить и этотъ районъ.

Чтобы выполнить намѣченную программу, придется выработать на мѣстѣ болѣе точный маршрутъ поѣздки. Необходимо на этотъ разъ изслѣдованія начать, по крайней мѣрѣ, на мѣсяцъ раньше, чѣмъ въ прошломъ году.

Кромѣ того, опытъ прошлаго года показалъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ недостаточно бываетъ одного человѣка, чтобы давать полную картину жизни и обычаевъ народа; наблюдая религіозный обрядъ, напр., невозможно одновременно и фотографировать и вести параллельную запись молитвенныхъ пѣснопѣній: или снимки не будутъ осмыслены соответствующими записями, или записи не будутъ оживлены воспроизведеніемъ внѣшней картины происходившаго. Поэтому, думаю въ настоящемъ году воспользоваться услугами нѣкоторыхъ лицъ изъ мѣстныхъ учителей при специальныхъ поѣздкахъ, напр., на жертвоприношенія.

Соображаясь съ тѣмъ, что увеличеніе района изслѣдованія вызоветъ лишніе расходы на разъѣзды, что придется оплачивать расходы по разъѣздамъ лицъ, услугами которыхъ предполагаю воспользоваться, принимая также въ соображеніе опытъ прошлаго года, — думаю, что на поѣздки настоящаго года потребуется *не менѣе 400 рублей*.

Соответственно слѣдуетъ увеличить запасъ матеріаловъ для фотографій. Пластинокъ или пленокъ потребуется до 40 дюжинъ. При чемъ аппаратъ слѣдовало бы имѣть размѣромъ 13×18.

Къ фонографу нужно не менѣе 5 дюжинъ валиковъ и необходимъ аппаратъ для чистки валиковъ.

«Les soussignés demandent que le Comité accueille favorablement l'offre exposée ci-dessous, que lui fait M. Majnagašev, de continuer les travaux parmi les indigènes du bassin de l'Enisej qu'il a commencés avec succès au cours de l'année passé :

«Je m'empresse de porter à la connaissance du Comité que je suis prêt à poursuivre cette année les recherches que j'ai commencées.

Avant de soumettre au Comité le devis des frais, je crois devoir lui exposer les considérations suivantes :

La région à explorer s'est considérablement étendue. Elle embrasse la vallée inférieure de la rivière Abakan, avec ses principaux affluents de gauche : la Kamyšta et l'Ujbat, ensuite la rive gauche de l'Enisej ; elle comprend tout l'espace de la steppe «Kačinskaja» habitée par les indigènes «Kačinskije». Cette région embrasse un espace à peu près triangulaire dont la base méridionale est la continuation de la région explorée l'année passé ; le côté nord-est est borné par l'Enisej et par les communes rurales Novosiolovskaja et Znamenskaja ; le côté nord-ouest du triangle est formé par la rivière Biěl'j Ijus, au-delà de laquelle s'étend le territoire des kizyl'cy. Comme étendue cet espace sera au moins deux fois aussi grand que celui exploré l'année passée dans la partie moyenne de la vallée de l'Abakan. Je me propose, en outre, de faire des excursions complémentaires dans les limites de région explorée précédemment, p. ex. dans le pays des beltirs. Le plan de mes recherches n'embrasse pas la région de Kizyl', quoiqu'il soit possible que je réussisse à la visiter également.

Pour exécuter le programme projeté, il faudra élaborer sur place un itinéraire plus détaillé. Il sera indispensable, cette fois, de commencer les recherches au moins un mois plus tôt que l'année passée.

De plus, les expériences antérieures ont montré que dans certains cas un homme seul ne suffit pas pour fixer le tableau complet de la vie et des coutumes d'un peuple ; ainsi, si l'on observe un rite religieux, on est dans l'impossibilité d'en prendre une vue photographique et, en même temps, d'inscrire les paroles des prières psalmodiées ; de deux choses l'une : ou bien les épreuves ne seront pas accompagnées des textes correspondants, ou bien ces textes ne pourront pas être illustrés par la reproduction de la scène qui en accompagnait la récitation. Voilà pourquoi j'ai l'intention de m'assurer cette année les services de plusieurs

Программа изслѣдованія въ общихъ чертахъ остается та же. Въ лингвистическомъ отношеніи — выясненіе особенностей Качинскаго нарѣчія и его мѣста въ ряду другихъ нарѣчій тюркскаго языка. Въ этнографическомъ отношеніи — главное вниманіе будетъ удѣлено религіи качинцевъ, далѣе — собиранію старинныхъ сказаній полусторическаго, полуетнографическаго характера о происхожденіи сѣк'овъ и, по возможности, собираніе матеріаловъ по семейному и родовому быту и по фольклору.

О ходѣ моихъ работъ по разбору собраннаго матеріала имѣю сообщить слѣдующее: значительная часть переписана, нѣкоторыя вещи переведены, однако много остается еще и не разобраннаго. Остающееся время думаю использовать, если не для окончанія всей работы, то, по крайней мѣрѣ, чтобы выполнить главную часть ея. Параллельно съ этими занятіями удѣляю время на выясненіе основныхъ формъ сагайской грамматики».

Доложено и одобрено слѣдующее предложеніе В. В. Радлова и Л. Я. Штернберга:

«До настоящаго времени изъ Сибири имѣется только одна единственная находка остатковъ палеолитическаго человѣка, открытая извѣстнымъ археологомъ И. Т. Савенковымъ въ окрестностяхъ Красноярска. Это открытіе, имѣющее важное значеніе для науки, къ сожалѣнію, за неимѣніемъ достаточныхъ средствъ у г. Савенкова, не было использовано въ свое время надлежащимъ образомъ. Предметы были добыты изъ верхняго пласта глины на кирпичномъ заводѣ, въ то время какъ подстилающіе слои бѣловатой мергелистой глины, гдѣ возможны были остатки еще болѣе древней культуры, вовсе не были обслѣдованы. Не были обслѣдованы также и окрестные съ мѣстомъ находки пункты, гдѣ возможно было дѣлать поиски на другія стоянки древняго человѣка. Далѣе, не былъ въ достаточной мѣрѣ обслѣдованъ этотъ районъ и въ геологическомъ отношеніи, что крайне важно было для болѣе точнаго хронологическаго опредѣленія древности открытаго слоя культуры. Наконецъ, остались вовсе необслѣдованными обширныя дюны въ окрестностяхъ с. Батеневскаго, представляющія большой интересъ для неолитической эпохи.

Въ настоящее время представляется очень благопріятный случай для выполненія этихъ задачъ, такъ какъ самъ И. Т. Савенковъ лично

collaborateurs choisis parmi les instituteurs de la localité, pour les excursions spéciales que j'entreprendrai, p. ex. pour assister à des sacrifices.

Prenant en considération que l'étendue de la région à explorer demandera des frais de déplacement supplémentaires, qu'il faudra payer des indemnités de route aux personnes dont les services me seront indispensables, et en me basant sur l'expérience de l'année passée, — je pense que le voyage de cette année n'exigera *pas moins de 400 r.*

Il faudra proportionnellement augmenter l'approvisionnement en matériaux photographiques. Il serait nécessaire d'avoir jusqu'à 40 douzaines de plaques ou de pellicules et l'appareil devrait être du modèle 13×18 .

Pour le phonographe il ne faudrait pas moins de 5 douzaines de cylindres et un appareil pour leur dépouillement.

Le programme des recherches resterait le même, dans ses lignes principales. Au point de vue de la linguistique, il y aurait lieu d'éclaircir les particularités du dialecte des kačincy et la place qu'il occupe dans la série des autres dialectes de la langue turque. Au point de vue ethnographique, il faudra accorder une attention particulière au culte religieux des kačincy, inscrire leurs antiques légendes d'un caractère semi-historique, semi-ethnographique et traitant de l'origine des sòks, enfin recueillir, dans la mesure du possible, des documents relatifs aux coutumes de famille et de clan, ainsi qu'au folklore de cette peuplade.

Au sujet du dépouillement des matériaux recueillis antérieurement, je puis annoncer qu'une partie importante de ces documents est transcrite, certaines pièces sont traduites, cependant il y a encore beaucoup à faire et je compte profiter du temps qui me reste sinon pour achever ce travail, du moins pour en exécuter la majeure partie. Parallèlement à ces travaux, je consacre une partie de mon temps à élucider les éléments fondamentaux de la grammaire sagaique.

La proposition suivante de MM. Radloff et Sternberg est soumise au Comité et obtient son approbation.

«Jusqu'à ce jour on ne connaît qu'un seul cas de découverte de vestiges de l'homme paléolithique en Sibérie. Cette découverte, faite dans les environs de Krasnojarsk par M. Savenkov, archéologue bien

готовъ отправиться въ Красноярскъ и принять на себя веденіе всѣхъ вышеуказанныхъ работъ. На выполненіе задачъ экспедиціи потребуется около четырехъ недѣль работы въ окрестностяхъ Красноярска и столько же времени на дюнахъ близъ с. Батеневского. Изъ приложенной смѣты видно, что на эту экспедицію въ составѣ: г. Савенкова, одного помощника, одного постоянного служителя и 8 мѣсячныхъ рабочихъ, потребуется 800 рублей, каковую сумму просимъ Комитетъ ассигновать въ распоряженіе г. Савенкова подъ отчетъ».

Доложено и одобрено слѣдующее предложеніе В. В. Бартольда:

«Туркестанскій кружокъ любителей археологіи, какъ мнѣ сообщилъ секретарь кружка, предполагалъ бы командировать осенью текущаго года въ Термезъ, на одинъ мѣсяцъ, капитана-топографа Н. И. Нехорошева. Главной задачей командировки было бы: дополненіе существующихъ топографическихъ съемокъ посредствомъ нанесенія на карту деталей развалинъ въ треугольникѣ между Аму-Дарьей и Сурханомъ, описаніе ихъ внѣшняго вида, детальное обследованіе, съ производствомъ измѣреній, памятниковъ средневѣковаго Термеза и острова Араль-Пейгамберъ, составленіе плана при помощи точныхъ инструментовъ, фотографическіе снимки и зарисованіе тѣхъ частей, которыя не поддаются фотографированію.

Доказывать важность производства такихъ работъ едва ли необходимо, такъ какъ развалины Термеза давно уже обратили на себя вниманіе Комитета. Комитету еще въ 1904 г. была доставлена, по его просьбѣ, фотографическая копія плана Термеза и его окрестностей въ 200-саженномъ масштабѣ (изъ военно-топографическаго отдѣла Туркестанскаго военнаго округа); въ 1911 г. Комитетомъ, по предложенію С. Ѳ. Ольденбурга и В. В. Бартольда, былъ командированъ въ Термезъ, для ближайшаго изученія мѣстности въ археологическомъ отношеніи, г-нъ Захаровъ; къ сожалѣнію, эта командировка осталась безрезультатной.

Задачи, возлагаемыя на г. Нехорошева, какъ видно изъ сказаннаго выше, существенно отличаются отъ задачъ, возлагавшихся на г. Захарова, обладавшаго иной спеціальной подготовкой. Капитанъ Нехорошевъ знакомъ съ мѣстными условіями, владѣетъ мѣстнымъ (сартскимъ) языкомъ и обладаетъ опытомъ какъ въ производствѣ

connu, est d'une grande importance pour la science; malheureusement, M. Savenkov n'a pu, en son temps, faute de moyens suffisants, poursuivre sa découverte jusqu'au bout. Les objets trouvés proviennent exclusivement de la couche d'argile supérieure d'une briqueterie, tandis que les couches sousjacentes d'argile blanchâtre et marneuse, où l'on pouvait rencontrer des vestiges d'une culture encore plus ancienne, sont restées complètement inexplorées. Il en est de même pour tout l'entourage du lieu de la découverte où l'on aurait pu rechercher d'autres stations de l'homme primitif. De plus, cette région n'a pas non plus été suffisamment explorée au point de vue géologique, ce qui serait fort important pour préciser plus exactement l'âge de la couche préhistorique découverte. Enfin, les vastes dunes aux environs du village de Batenevskoje, qui sont d'un haut intérêt pour l'étude de l'époque néolithique, sont restées jusqu'ici complètement inexplorées.

Il se présente actuellement une occasion très favorable pour l'accomplissement de cette tâche, attendu que M. Savenkov veut bien se rendre personnellement à Krasnojarsk et prendre la direction de tous les travaux susmentionnés. L'expédition, pour accomplir sa tâche, aurait à y consacrer quatre semaines de travail aux environs de Krasnojarsk et autant dans les dunes avoisinant le village de Batenevskoje. Il ressort du devis présenté que l'expédition composée de M. Savenkov, d'un aide, d'un domestique permanent et de 8 manoeuvres payés au mois nécessitera une dépense de 800 r. Nous prions le Comité de vouloir bien mettre cette somme à la disposition de M. Savenkov, qui rendra compte de son emploi».

M. Barthold soumet au Comité la proposition suivante qui est approuvée séance tenante :

«Le secrétaire du Cercle des Amateurs d'Archéologie du Turkestan m'informe que ce Cercle se propose d'envoyer en automne M. Necho-rošev, topographe militaire, à Termez, pour un mois; le but principal de son voyage serait de compléter les relevés topographiques existants en portant sur la carte les détails des ruines situées dans le triangle compris entre l'Amu-Daria et le Surchan, de décrire leur aspect extérieur, d'explorer en détail et de mesurer les monuments du moyen âge à Termez et dans l'île d'Aral-Pejgamber, d'en dresser le plan à l'aide d'instruments de précision, enfin d'en prendre des vues photographi-

топографическихъ работъ, такъ и въ приготовленіи эстампажей съ надписей. Съ европейской литературой о Термезѣ онъ знакомъ, нѣкоторыя дополнительные свѣдѣнія могли бы быть имъ получены отъ меня.

Для выполненія этой командировки я просилъ бы назначить въ распоряженіе Кружка 400 рублей, причемъ въ эту сумму входитъ вознагражденіе рабочихъ, необходимыхъ при производствѣ измѣреній и при пробныхъ раскопкахъ. Къ послѣднимъ изслѣдователю, согласно постановленію Комитета отъ 13 мая 1911 г., будетъ рекомендовано приступить «съ большой осторожностью, при увѣренности, что такія пробныя раскопки не вызовутъ немедленно же хищническаго копанія со стороны туземцевъ или любителей».

Доложено слѣдующее предложеніе В. В. Бартольда:

«Извѣстный нѣкоторымъ членамъ Комитета фактъ обнаруженія при случайныхъ раскопкахъ на городищѣ Афрасіабъ близъ Самарканда буддійской или манихейской фрески и существующій проектъ проведенія черезъ Афрасіабъ желѣзной дороги изъ Самарканда въ Пенджикентъ вновь ставятъ на очередь вопросъ о необходимости сохранить для науки единственное въ своемъ родѣ городище. Соответствующее ходатайство было возбуждено Комитетомъ еще въ 1904 г., по поводу газетнаго извѣстія о перенесеніи на Афрасіабъ городского свалочнаго мѣста, но не имѣло существеннаго успѣха. Нынѣ, по свѣдѣніямъ, полученнымъ мною отъ члена-корреспондента Комитета В. Л. Вяткина, состояніе городища представляется въ слѣдующемъ видѣ. Изъ общаго пространства въ 200 десятинъ около 50 десятинъ занято мусульманскимъ кладбищемъ, постепенно подвигающимся внутрь городища, около 10 — садомъ г. Мирошниченко; частью остальной площади пользуются туземцы для богарныхъ посѣвовъ, часть служить городскимъ выгономъ. Права собственности на Афрасіабъ, наряду съ казной, предъявляютъ городъ Самаркандъ и распахивающіе городище туземцы.

Результатами хищническихъ раскопокъ 1883 году, раскопокъ 1885 г., произведенныхъ на средства Императорской Археологической Комиссіи, и раскопокъ 1904, 1905 и 1910 гг., произведенныхъ на средства Комитета, вполне доказано, что Афрасіабъ былъ мѣстомъ первоначальнаго, домусульманскаго Самарканда, сохранявшимъ нѣко-

ques et d'en dessiner les parties qui ne peuvent être reproduites par la photographie.

Il est oiseux de chercher à prouver l'importance de ces travaux, attendu que les ruines de Termez ont depuis longtemps attiré l'attention du Comité, qui dès 1904 avait obtenu de la section de topographie militaire de l'arrondissement militaire du Turkestan une copie photographique du plan de Termez et de ses environs, à l'échelle de 200 sagènes par pouce; en 1911 M. Zacharov fut chargé par le Comité, sur la proposition de MM. d'Oldenburg et Barthold, d'une mission scientifique à Termez. Il devait explorer cette localité en détail, au point de vue de l'archéologie; malheureusement cette entreprise ne donna aucun résultat.

Il résulte de ce qui a été exposé ci-dessus que la tâche confiée à M. Nechoroșev diffère essentiellement de la mission dont avait été chargé M. Zacharov, lequel, par ses études spéciales, était préparé pour des travaux d'un autre genre. Le capitaine Nechoroșev est familier avec les conditions locales, il parle la langue du pays (le sarte) et possède de l'expérience dans les travaux topographiques, aussi bien que dans l'estampage des inscriptions. Il connaît la littérature européenne relative à Termez et pourra obtenir de moi certains renseignements complémentaires.

Pour assurer la réalisation de cette exploration, je demande au Comité d'allouer 400 r. au Cercle des Amateurs d'Archéologie du Turkestan. Cette somme comprendrait la rétribution des ouvriers nécessaires pour le mesurage et les fouilles d'essai. Conformément à la décision du Comité du 13 mai 1911, il sera recommandé à l'explorateur de ne procéder à ces fouilles qu'avec «la plus grande prudence et seulement dans le cas, où l'on pourrait être sûr que ces fouilles d'essai n'induiraient pas immédiatement des indigènes ou des amateurs à en faire, de leur côté, dans un but de pillage».

La proposition suivante de M. Barthold est soumise au Comité:

«Quelques membres du Comité ont eu connaissance de la découverte, lors de fouilles exécutées accidentellement dans la citadelle d'Afrasiab, près de Samarkand, d'une fresque bouddhique ou manichéenne. Or il est question de faire passer par Afrasiab la ligne ferrée qui doit relier Samarkand à Pendžikent. Cette circonstance remet sur le tapis la question de la nécessité de conserver à la science cette citadelle unique en

торое значеніе п въ мусульманскій періодъ до монгольскаго нашествія 1220 года. Нигдѣ въ Туркестанѣ нѣтъ городища такихъ размѣровъ, относящагося къ такой ранней эпохѣ; никакія археологическія работы въ другихъ мѣстностяхъ Туркестана не могли бы замѣнить изученія Афрасіаба, причемъ для этихъ работъ было бы желательно воспользоваться, въ качествѣ образца, работами Н. Я. Марра на мѣстѣ городища Ани въ Карсской области, гдѣ еще въ 1904 г. пасли свои стада крестьяне селенія Араза и гдѣ въ настоящее время производятся, уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, подробныя археологическія изслѣдованія и имѣется музей древностей для храненія добытыхъ при раскопкахъ предметовъ. Въ жизни Туркестана тотъ Самаркандъ, остаткомъ котораго является Афрасіабъ, имѣлъ не меньше значенія, чѣмъ городъ Ани въ жизни Кавказа, и городище заслуживаетъ не меньшаго вниманія.

Въ виду вышесказаннаго, я просилъ бы Комитетъ возбудить, по возможности совмѣстно съ Императорской Археологической Комиссіей, слѣдующія ходатайства:

1) о выясненіи юридическаго вопроса о правахъ собственности на городище, съ цѣлью обезпечить права казны или, если эти права не представляются безспорными, выкупить городище въ казну;

2) о перенесеніи мусульманскаго кладбища на другое мѣсто, съ постепеннымъ закрытіемъ существующаго;

3) о проведеніи желѣзной дороги изъ Самарканда въ Пенджикентъ по другому направленію, не черезъ городище;

4) объ изыятіи площади городища изъ пользованія какъ частныхъ лицъ, такъ и общественныхъ учрежденій, кромѣ цѣлей научнаго изслѣдованія;

5) объ охранѣ городища отъ всякихъ хищническихъ и вообще не разрѣшенныхъ въ установленномъ порядкѣ раскопокъ;

6) объ обезпеченіи возможности правильныхъ раскопокъ и храненія на мѣстѣ добытыхъ при раскопкахъ предметовъ».

Определено: 1) присоединиться къ высказаннымъ въ предложеніи В. В. Бартольда соображеніямъ; 2) обсужденіе вопроса о формѣ, въ которой могло бы быть возбуждено соотвѣтствующее ходатайство,

son genre. Cette question fut soulevée en 1904 par le Comité, à la suite d'une nouvelle parue dans les journaux, annonçant qu'Afrasiab avait été choisi comme lieu de décharge des ordures de la ville de Samarkand, mais cette demande ne semble pas avoir eu de succès réel. Voici, d'après des renseignements qui me sont fournis par M. Viatkin, membre-correspondant du Comité, l'état dans lequel se trouve actuellement la citadelle: sur les 200 desiatinas (1 desiatina = 1 ha,092) qu'elle comprend, 50, environ, sont occupées par le cimetière musulman qui avance graduellement vers le centre de la citadelle, 10 desiatinas, environ, — par un jardin appartenant à M. Mirošničenko; le reste est, en partie, affecté à des cultures indigènes sans irrigation artificielle et sert, en partie, de pâturage municipal. Le droit de propriété sur Afrasiab est l'objet d'un litige entre le Trésor, la ville de Samarkand et les indigènes qui ont mis ses terrains en friche.

Les résultats des fouilles pratiquées dans un but de pillage, en 1883, d'autres fouilles effectuées en 1885 aux frais de la Commission Impériale d'Archéologie, ainsi que de celles qui ont été faites en 1904, 1905 et 1910 aux frais du Comité ont absolument prouvé qu'Afrasiab était l'emplacement du Samarkand primitif, prémusulman, lequel a conservé une certaine importance même à l'époque musulmane, avant l'invasion mongole de 1220. Il n'existe nulle part dans le Turkestan de citadelle de cette dimension remontant à une époque aussi reculée; aucuns travaux archéologiques dans d'autres localités du Turkestan ne pourraient remplacer l'étude d'Afrasiab. Il serait désirable de prendre pour modèle des travaux à exécuter ici, ceux de N. J. Marr sur l'emplacement de la citadelle d'Ani, dans la région de Kars, où les paysans du hameau d'Araz faisaient paître leurs troupeaux en 1904, tandis qu'actuellement des explorations archéologiques détaillées s'y pratiquent depuis plusieurs années et qu'il y existe tout un musée pour conserver les objets mis à jour par les fouilles. Le Samarkand dont Afrasiab est le dernier vestige n'a pas joué un moindre rôle dans la vie du Turkestan que la ville d'Ani dans celle du Caucase, et sa citadelle ne mérite pas une moindre attention.

Me basant sur ce qui a été exposé ci-dessus, je prie le Comité de vouloir bien faire des démarches, si possible, conjointement avec la Commission Impériale d'Archéologie, afin que:

поручить комиссіи изъ трехъ членовъ — Н. И. Веселовскаго, ген.-маіора Мапакина и В. В. Бартольда.

Доложено и одобрено слѣдующее предложеніе С. Θ. Ольденбурга:

«Лекторъ университета Б. Б. Барадійнъ нынѣ почти закончилъ и приготовилъ къ печати свою работу по описанію его путешествія въ Лавранъ. Осталось ему разработать лишь незначительную часть его труда, какъ то: описаніе школьнаго дѣла въ Лавранѣ, обзоръ учебниковъ и др.

Для окончательной разработки оставшейся части его работы было бы весьма важно, чтобы онъ, какъ и въ предыдущіе года, пользовался знаніями ученыхъ ламъ Забайкалья.

Въ виду этого я просилъ бы Комитетъ дать возможность Барадійну закончить его работу, выдавъ ему для этой цѣли 200 руб., на поѣздки въ Забайкалье».

Доложено и одобрено слѣдующее предложеніе В. Л. Котвича и А. Д. Руднева:

«Въ минувшемъ году Комитетомъ, по нашему предложенію, было ассигновано Ноха Очирову 250 руб. на поѣздки къ терскимъ калмыкамъ для собранія возможно полныхъ данныхъ объ ихъ языкѣ и бытѣ. Однако, по неблагопріятно сложившимся для г. Очирова обстоятельствамъ, онъ не могъ совершить предполагавшейся поѣздки и лѣтомъ ни, какъ онъ затѣмъ рассчитывалъ, въ концѣ минувшаго года. Въ виду этого мы просимъ Комитетъ разрѣшить г. Очирову выполнить возложенную на него задачу, на уже отпущенную ему сумму, въ нынѣшнемъ году».

Доложено и одобрено слѣдующее предложеніе В. Л. Котвича:

«Во время возвращенія осенью 1912 года изъ Харабалгасуна на р. Орхонъ въ Ургу нами были получены подробныя свѣдѣнія о существованіи въ бассейнѣ р. Толы неизвѣстной донинѣ плиты значительныхъ размѣровъ съ надписями орхонскаго типа. Недостатокъ времени не позволилъ ни мнѣ, ни моимъ спутникамъ осмотрѣть эту плиту, и только теперь выяснилась возможность для одного изъ моихъ спутниковъ, Ц. Ж. Жамцарано, выполнить эту задачу, на что я и прошу Комитетъ ассигновать 250 руб.

1) la question juridique des droits de propriété sur l'emplacement de la citadelle soit tirée au clair, en vue de sauvegarder les droits du Trésor, ou, dans le cas où ces droits ne seraient pas incontestables, de faire racheter ce terrain par le fisc;

2) que le cimetière musulman soit transféré à un autre endroit et que le cimetière actuel soit graduellement supprimé;

3) que le chemin de fer devant relier Samarkand à Pendžikent obtienne une autre direction et ne passe pas par la citadelle;

4) que l'emplacement de la citadelle ne soit plus exploité ni par des particuliers, ni par des institutions publiques, dans un but autre que celui des recherches scientifiques;

5) que la citadelle soit préservée de toute fouille pratiquée dans un but de pillage, ou effectuée sans autorisation réglementaire;

6) que la possibilité de fouilles régulières et la conservation des objets mis à jour soit assurée».

Il est décidé 1) de se joindre aux considérations énoncées dans la proposition de M. Barthold; 2) de confier l'élaboration de la forme que devraient prendre les démarches en question à une commission de trois membres, dont feraient partie: MM. Veselovskij, le général-major Manakin et V. V. Barthold.

La proposition suivante de M. d'Oldenburg est soumise au Comité et obtient son approbation:

«M. Baradijn, lecteur à l'Université, a presque achevé et préparé pour l'impression la description de son voyage à Lavran. Il ne lui reste qu'à développer une partie insignifiante de son travail, telle que la description de l'organisation des écoles à Lavran, la revue des manuels, etc.

Pour parachever son travail, il lui serait très utile de pouvoir se servir, à l'exemple des années précédentes, des lumières des lamas érudits de la Transbaïkalie.

En conséquence, je prie le Comité de donner à M. Baradijn la possibilité de mener son ouvrage à bonne fin, en lui allouant à cet effet 200 r. pour un voyage en Transbaïkalie».

Il est donné lecture, ensuite, de la proposition suivante de MM. Kotvič et Rudnev, qui est approuvée par le Comité:

Во время поѣздки г. Жамцарано, не пользующійся въ текущемъ году субсидіею отъ Комитета, будетъ продолжать свое обычное дѣло собиранія образцовъ народнаго творчества монголовъ».

А. Д. Рудневымъ сообщены свѣдѣнія изъ отчета Б. Вампи-луна о совершенной имъ лѣтомъ 1913 году, на средства Комитета, поѣздкѣ къ бурятамъ Иркутской губерніи.

«Le Comité a alloué l'année passée à M. Nocha Očirov, sur notre proposition, 250 r., pour un voyage chez les kalmyks du Terek, en vue de recueillir des données aussi complètes que possible sur leur langue, leurs us et coutumes. Des circonstances contraires n'ont pas permis à M. Očirov d'accomplir le voyage projeté ni en été, ni même à la fin de l'année écoulée, comme il l'avait projeté ensuite. Nous prions, en conséquence, le Comité d'autoriser M. Očirov a remplir cette année la mission qui lui a été confiée, en y affectant la somme qui lui avait été allouée».

La proposition suivante de M. Kotvič est soumise au Comité et obtient son approbation:

«Lors de mon retour, en automne 1912, de Charabalgasun, sur l'Orchon, à Urga, j'ai reçu des renseignements détaillés sur l'existence, dans le bassin de la rivière Tola, d'une dalle en pierre, inconnue jusqu'ici, d'une dimension considérable et portant des inscriptions en caractères de type orchon. Ni moi, ni mes compagnons de route n'avons pu, faute de temps, examiner cette dalle, et ce n'est qu'à présent que la possibilité se présente pour l'un de mes compagnons de route, M. Žamcarano, d'accomplir cette tâche, pour laquelle je prie le Comité de vouloir bien lui assigner 250 r.

M. Žamcarano, qui ne reçoit cette année aucun subside du Comité, continuera, au cours de son voyage, son travail habituel, consistant à recueillir des spécimens de la littérature populaire des mongols».

M. Rudnev fournit ensuite au Comité quelques renseignements tirés du rapport de M. Vampilun sur le voyage qu'il a accompli, au cours de l'été 1913, aux frais du Comité chez les buriats du gouvernement d'Irkutsk.

Rapport sur la Mission de M. Robert Gauthiot,

au Pamir, en 1913 *).

La mission dont j'étais chargé par l'Institut de France (Académie des Inscriptions et Belles-lettres) et par le Comité pour l'étude de l'Asie Centrale et de l'Extrême-Orient visait spécialement le Turkestan; son objet était linguistique d'abord, ethnographique en seconde ligne; enfin son but général était l'étude des dialectes iraniens des monts du Zerefsân et du Hissâr, son but spécial celle du yaghnoï.

J'ai eu comme compagnon de voyage M. Heinrich Junker, privat-docent à l'Université de Giessen (Allemagne), qui s'est offert spontanément à faire le voyage avec moi. L'Académie de Heidelberg (Bade) lui a fourni les moyens nécessaires. Grâce à lui, presque tout ce qui a été noté au cours de notre petite expédition l'a été en double et de façon indépendante par chacun de nous. Notre accord presque absolu témoigne en faveur de notre exactitude.

Mon voyage s'est partagé en trois périodes inégales: la première et la dernière se sont passées à Samarkand, la seconde dans les montagnes et dans le Yaghnoï.

Mon premier séjour à Samarkand a été consacré à une étude sommaire du tâjiki, étude indispensable pour quiconque ne connaît que le fârsi, et à la préparation, assez longue pour un débutant de la petite caravane nécessaire. Il n'y a pas lieu d'y insister ici. Qu'il suffise de dire que beaucoup de petites fautes ont été commises par moi que je ne ferai plus maintenant: j'ai payé mon apprentissage.

Le voyage d'aller par la passe de Laudân et celui de retour par le Dukdân n'appellent pas d'observations. Le séjour au Yaghnoï importe seul. J'y suis allé ayant une connaissance déjà appréciable de la langue du pays dans son ensemble, grâce à l'extrême obligeance de

*) Cp. les rapports à l'Académie des Inscr., Comptes rendus 1914 pp. 552 — 3. 579 — 82.

M. Salemann qui avait bien voulu me communiquer les matériaux qu'il a groupés déjà et qui sont pour la plupart imprimés ou sous presse; en second lieu je venais d'étudier un certain nombre de textes sogdiens bouddhiques de la collection Pelliot à Paris et le sogdien de ces documents du moyen-âge représentent à *peu près* l'état ancien d'un parler très voisin du yaghnobi. Mon attention s'est porté tout naturellement sur la restitution de la forme que présentait le yaghnobi à une époque plus reculée. Ne savais-je pas qu'à St. Pétersbourg il y avait, déjà de bons ou d'excellents textes?

Bien entendu, j'en ai noté aussi et j'ai même essayé d'en rapporter quelques spécimens notés sur un phonographe que m'avait fourni la Maison Pathé sur la demande de M. Brunot, directeur des Archives de la parole à l'université de Paris. Mais avant tout, j'ai visité systématiquement tous les villages yaghnobi ou suspects d'être yaghnobis à un titre quelconque, de façon à reconnaître tout le domaine linguistique intéressé. En seconde ligne, j'ai, dans chaque village, recueilli au moins une série de mots identiques et caractéristiques, pour déterminer le parler de chaque groupe d'habitants par rapport aux autres.

J'ai interrogé partout des habitants d'âges différents et j'ai tenu compte avec soin des relations entre les villages soit par chemins, soit par pâtures: car les villages yaghnobis isolés ou groupes des oasis réunies par des chemins ou des alpages, si l'on peut dénommer ainsi les maigres pâturages du pays, sont séparés par des déserts et des hauteurs plus ou moins abruptes. J'ai pu déterminer ainsi l'existence de deux parlers extrêmes: un yaghnobi oriental de *Deh i bālān* à *Koöl* et un yaghnobi occidental de *Nāumitkān* à *Marxtumain*, ainsi que deux parlers intermédiaires. Ces dialectes se distinguent principalement, au point de vue phonétique, par le traitement de l'ancienne spirante dentale sourde — *ṣ* — (qui apparaît précisément là où elle est attestée en sogdien), celui du *ṣr* — initial, celui de l'*ē* dans *mēn*: *main* «village» par exemple. A ces divergences s'ajoutent celles dans le vocabulaire et d'autres caractères phonétiques. Bref, il est possible maintenant de dresser une carte dialectale du domaine yaghnobi.

Au point de vue ethnographique je noterai seulement ici que la communauté de civilisation entre les Yaghnobis et les Tadjiks montagnards est étroite et l'opposition au contraire très nette entre les gens

du Yaghnob et ceux du haut-pays de Buxârâ, c'est-à-dire des Pamirs. Ceci malgré que le pays ait appartenu à Buxârâ. Ce fait recouvre de façon très intéressante un autre phénomène, celui de la répartition des noms de lieux yaghnobis (ou similaires) nombreux au nord des monts Hissâr, absents au sud de cette même chaîne.

Mon second séjour à Samarkand, dont je n'ai pu que déplorer la brièveté, a été consacré à l'étude du parler des étrangers de langue iranienne qui viennent dans cette vieille ville. J'y ai pu faire avec profit de la phonétique afghane, cela va sans dire. Mais, j'ai pu de plus étudier le parler tâjikî de *Kulâb* et déterminer, sur un point au moins, la limite entre la prononciation de la spirante sonore intervocalique (*ð*) et celle de la sonore intervocalique occlusive (*d*). Enfin, j'ai pu découvrir un *Waxi* de la zone afghane qui sépare le Pamir russe du Čitrâl anglais et l'interroger. L'intérêt de son parler est très grand et je déplore de n'avoir pas pu vivre davantage avec lui. Il savait fort mal le tâjikî et d'ailleurs c'est une règle absolue qu'il faut apprendre le plus vite possible de quoi prendre un contact direct avec les gens pour les interroger avec le plus grand profit et les moindres chances d'erreur. C'est ce que j'ai pu faire au Yaghnob après trois semaines environ.

Pour finir, je dirai, après beaucoup d'autres, sans doute, que j'ai reçu de la part de tous les officiers employés à administrer le Turkestan l'accueil le plus charmant et l'aide la plus efficace. J'ajouterai que j'ai pu voir la collection privée de poteries de l'homme que tous les indigènes de Samarkand révèrent, de M. Viatkin, et que j'y ai admiré des pièces qu'il est urgent de faire connaître au public savant par des photographies et descriptions précises et nettes. Enfin, j'ai admiré le beau et immense champ d'exploration et d'études qui s'offre à la Russie au Turkestan; sans méconnaître en rien les difficultés qu'il y a à trouver des hommes aptes à la fois au point de vue physique et au point de vue intellectuel à explorer ces régions de montagnes inégales, souvent très pauvres, parfois dangereuses, et à vivre avec ces musulmans divers et quelquefois peu communicatifs, il est permis d'espérer que la Russie saura satisfaire à une tâche qui s'impose et faire connaître au monde scientifique les richesses inconnues qu'elle possède.

Prof. Rob. Gauthiot.

Отчетъ профессора Р. Готіо и И. Зарубина по командировкѣ на Паторъ лѣтомъ 1914 г.

Несмотря на чрезвычайныя обстоятельства настоящаго времени, мы имѣемъ честь представить Комитету краткій отчетъ о ходѣ работъ и результатахъ лингвистической и этнографической экспедиціи, на насъ возложенной.

Выѣхавъ 3—16 іюня изъ Петербурга, мы покинули Ошъ 17—30 іюня, направившись къ Посту Памирскому. Двѣ недѣли, отдѣляющія эти двѣ даты, ушли цѣликомъ, исключая переѣздъ по желѣзной дорогѣ, на визиты, хлопоты и подготовку необходимыхъ матеріаловъ; все это пришлось устроить намъ самимъ — мнѣ и моему товарищу по путешествію Ив. Ив. Зарубину.

26 іюня (9 іюля) мы прибыли на Постъ Памирскій, гдѣ мы были приняты съ самымъ широкимъ гостепріимствомъ и гдѣ мы оставались до 30 іюня (13 іюля).

Въ дѣйствительности только здѣсь мы получили послѣднія и самыя существенныя указанія относительно нашего маршрута, средствъ передвиженія, которыми мы могли располагать, природы страны, гдѣ мы намѣревались работать и т. д. Въ зависимости отъ этихъ свѣдѣній мы распредѣлили нашъ багажъ, соотвѣтственно нашимъ планамъ и способамъ ихъ осуществленія.

Еще въ Петербургѣ мы опредѣлили планъ и цѣль нашего путешествія слѣдующимъ образомъ: систематическимъ и по возможности исчерпывающимъ образомъ работать надъ изученіемъ долины Мургоба-Бартанга (конечно, въ ея Иранской части), равно какъ и примыкающей части долины Пянджа (Рушанъ).

Программа было намѣчена и ограничена вполне точно; но она оказалась болѣе значительной и требующей для своего выполненія го-

раздо больше времени, чѣмъ мы думали, вслѣдствіе трудностей, которыя представляютъ какъ пути къ Бартангу, такъ и самое путешествіе по долині. Оказалось невозможнымъ пройти по теченію р. Мургаба, и мы направились къ селенію Ирхтъ на Серезскомъ озерѣ сначала по военной дорогѣ, соединяющей Постъ Памирскій съ Постомъ Хорогскимъ, а затѣмъ, повернувъ къ сѣверу, достигли Бартанга, пройдя долину Яшикъ-куль и ущелье Лянгаръ-сай. Начиная отъ Ирхта и до самаго Шуджана, вблизи Калаи-Вамаръ, намъ пришлось переносить весь нашъ багажъ на плечахъ носильщиковъ, вслѣдствіе отсутствія другихъ способовъ транспорта. Предупрежденные объ этомъ на Памирскомъ Посту, мы взяли съ собой только то, что намъ показалось совершенно необходимымъ для изученія Бартанга. Всѣ же остальные вещи мы отправили по военной дорогѣ на постъ Хорогскій, откуда мы должны были ихъ взять по прибытіи въ Рушанъ, въ началѣ изученія этой страны.

Достигнувъ 5 — 18 іюля Ирхта — начала интересующей насъ области — мы прошли въ теченіе 25 дней долину Бартанга, и 30 іюля (12 августа) мы были уже при впаденіи Бартанга въ Пянджъ, вступивъ такимъ образомъ въ Рушанъ — вторая часть нашей работы. Но 2—15 августа мы узнали на Посту Хорогскомъ, откуда мы должны были взять наши вещи, о разразившейся европейской войнѣ, и мы рѣшили немедленно вернуться въ Петербургъ по кратчайшей дорогѣ черезъ Калаи-Хумбъ и Скобелево, взявъ съ собой какъ всѣ наши пріобрѣтенія, такъ и остающіеся неиспользованными фотографическіе и фонографическіе матеріалы для возвращенія ихъ Комитету. Такъ какъ одинъ изъ насъ былъ запасный офицеръ, то мы не имѣли никакого другого исхода. На самомъ дѣлѣ наше путешествіе было сокращено извѣстіемъ о войнѣ значительно меньше, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда: въ дѣйствительности наше пребываніе въ Рушанѣ должно было бы быть оплачено не изъ средствъ экспедиціи, которыя оказались недостаточными, но изъ тѣхъ средствъ, которыя я и мой спутникъ могли бы ссудить экспедиціи. Излишне говорить, что эти средства были очень ограничены. Нашъ бюджетъ намъ пришлось свести съ дефицитомъ: при выѣздѣ изъ Петербурга у насъ было 3.000 рублей: 2.000 рублей, полученные отъ Комитета и 1.000 рублей, привезенные мной изъ Франціи; мы издержали 2.420 рублей на

путешествіе и сверхъ того 700 рублей пошли цѣликомъ на дорогу, багажъ и остановки въ пути отъ Петрограда до Оша и отъ Скобелева до Петрограда.

По этому поводу, мнѣ кажется, будетъ уместно высказать нѣсколько необходимыхъ соображеній. Обращаетъ на себя вниманіе несообразность издержекъ въ пути и во время самаго пребыванія въ странѣ. Страна, подобная долиנѣ Бартанга, требуетъ для путешествія по ней не только затраты большого времени и труда, но и сравнительно большихъ средствъ, если есть хотя малѣйшій багажъ. Мы уже упоминали о необходимости переносить вещи на плечахъ, а этотъ способъ транспорта относительно дорогъ. Къ тому же ни лингвисты, ни этнографы не могутъ прибѣгать къ принудительнымъ мѣрамъ, вынуждая услуги, которыя должны быть оплачены. Это было бы тяжелой ошибкой, потому что изслѣдователь ничего не сможетъ сдѣлать, если онъ не пользуется довѣріемъ и дружбой населенія, среди котораго онъ живетъ и работаетъ. По этой же причинѣ во время остановокъ приходится тратить довольно много на поддержаніе общенія съ населеніемъ: открытый столъ, постоянный чай и сахаръ, не говоря уже объ обязательныхъ подношеніяхъ, подаркахъ, лѣкарствахъ и т. д.

Отсюда уже вытекаетъ слѣдующее соображеніе: издержки экспедиціи въ горныя и трудно доступныя области Памира находятся въ соотвѣтствіи не столько съ числомъ командирруемыхъ лицъ, сколько со свойствомъ и задачами работы. Ибо багажъ и прочія личныя потребности путешественниковъ сводятся къ минимуму, указанныя же наиболѣе значительныя расходныя статьи остаются почти тѣми же, независимо отъ числа участниковъ.

Теперь переходимъ къ тому, каковы были работы и въ чемъ состоятъ главнѣйшіе результаты, полученные экспедиціей. Изъ послѣдующаго можно убѣдиться, что экспедиція была продуктивна.

Съ точки зрѣнія лингвистической добытые матеріалы относятся прежде всего къ поднарѣчіямъ области Орошора (Oróšor), т. е. иранскихъ селеній, расположенныхъ въ самой высокой части долины, и къ поднарѣчіямъ Бартанга, т. е. долины, извѣстной подъ этимъ именемъ, начиная отъ сел. Басидъ (Basit). Первые это тѣ, въ которыхъ: «я» was, «да» hē; вторыя, — гдѣ говорятъ аз и hā, какъ въ Рушанѣ. Первые не употребляютъ больше въ прошедшемъ времени косвенныхъ падежей

мѣстоименія («подлежащаго») (во вторыхъ это еще употребляется), и такимъ образомъ отличаются вполне отчетливо отъ сосѣднихъ съ ними діалектовъ Шугни. Эти діалектическія различія (съ нѣкоторыми другими меньшей важности) не препятствуютъ тому, что языкъ рассматриваемой области (Верхній Бартангъ, Бартангъ и Рушанъ, т. е. долина Пянджа отъ с. Хуфъ до оврынга Дархъ включительно) образуетъ особую группу противоположную, несмотря на многочисленныя сходныя явленія, группѣ діалектовъ Шугни, распространенной къ югу: отличительная черта—это употребленіе сонорнаго *ʔ*, наличность котораго въ діалектахъ Шугни установлена академикомъ Залеманомъ. вмѣсто *γuʔ* «ухо», *maʔ* «овца», *sʔraʔ* «вошь», какъ говорятъ въ шугнанскомъ ссл. Поршнефъ (Pogʔnif) (персид. *gūš*, *mīš*, *sʔruš*), въ Хуфѣ (Xūf) мы встрѣчаемъ *γou*, *mē*, *sʔrau*, въ Шипадѣ (Šipát) *γau*, *mēw*, *sʔrau*, въ Орошорѣ (Oróšor) *γū*, *mau*, *sərau*.

Такимъ образомъ звуку *ʔ* поднарѣчій южной группы соответствуетъ *w* въ сѣверной группѣ.

Въ долиנѣ Язгулямъ, расположенной къ сѣверу отъ долины Бартанга мы находимъ то же явленіе, что въ долинѣ Верхняго Бартанга, Бартанга и Рушана: въ 1-омъ говорятъ: *γəvān*, *mau* и *srau*. Напротивъ, сарыкольскій языкъ (*sariqolī*) имѣетъ звукъ *l* (*γaul*, *maul*), и ишкашимскій на юго-западѣ церебральное *l*, напримѣръ *γōl*, *srəl*, что констатировано мною въ этомъ году, и плавность котораго того же происхожденія, какъ и въ словахъ *pələstāk* — «сидящій», ранѣе * *nizist-āka* (сарык. *nalüst*—).

Кромѣ матеріаловъ относящихся къ нарѣчіямъ Бартанга и Рушана, я старался собрать какъ можно больше матеріала о языкахъ Памира и Гиндукуша, какъ видно изъ нѣкоторыхъ характерныхъ примѣровъ, приведенныхъ выше.

Что касается антропологическихъ и этнографическихъ работъ экспедиціи, то антропометрическія измѣренія были произведены въ области р. Бартанга. Въ Рушанѣ (по р. Пянджу) измѣренія не производились, вслѣдствіе кратковременности пребыванія и быстроты передвиженія экспедиціи. Добытые антропологическіе матеріалы подлежатъ еще дальнѣйшей разработкѣ.

Собираніе этнографическихъ коллекцій производилось экспедиціей по порученію Музея Антропологіи и Этнографіи Императорской Ака-

демія Наукъ по всему Бартангу и Рушану. Всего собрано около 230 №№, достаточно полно рисующихъ матеріальный бытъ горныхъ таджиковъ указанныхъ областей. Покупка предметовъ производилась, преимущественно, начиная отъ с. Басидъ и по всему Рушану. Въ Верхнемъ Бартангѣ, вслѣдствіе бѣдности и рѣдкости населенія, матеріальная культура выражена не такъ полно: многіе предметы вовсе не выдѣлываются, очень многіе привозятся съ низовьевъ рѣки и отъ киргизовъ.

Кромѣ указаннаго, произведенъ былъ рядъ наблюденій надъ брачными, родственными и наслѣдственными обычаями. Также изслѣдовалась и религіозная жизнь населенія, но съ особыми предосторожностями, въ виду его принадлежности къ одной изъ шіитскихъ сектъ (измаилитизмъ), отличающейся замкнутостью и недоступностью. Повсемѣстно производились фотографіи, иллюстрирующія, какъ бытъ населенія, такъ и его культуру.

Большая часть нашей работы была выполнена вмѣстѣ; многіе вопросы, касающіеся этнографіи и социологіи были предлагаемы и обсуждаемы въ сотрудничествѣ, причемъ каждый помогалъ своими знаніями теоретическими или практическими. Въ особенности очень много словъ, техническихъ терминовъ и важнѣйшихъ съ лингвистической точки зрѣнія выраженій были записываемы каждымъ изъ насъ отдѣльно и независимо; затѣмъ перечитывались, сравнивались и исправлялись въ случаѣ необходимости, такимъ образомъ, что мой спутникъ, для котораго фонетика вообще и въ особенности фонетика горныхъ иранскихъ нарѣчій была незнакома, ознакомился съ ней и путемъ постоянныхъ упражненій освоился съ распознаваніемъ звуковыхъ отбѣнокъ и фонетической записью. Ко времени нашего прибытія въ Рушанъ онъ былъ вполне въ состояніи фонетически записывать всѣ элементы языка, пригодные для лингвиста.

Таковы суть, изложенные въ самыхъ краткихъ чертахъ, результаты первой экспедиціи Комитета на Памиръ, составленной изъ лицъ, занимающихся специально лингвистикой и этнографіей. Хотя экспедиція была непродолжительна, она собрала не мало матеріаловъ и уже дала опредѣленные съ извѣстной точки зрѣнія результаты. Остается пожелать, чтобы полученный такимъ образомъ опытъ былъ использованъ въ будущемъ и чтобы болѣе продолжительное пребываніе въ

странѣ послѣ столь долгаго путешествія позволило спеціалистамъ вполне ознакомиться съ религіозной и общественной сторонами жизни, съ людьми и явленіями Памира, собрать больше матеріаловъ и достигнуть еще большихъ результатовъ во время новой экспедиціи.

Мы должны закончить этотъ краткій отчетъ, публично принося нашу глубокую благодарность всѣмъ офицерамъ Памира и вообще всей администраціи Туркестана, среди которой мы встрѣчали не только содѣйствіе, но самое искреннее радушіе и даже дружбу.

R. Gauthiot
Ив. Зарубинъ.

Отчетъ о второмъ путешествіи къ уйгурамъ С. Е. Малова.

Къ уйгурамъ и во второй разъ¹⁾ я ѣхалъ по прежнему пути, т. е. черезъ Чугучакъ (23—28 мая 1913 г.), Урумчи, Хами и Суджоу.

Въ Урумчи съ небольшимъ опозданіемъ противъ предполагаемаго я былъ въ срединѣ іюня 1913 г. Здѣсь я узналъ отъ управляющаго консульствомъ И. М. Герасимова, что въ Турфанѣ и Карашарѣ не такъ давно была японская экспедиція г. Зунтсо Тацибана и его спутника Іошикава и что этими лицами вывезено 70 ящиковъ (или около 250 пудовъ) разнаго рода древностей.

Въ Урумчи же чрезъ католическаго миссіонера о. F. Hoogers удалось снять копію съ небольшою уйгурской рукописи, принадлежащей инспектору школъ г. Ченъ²⁾).

Не доѣзжая до г. Суджоу, въ 8 дняхъ пути отъ послѣдняго, я съ большой дороги отъ г. Анси свернулъ нѣсколько въ сторону и направился въ Дунхуанъ, т. е. къ древнимъ уйгурскимъ кумирнямъ Чен-фотунъ, гдѣ и пробылъ начало августа за осмотромъ и фотографированіемъ «1000» кумиренъ — пещеръ.

Среди уйгуровъ я былъ съ конца августа до середины декабря 1913 г.

На этотъ разъ я уже не имѣлъ опредѣленнаго, постояннаго мѣста жительства, а разъѣзжалъ по уйгурскимъ селеніямъ, монастырямъ и кочевкамъ, останавливаясь гдѣ недѣли двѣ, а гдѣ дня 2—3. Для этихъ разъѣздовъ заарендованы были мною пять верблюдовъ, а двѣ

1) Мой отчетъ о первомъ путешествіи къ уйгурамъ см. «Извѣстія Русск. Комит. для изуч. Средней и Восточной Азіи» № 1, сер. II, 1912 г., СПб., стр. 94—99.

2) Рукописи, подобныя этой, издаются въ настоящее время акад. В. В. Радловымъ въ его *Uigurische Sprachdenkmäler*.

верховыя лошади у меня были постоянно свои, — съ ними теперь возвращаюсь въ Хами.

Мой маршрутъ среди уйгуровъ былъ таковъ: изъ Суджоу я направился въ Шихейза, гдѣ я жилъ и въ первое путешествіе, а отсюда уже направился къ мало изслѣдованнымъ мною въ 1910—11 гг. горнымъ уйгурамъ и посѣтилъ слѣдующіе монастыри съ живущими около нихъ уйгурами: Нопка, Пейранъ, Сакысъ и Ишкана; затѣмъ, не доѣзжая немного до кумирни Канлюсы, повернулъ обратно и черезъ монастырь Сумакача (съ заѣздомъ въ г. Гао-тай), выѣхалъ опять въ степь къ монастырю Дунхейза; затѣмъ вторично черезъ Шихейза пріѣхалъ въ г. Суджоу.

Такимъ образомъ за оба путешествія я не былъ только въ одномъ уйгурскомъ монастырѣ Пабортасы.

Такъ какъ въ первое уйгурское путешествіе я собралъ значительное количество произведеній народной словесности, то теперь я обратилъ преимущественно свое вниманіе на фонетику уйгурскаго языка и на этнографію.

Это не значить, чтобы я совершенно не записывалъ образцовъ народнаго творчества. Такъ, мнѣ удалось, напр., записать большое сказаніе о Гесеръ-ханѣ.

Очень значительно пополнилъ свой словарь уйгурскаго языка.

У шера-югуровъ, т. е. у омонголившихся желтыхъ уйгуровъ, собралъ небольшой матеріалъ по ихъ монгольскому нарѣчію.

Къ тому, что уже раньше опубликовано мною по уйгурскому шаманству¹⁾, я имѣю теперь обширныя дополненія. Я былъ правъ, когда высказалъ въ своей статьѣ предположеніе, что среди горныхъ уйгуровъ больше, чѣмъ у степныхъ, сохранилось шаманство.

Я узналъ довольно подробно церемоніаль слѣдующихъ шаманскихъ моленій и обрядовъ: созымъ, кышъ, пырей, церемоніаль моленія съ водкой; гаданіе при помощи монетъ и гаданіе веревочкой.

Дополнительно къ прежней шаманской коллекціи имѣю: 1) бубень, 2) колотушку, 3) «пара» — кусокъ черной матеріи, 4) «красный языкъ», т. е. небольшой отрѣзъ красной матеріи, 5) шаманскую косу,

1) «Живая Старина», годъ XXI, 1912, стр. 61—74; С. Е. Маловъ. Остатки шаманства у желтыхъ уйгуровъ.

6—7) двѣ ложечки для кроплений, 8) «торвунъ» — сумку шамана съ полнымъ содержимымъ (зубы и шерсть овецъ, лошадей и коровъ, копыто коровы, рога овецъ, зубъ верблюда...) и 9) пуки шерсти и волосъ животныхъ.

Дополнилъ свои свѣдѣнія объ уйгурскихъ похоронахъ и бракѣ. Собралъ значительное количество названій родственныхъ отношеній у уйгуровъ; пособіемъ при этомъ мнѣ служила «Инструкція....» Л. Я. Штернберга¹⁾. Антропометрическими инструментами измѣрено 55 человекъ по программѣ К. Яцуты²⁾.

За время разъѣздовъ по уйгурскимъ стоянкамъ записывалъ названія этихъ мѣстъ, названія уйгурскихъ родовъ — костей, мужскія и женскія собственныя имена и проч.; собиралъ экономическія и статистическія данныя.

Производилъ также въ уйгурской землѣ маршрутную глазомѣрную съемку (инструментами служили обыкновенный компасъ и буссоль Шмалькальдера). Передъ настоящимъ вторымъ путешествіемъ мнѣ преподалъ основныя необходимыя свѣдѣнія по съемкѣ капитанъ генеральнаго штаба въ г. Казани А. Г. Ласточкинъ.

На тѣхъ географическихъ картахъ, которыя мнѣ пришлось видѣть, не были обозначены даже крупные уйгурскіе монастыри, не говоря уже о другихъ населенныхъ уйгурскихъ пунктахъ; я ничего не встрѣтилъ и въ новѣйшей картѣ А. Stein'a³⁾. Исключеніе представляетъ французская военная карта, которую я видѣлъ, благодаря любезности священника китайца о. Авраама Ченъ, въ католической миссіи въ г. Суджоу: dessiné, heliogravé et publié par le Service géographique de l'Armée; échelle de 1:1000000 (1901—1902 г.).

На этой картѣ на юговостокъ отъ Суджоу въ горахъ помѣчено: Fan-tse Ya-lako, т. е., очевидно, китайское названіе небольшой части уйгурской земли Ялагача; далѣе есть Fantse noirs, т. е. «черныя

1) Инструкція для сбора этнографическихъ матеріаловъ. Составлено по лекціямъ Л. Я. Штернберга его слушателями, СПб. 1912 г., стр. 3—7.

2) Маннергеймомъ измѣрено около 20 чел., такъ что мы имѣемъ теперь до 80 измѣренныхъ уйгуровъ. С. G. Mannerheim. A visit to.... uigurs. Helsingfors. 1912 (= Journ. de la Soc. Fin. — ougrien., XXVII, 2).

За нѣкоторыя практическія указанія по антропометріи долженъ высказать здѣсь благодарность г. С. М. Широкогорову.

3) A. Stein. Ruins of desert Cathay. I—II. London. 1912.

фанзы» или тангуты и *Fantse jaunes* «желтые фанзы», т. е. именно турецкое племя желтых уйгуровъ.

Не смотря на то, что фотографическій аппаратъ у меня былъ довольно громоздкій (18 × 24), а не *Vebé*, — какъ раньше, я много фотографировалъ и имѣю хорошіе негативы: 1) — уйгурскихъ кумиренъ, кумиренъ Ченфотунъ и Выншугу — 28 шт., 2) — уйгурск. типовъ, жилищъ... 45 шт., 3) смѣсь (типы китайцевъ, дунганъ, пейзажи...) — 20 шт., а всего 93 негатива.

Не остались непосѣщенными и кумирни Выншугу или Выншугу (на юго-западъ отъ Суджоу въ 12 верстахъ), извѣстныя Русскому Комитету по моей находкѣ уйгурской рукописи «Золотой блескъ». Точное названіе этихъ кумиренъ и селенія — 文殊口.

Коллекцію уйгурскихъ и китайскихъ вещей предполагаю выслать весной чрезъ Урумчинское консульство.

Во время долгаго пути къ уйгурамъ по Китайскому Туркестану я, какъ туркологъ, пользовался всегда каждымъ случаемъ къ пополненію и расширенію своихъ свѣдѣній по турецкимъ нарѣчіямъ. Такъ, напр., весь 18-ти дневный («шипазан») путь отъ Чугучака до Урумчи моимъ арбакешемъ былъ кучарлыкъ Туди. Отъ него я записалъ за это время много анекдотовъ и пѣсенъ на его родномъ нарѣчіи. На пути изъ Дунхуана къ Анси я имѣлъ спутника кашгарлыка Таира и отъ него не упустилъ случая записать нѣсколько кашгарскихъ разсказовъ; кашгарское же нарѣчіе изучалъ и на обратномъ пути отъ уйгуровъ въ Хамійскій оазисъ, такъ какъ у моего случайнаго спутника, американца г. Гильбертъ, служителемъ былъ кашгарлыкъ Юсупъ Абдулкеримовъ. Моимъ служителемъ состоятъ полу-турфавлыкъ полу-киргизъ Муниръ Рахмановъ.

Заканчивая этимъ свой отчетъ, я долженъ съ глубокой благодарностью упомянуть слѣдующихъ лицъ, такъ или иначе инструктировавшихъ меня въ китайское путешествіе: акад. В. В. Радлова, акад. С. Ѳ. Ольденбурга, проф. Ѳ. И. Щербатского, Л. Я. Штернберга, А. И. Иванова, С. М. Дудина и всѣхъ членовъ «Русскаго Комитета», отъ котораго я и былъ командированъ въ Китай.

Конецъ декабря 1913 г.

На пути изъ Суджоу въ Хами.

Сергій Маловъ.

Вторая поѣздка въ Предбайкалье.

Моя вторая поѣздка по порученію Комитета въ районъ, расположенный къ сѣверозападу отъ Байкала, лѣтомъ 1913 года, преслѣдовала двѣ цѣли: раскопать неолитическую стоянку, найденную мною на берегу Байкала въ предыдущую поѣздку, и дополнить и отчасти провѣрить прежніе мои матеріалы по этнографіи и антропологіи бурятъ. Предварительно я поѣхалъ на нѣсколько дней въ Финляндію, чтобы посоветоваться съ археологомъ К. И. Сойкелли, который въ теченіе послѣднихъ лѣтъ раскапываетъ подъ Выборгомъ неолитическую стоянку, аналогичную найденной мною. Пользуюсь случаемъ, чтобы выразить г. Сойкелли свою благодарность за его цѣнныя указанія, въ частности относительно необходимаго инвентаря, благодаря которымъ послѣдній мнѣ удалось составить такъ полно, что я ни разу не ощутилъ недостатка даже въ мелочахъ. Передъ своимъ отъѣздомъ я былъ принятъ Иркутскимъ Генералъ-Губернаторомъ Л. М. Князевымъ, пріѣхавшимъ по дѣламъ въ Петроградъ. Л. М. Князевъ далъ мнѣ много цѣнныхъ совѣтовъ, въ числѣ которыхъ былъ и совѣтъ составить мою археологическую артель рабочихъ изъ политическихъ ссыльныхъ. Вопросъ съ рабочими чрезвычайно затруднителенъ въ этой области, а достать добросовѣстныхъ и спокойныхъ рабочихъ почти невозможно. Мысль набрать артель изъ среды политическихъ ссыльныхъ надо считать очень счастливой, такъ какъ я имѣлъ не только добросовѣстныхъ и усердныхъ рабочихъ, но и людей, относившихся къ дѣлу съ большимъ рвеніемъ и интересомъ. Мнѣ не только не приходилось самому наблюдать за тѣмъ, чтобы работы велись въ положенные часы, но я могъ быть всегда совершенно спокоенъ, что каждый рабочій исполняетъ данную ему работу именно такъ, какъ я ему указалъ, и не станетъ по нера-

дѣлю дѣлать ту же работу болѣе легкимъ способомъ, рискуя тѣмъ самымъ пропустить предметы или раздробить черепки. Будущимъ изслѣдователямъ этого края я могу смѣло рекомендовать политическихъ ссыльныхъ, какъ прекрасныхъ рабочихъ и помощниковъ при всевозможныхъ научныхъ изслѣдованіяхъ.

Выѣхавъ изъ Петрограда 19-го мая, я 26-го былъ въ Иркутскѣ, гдѣ сдѣлалъ послѣднія закупки и получилъ открытый листъ изъ канцеляріи Ген.-Губернатора и листъ на право найма обывательскихъ лошадей. Главный тюремный инспекторъ выдалъ мнѣ письменное разрѣшеніе набирать рабочихъ изъ среды ссыльныхъ, а начальникъ почтово-телеграфнаго округа сдѣлалъ для меня исключеніе и разрѣшилъ отправлять одновременно по почтѣ столько посылокъ, сколько мнѣ окажется необходимымъ. Простившись съ мѣстными знатоками и изслѣдователями края Д. П. Першинымъ, М. А. Кролемъ и М. П. Овчинниковымъ, я выѣхалъ по Якутскому тракту и прибылъ 1 іюня въ село Манзурку, гдѣ поселено много политическихъ ссыльныхъ, среди которыхъ мнѣ довольно скоро удалось набрать подходящихъ къ предстоявшей работѣ людей. 4-го я выѣхалъ изъ Манзурки и, на почтовой станціи Хоготъ, нагрузивъ на телеги ожидавшія меня здѣсь вещи, оставилъ Якутскій трактъ и двинулся по крайне неудобной дорогѣ на Ольхонъ. Лишь 7-го іюня я со своимъ обозомъ и людьми (9 человекъ) достигъ мыса Уланъ Хада, гдѣ и расположился лагеремъ на прибрежной полосѣ той бухты, гдѣ находится стоянка, которую предстояло раскопать. Были поставлены двѣ палатки, устроены очагъ, столъ и навѣсъ для храненія провизіи, инструментовъ и результатовъ раскопокъ. Послѣ этого мною были распределены работы и назначены часы работъ и отдыха. Работа продолжалась отъ 8 ч. утра до 8 ч. вечера, причемъ полагалось 2½ часа на обѣдъ, завтракъ и небольшіе перерывы для отдыха послѣ каждыхъ двухъ часовъ работы; такимъ образомъ, исключительно на работу приходилось 9½ часовъ, но зато во время работы не разрѣшалось отдыхать. Наладившись сразу регулярно, работа стала быстро подвигаться впередъ, и, увлеченные работой, люди переносили хорошо и зной, и дожди, и холодъ, а подчасъ и недостаточное питаніе. Лѣто выдалось очень неудачливое. Вначалѣ люди страдали отъ зноя; затѣмъ начались лѣсные пожары, закутавшіе мѣст-

ность удушливымъ дымомъ, а къ концу раскопокъ сильно вредили проливные дожди.

Интенсивность работы поддерживалась еще тѣмъ, что каждый день приносилъ намъ ту или другую находку, благодаря чему интересъ все время не ослабѣвалъ.

Стоянка Уланъ Хада расположена на берегу небольшой бухточки залива Мухоръ, славившагося съ давнихъ поръ обиліемъ рыбы, что и привлекло, вѣроятно, на его берега первобытныхъ обитателей этихъ мѣстъ. Бухточка эта окружена высокими скалами, защищающими ее отъ дѣйствія вѣтровъ со стороны S, W и O и открывающими для сѣвернаго вѣтра, который изъ года въ годъ наносилъ въ нее песокъ съ озера. Этотъ песокъ не имѣлъ возможности двигаться дюнами въ глубь страны, такъ какъ скалы парализовывали дѣйствіе вѣтра, вслѣдствіе чего песокъ расположился горизонтальными слоями, слегка наклоненными въ сторону Байкала. Вся толща песка очень массивна; опредѣлять ея мощность я не имѣлъ въ виду, но во всякомъ случаѣ она должна быть не менѣе 10 метровъ. Впослѣдствіи процессъ нанесенія песка остановился, и начался обратный процессъ выдуванія. Причины этого измѣненія, вѣроятно, кроются въ особыхъ метеорологическихъ условіяхъ; я же могу лишь сказать, что сильный вѣтеръ, дующій въ настоящее время изъ ущелья «Сарма», находящагося какъ разъ напротивъ мыса Уланъ Хада, произвелъ на стоянкѣ значительное разрушеніе: часть песка онъ унесъ черезъ хребетъ, гдѣ и отложилъ его въ видѣ конца дюны, а на мѣстѣ, гдѣ этотъ песокъ лежалъ, остался большой выдувъ. Лишь около $\frac{1}{3}$ площади стоянки еще осталось въ ненарушенномъ видѣ; $\frac{2}{3}$ ея представляютъ собой выдувъ, на поверхности котораго лежатъ перемѣшанными предметы неолитической индустріи, интересные образцы которой побудили меня къ детальному обследованію мѣстности¹⁾. Теперь передо мной была задача раскопать ненарушенные слои и вскрыть содержащіеся въ послѣдовательныхъ слояхъ песка остатки индустріи, дойдя въ концѣ концовъ до тѣхъ слоевъ, гдѣ окончательно прекращаются послѣдніе слѣды пребыванія человѣка, а также собрать все, что можно было добыть на поверхности выдува.

1) Среди кудинскихъ бурятъ. Извѣстія Русскаго Комитета для изуч. Сред. и Вост. Азіи сер. II, № 2.

Обсѣдованіе слоевъ заставляетъ думать, что человѣкъ появился на Уланъ-Хада впервые въ то время, когда до завершенія процесса образованія слоевъ предстояло наслониться еще четырьмя метрами песка.

Поселившись здѣсь, онъ въ теченіе многихъ поколѣній разбрасывалъ по всему пространству стоянки всевозможные предметы своего обихода, отчасти изъ-за порчи ихъ (черепки посуды, обломки орудій), отчасти теряя ихъ (цѣлые инструменты); конечно, предметы первой категоріи, какъ и всюду на стоянкахъ, значительно преобладаютъ. Благодаря, повидимому, относительно быстрому поступленію песка съ озера, всѣ предметы засыпались и погребались въ слояхъ песка въ строго хронологическомъ порядкѣ. Слои песка отличаются другъ отъ друга лишь цвѣтомъ, зависящимъ отъ большаго или меньшаго содержанія угля и золы, и содержаніемъ гравія, происшедшаго отъ растрескиванія и распаденія кусковъ гранита, служившихъ аборигенамъ очагами и припесенныхъ ими извнѣ. Культурные же слои, повидимому, переходятъ одинъ въ другой постепенно и безъ перерывовъ и прослоекъ пустыхъ слоевъ; поэтому мнѣ, при разбивкѣ на слои, пришлось руководствоваться внѣшними признаками, принявъ за критерій ихъ цвѣтъ, плотность, вязкость и содержаніе угля и гравія.

Всѣхъ слоевъ было намѣчено мною 11; большинство изъ нихъ въ 25 см. толщины, нѣкоторые—по 30 см., а одинъ (III-й)—20 см. Вся толща слоевъ образуетъ пластъ мощностью въ 2 м. 95 см.; сверху этотъ пластъ прикрытъ еще слоемъ песка толщиной въ 90 см. безъ всякаго содержанія культурныхъ остатковъ. Такимъ образомъ, мною разрабатывался пластъ мощностью въ 3 м. 85 см. (около $5\frac{1}{2}$ аршинъ). Раскопки производились системою выемки кубовъ; поверхность каждаго куба равнялась 1 кв. метру; высота его равнялась толщинѣ слоя. Предварительно площадь, выбранная для раскопокъ, была разбита на большіе квадраты по 25 кв. метровъ въ каждомъ; каждый квадратъ носилъ литеру А, В, и т. д.; внутри такого большого квадрата площадь разбивалась на малые квадраты величиною въ 1 кв. метръ; эти квадраты обозначались цифрами 1, 2, 3 . . . 25; комбинаціей литеръ и цифръ обозначается горизонтальное положеніе куба. Вертикально вся толща была разбита на 11 слоевъ, обозначавшихся, начиная съ верхняго, римскими цифрами. Комбинаціей трехъ цифръ точно опре-

дѣляется найденный предметъ въ вертикальномъ и горизонтальномъ направленіяхъ. Такъ, шифра В, VII, 13 обозначаетъ, что предметы были найдены въ большомъ кубѣ В, въ слоѣ VII отъ поверхности, въ 13-мъ квадратѣ.

Выемка кубовъ производилась при помощи плоскихъ лопатъ, и срѣзы дѣлались горизонтально. Этотъ способъ давалъ лучшіе результаты, такъ какъ позволялъ обнаруживать слѣды костровъ, между тѣмъ какъ при работѣ сердцевидными лопаточками, которыми приходится дѣлать неглубокіе вертикальные срѣзы, слѣды костровъ сливались въ узкую черту, а черепки одного горшка не давали представленія о характерѣ ихъ горизонтальнаго залеганія. Срѣзанный песокъ перебрасывался на брезентъ или на помостъ изъ досокъ для предупрежденія смѣшенія съ другими слоями и пропускался сквозь грохотъ съ густой сѣткой.

Всѣ предметы, добытые изъ каждого куба, тщательно заворачивались въ пакеты; на пакетахъ надписывалась шифра куба. Все, что встрѣчалось наиболѣе интереснаго (очаги, кострища, горшки, найденные *in situ*), фотографировалось, а камни, гальки и другое, что не бралось съ собой, отмѣчалось въ раскопномъ дневникѣ. Наибольшее затрудненіе представили слои X и XI, которые оказались уже въ предѣлахъ вѣчной мерзлоты. Ихъ пришлось откапывать и оставлять на сутки оттаивать, послѣ чего они оказывались доступными для лопатъ. Затѣмъ кубы вынимались и выносились на поверхность для просушки. Лишь послѣ этого можно было приступить къ ихъ просѣиванію. Подъ XI слоемъ, густо окрашеннымъ въ черный цвѣтъ и содержащимъ много камней и гравія, шелъ чистый, ровный, какъ бы отборный, дюнный песокъ свѣтложелтаго цвѣта, безъ всякаго содержанія какихъ бы то ни было культурныхъ остатковъ; въ немъ даже не встрѣтилось ни одного кусочка щебня или иного предмета, который бы нарушилъ совершенно однородную консистенцію песка. Этотъ слой былъ пройденъ мною на 2 м. 5 см. вглубь; на всемъ этомъ углубленіи онъ былъ совершенно однороденъ, что убѣдило меня въ полномъ отсутствіи слѣдовъ человѣка подъ слоемъ XI.

Мною была вскрыта площадь въ 50 кв. метровъ, вынуто 550 кубовъ и пропущено сквозь грохоты 200 куб. метровъ земли. Общая поверхность вскрытыхъ слоевъ составляетъ 600 кв. метровъ.

Долженъ, однако, оговориться, что слои были намѣчены мною до извѣстной степени провизорно, такъ какъ нѣкоторые смежные слои переходили другъ въ друга настолько незамѣтно и геологически такъ мало отличались между собой, что представляли какъ бы одинъ слой. Такъ, слои VII и VIII имѣли видъ скорѣе одного болѣе мощнаго слоя въ 55 см.; слои IX и X тоже сливались въ одинъ слой въ 60 см. толщины.

Передъ тѣмъ какъ произвести разбивку на слои, я опредѣлилъ нижній горизонтъ культурныхъ слоевъ и сдѣлалъ вертикальный разрѣзъ черезъ всю ихъ толщу. Разрѣзъ показалъ, что въ большинствѣ словъ средняя толщина колеблется между 25-ю и 30-ю см.; это обстоятельство и заставило меня разбить болѣе мощные слои на два слоя каждый. При обработкѣ матеріала такая разбивка оказалась правильной: по характеру керамики слои, дѣйствительно, отличаются.

Слои представляютъ собой совершенно ненарушенное напластованіе, что доказывается вполнѣ опредѣленно находками горшковъ и очаговъ въ томъ видѣ, какъ они были оставлены древними обитателями этихъ мѣстъ. Обычно горшки лежатъ или на очагахъ или отдѣльно отъ нихъ и имѣютъ такой видъ, какъ будто они лишь недавно разбились и брошены на томъ же мѣстѣ, гдѣ стояли: всѣ черепки лежатъ въ кучкѣ, а дно очень часто бываетъ въ серединѣ ея.

Слѣды костровъ очень многочисленны и представляютъ небольшія, въ 25—30 см. въ поперечникѣ, площадки округлой или овальной формы, густо засыпанныя углями. Очень интересны, часто имѣющіе видъ розетки, особой формы очаги, въ которыхъ, весьма возможно, обжигались горшки. Эти очаги стоятъ совершенно непарушенными и исключаютъ всякую возможность какихъ-либо сдвиговъ, перемѣщеній, сползаній, перемѣшиванія слоевъ и т. п.

Мѣсто стоянки представляетъ собой, какъ было сказано выше, совершенно нетронутое напластованіе лишь въ своемъ лѣвомъ, если смотрѣть со стороны озера, краѣ. Весь центръ и правый край — не что иное, какъ громадный выдувъ. Грозный вѣтеръ «Сарма» перенесъ песокъ 8 верхнихъ слоевъ и покрывающаго ихъ слоя черезъ хребетъ, и лишь 3 нижнихъ слоя остались пока нетронутыми. Этотъ выдувъ имѣетъ видъ треугольника площадью около 19.800 кв. метровъ. По закону движенія дунъ, всѣ тяжелыя вещи, погребенныя въ песокъ,

при его выдуваніи опускаются вертикально съ мѣста своего залеганія до поверхности выдува. Въ силу этого вся поверхность выдува была густо устѣяна черепками и кремневыми подѣлками. Попутно съ раскапываніемъ нетронутыхъ слоевъ было приступлено къ сбору предметовъ съ поверхности выдува. Для этого вся площадь выдува была разбита на квадраты. Рабочіе лопатами собирали верхній слой песка, складывая песокъ cadaго квадрата въ кучу. За этими рабочими шли другіе, которые пропускали кучу сквозъ грохотъ и уносили просѣянный остатокъ въ лагерь; здѣсь въ жаркіе дни, когда зной послѣ обѣда не давалъ возможности работать въ нашей душной, закрытой для вѣтровъ долины, вся артель проводила 1—2 часа за сортировкой, отбирая отъ щебня все, что относилось къ индустріи человѣка.

Раскопки продолжались ровно мѣсяць и 9-го іюля закончились. На этотъ срокъ были разсчитаны деньги, отпущенныя Комитетомъ, а также и провизія, недостатокъ въ которой въ послѣдніе дни сильно ощущался. Съ грустью пришлось закончить работы, такъ какъ на стоянкѣ осталось еще много неразрытаго пространства, обѣщавшаго дать столь же интересный матеріалъ, какъ и полученный. Но и то, что было добыто за этотъ мѣсяць, превзошло мои ожиданія. Въ настоящее время коллекція находится еще въ періодѣ обработки. Въ общихъ чертахъ можно сказать, что всего матеріала добыто 69 пудовъ брутто, въ томъ числѣ тысяча черепковъ, къ склейкѣ которыхъ уже приступлено. Составляются цѣлые сосуды, богато орнаментированные и дающіе полное представление о характерѣ орнаментации и формахъ сосудовъ; кромѣ того—сотни скребковъ, наконечниковъ стрѣлъ, крючковъ отъ удочекъ и пр.; lames надо считать тысячами, а éclats можно измѣрить 2—3 пудами. Немало найдено и болѣе крупныхъ орудій, какъ то: копья, топоры, палицы, оселки, ступки, шлифовальные камни и пр.; раскопаны также очаги, служившіе (повидимому) для обжиганія сосудовъ. Особого вниманія заслуживаютъ каменные рыбы изъ слюдистаго песчаника и мрамора. Сдѣлать какіе-либо выводы до полной обработки коллекцій было бы, конечно, преждевременно, но уже и теперь можно сказать съ увѣренностью, что, благодаря значительной мощи культурныхъ слоевъ, ихъ богатству остатками индустріи и ненарушенному залеганію послѣднихъ, стоянка Уланъ-Хада дала богатый матеріалъ для классификаціи неолита Ангарскаго бассейна.

Надо думать, что для отложенія такихъ мощныхъ слоевъ песка изъ сравнительно небольшого бассейна залива Мухоръ потребовался большой періодъ времени. Значительная часть этого періода совпала съ пребываніемъ человѣка на Уланъ-Хада. Исходя изъ этого, мы должны предположить, что человѣкъ обиталъ здѣсь въ теченіе весьма продолжительнаго промежутка времени, и такимъ образомъ мы имѣемъ въ слояхъ Уланъ-Хада какъ бы зафиксированною въ хронологическомъ порядкѣ цѣлую эпоху изъ жизни человѣка на землѣ.

Это предположеніе вполне подтверждается при осмотрѣ матеріала, добытаго въ слояхъ. Нижній XI слой содержитъ лишь éclats, lames, nucleus'ы, скребки и крючки для удочекъ; костяная и деревянная индустрія, которая, надо полагать, была богато развита, до насъ не дошла, ибо песокъ не предохраняетъ этого матеріала отъ разрушенія. Кость даже въ верхнихъ слояхъ не сохранилась, если не считать нѣсколькихъ обугленныхъ кусочковъ, рассыпавшихся отъ прикосновенія и нѣсколькихъ незначительныхъ обломковъ. Но во всякомъ случаѣ этотъ слой не содержитъ ни слѣдовъ керамики, ни слѣдовъ шлифованныхъ орудій. Керамика начинается лишь въ X слоѣ, гдѣ она имѣетъ видъ грубыхъ конусообразныхъ сосудовъ со слѣдами какого-то плетенія на стѣнкахъ. Вѣнчики горшковъ большей частью не орнаментированы, и лишь нѣкоторые изъ нихъ носятъ легкій узоръ, нанесенный штампомъ.

Переходя къ вышележащимъ слоямъ, мы встрѣчаемъ все болѣе и болѣе совершенныя формы керамики. Керамика верхнихъ слоевъ поражаетъ тонкостью стѣнокъ, совершенствомъ обжига и разнообразіемъ орнамента. Каменные орудія тоже значительно измѣняются по мѣрѣ перехода отъ нижнихъ слоевъ къ верхнимъ. Верхніе слои характеризуются присутствіемъ шлифованныхъ орудій, а въ I слоѣ встрѣчаются шлифованные нефритовые топоры. Вообще верхній слой сильно приближается къ бронзовой эпохѣ, хотя бронзовыхъ предметовъ въ немъ и не найдено. Такимъ образомъ, мы имѣемъ на протяженіи слоевъ какъ бы цѣлый рядъ непосредственно переходящихъ другъ въ друга неолитическихъ стадій, начиная отъ стадіи, когда еще не было керамики, и кончая переходами въ бронзовую эпоху.

Закончивъ раскопки и распустивъ всѣхъ рабочихъ, кромѣ одного, я остался въ Ольхонскомъ вѣдомствѣ еще на мѣсяцъ, который по-

святить этнографическимъ наблюдѣніямъ и записямъ, антропометрическимъ измѣреніямъ и дальнѣйшимъ археологическимъ развѣдкамъ. Кромѣ того, я руководилъ упаковкой археологическаго матеріала съ Уланъ-Хада, для чего былъ оставленъ одинъ рабочій. Упаковка, требовавшая большой тщательности, продолжалась двѣ недѣли. Для упаковки черепковъ примѣнялись длинныя ленты бумаги; черепки подбирались равные по величинѣ и затѣмъ завертывались въ ленты такимъ образомъ, чтобы между каждыми двумя черепками приходилась прослойка бумажной ленты. Полученные свертки укладывались въ ящики слоями, чередуясь со слоями болотнаго сѣна. Благодаря этому % разбившихся въ дорогѣ черепковъ былъ крайне незначителенъ (едва ли 1 на 1.000). Пакеты, содержащіе находки въ кубахъ, были предварительно тщательно высушены на русской печи, ибо бумага многихъ изъ нихъ, особенно тѣхъ, въ которыхъ было завернуто содержимое кубовъ, вынутыхъ изъ вѣчной мерзлоты, намокла и начала расползаться. Жилъ я въ теченіе этого мѣсяца въ помѣщеніи Ольхонскаго инородческаго училища. Въ первый мѣсяцъ, когда шли раскопки, сюда отъ времени до времени свозилась и складывалась добыча. Школа расположена въ 12 верстахъ отъ мѣста раскопокъ вблизи Ольхонской управы, въ поселкѣ «ясачныхъ инородцевъ» — Кутулъ¹⁾.

Отсюда я совершалъ поѣздки въ сосѣдніе улусы и по окрестностямъ. Прежде всего я снялъ точный планъ стоянки «Уланъ-Хада» и пронивелировалъ ее.

Затѣмъ мною были найдены въ заливахъ Байкала еще 3 стоянки того же періода, что и Уланъ-Хада, но залеганіе на нихъ далеко не такое благопріятное, какъ на изслѣдованной уже стоянкѣ, да и по количеству содержащагося въ нихъ матеріала онѣ значительно бѣднѣе. Работая въ этомъ районѣ, я все время продолжалъ разспрашивать объ остаткахъ старины, но буряты отговаривались незнаніемъ. Лишь къ концу моего пребыванія въ Ольхонскомъ вѣдомствѣ, по мѣрѣ большаго сближенія съ бурятами, послѣдніе стали сообщать мнѣ свѣдѣнія, да и то не сами, а благоразумно направляя меня къ другому лицу, которое якобы одно лишь и знаетъ это мѣсто и сможетъ мнѣ его указать, въ расчетѣ на то, что «хозяинъ», «эжинъ», которому принад-

1) «Ясачный инородецъ» — крещеный и осѣдлый бурятъ — карымъ.

лежитъ интересующій меня памятникъ старины, обрушить весь свой гнѣвъ, конечно, на того бурята, который непосредственно приведетъ меня къ тому или другому мѣсту. Выбирали для этой цѣли обычно старика или какого-нибудь покладистаго и тихаго бурята, и мнѣ оставалось лишь прійти къ указанному лицу и строго ему заявить, что онъ долженъ меня вести къ извѣстному ему мѣсту. Конечно, мы брали съ собой всегда водку, чтобы приношеніемъ ея умилиловать гнѣвъ божества, а суевѣрный страхъ указчика мнѣ удавалось отчасти компенсировать денежнымъ подаркомъ. Этимъ путемъ я черезъ бурята Ивана Зобанова узналъ о двухъ костеносныхъ пещерахъ. Эти пещеры расположены на уровнѣ 900 фут. надъ Байкаломъ, на небольшой безымянной горѣ, стоящей между падями Баг-Орсѣ и Нугды недалеко отъ горы Танһың, и представляютъ обширныя помѣщенія, расположенныя глубоко подъ землей; входы въ нихъ имѣютъ видъ большихъ воронокъ. Видимо, онѣ произошли отъ выщелачиванія известковыхъ массъ, включенныхъ среди гнейсовъ; недалеко отъ нихъ находится вертикальная труба, начинающаяся тоже въ воронкообразномъ углубленіи. Эта труба очень глубока, такъ какъ паденіе брошеннаго въ нее камня слышно очень долго.

Люди, обитавшіе въ этихъ пещерахъ, судя по найденнымъ здѣсь предметамъ, относятся къ тому же народу, который обиталъ въ Курумчинскомъ вѣдомствѣ на открытой мной въ прошлую поѣздку стоянкѣ первобытныхъ кузнецовъ. Со стѣнъ пещеръ капаетъ вода, полъ ихъ промерзъ, и въ болѣе отдаленныхъ отъ входа мѣстахъ лежитъ ледъ. Благодаря мерзлотѣ вещи прекрасно сохранились и имѣютъ видъ какъ бы недавно положенныхъ. Надо полагать, что раскопки должны дать чрезвычайно цѣнный матеріалъ. Мои развѣдочныя раскопки очень затрудняло то обстоятельство, что дно пещеръ оттаяло всего на 5—6 см.; подъ этимъ слоемъ была твердая мерзлота. Мною найдены кости животныхъ и человѣка, керамика, нѣсколько костяныхъ и деревянныхъ издѣлій и многочисленные слѣды костровъ.

Кости пока еще не опредѣлены, но уже при бѣгломъ взглядѣ на нихъ можно убѣдиться, что онѣ оставлены скотоводами-охотниками¹⁾.

1) Эти кости совершенно тождественны съ костями, найденными въ Курумчинахъ и опредѣленными старшимъ зоологомъ Импер. Акад. Наукъ А. А. Бялиницкимъ-Бирулей.

Мною осмотрѣно было все побережье, начиная отъ Ольхонскихъ воротъ до бухты Анга, и на всемъ этомъ протяженіи я не нашелъ слѣдовъ обитанія человѣка. Лишь бухта Ая посила какіе-то неясные слѣды его пребыванія. Но были ли это остатки постоянного пребыванія человѣка или же сюда онъ заѣзжалъ для неводьбы, мнѣ установить не удалось. Последнее, впрочемъ, вѣроятнѣе, такъ какъ бухта Ая какъ бы специально создана для неводьбы, а жить человѣку было бы гораздо удобнѣ гдѣ-нибудь подальше подъ защитою скалъ, а не на площади, открытой дѣйствию вѣтра съ Байкала. Въ этой же бухтѣ мнѣ удалось, при помощи бурята старика Захѣ, найти писаный камень. Другой писаный камень былъ найденъ при помощи «ясачнаго инородца» Василя Шастина изъ поселка Еланцы. Этотъ послѣдній камень расположенъ на лѣвомъ берегу р. Ангя въ 1 $\frac{1}{2}$ верстахъ вверхъ по теченію отъ мѣста пересѣченія этой рѣки «Ольхонскимъ трактомъ». Третій камень былъ указанъ старикомъ Мудѣ (сынъ Борсоя) изъ улуса Кутулъ. Этотъ камень расположенъ въ восточномъ направленіи отъ Кутула на горѣ Орсо, лежащей недалеко отъ горы Танһың. Всѣ три камня имѣютъ много общаго между собой. Они состоятъ изъ мрамора и наклонены верхней частью нѣсколько впередъ, вслѣдствіе чего ихъ поверхность оказывается защищенной отъ разрушающаго дѣйствія атмосферы. Рисунки на нихъ нанесены при помощи выбиванія. Верхній слой мрамора отъ времени вывѣтривается и дѣлается буровато-желтымъ; подъ этимъ слоемъ сохраняется совершенно бѣлый (Орсо и Ая) или розовый (Еланцы) камень. Первобытные художники выбивали въ этомъ разрушенномъ слоѣ желобокъ глубиною въ 3—5 мм.; этотъ желобокъ ясно выдѣляется на общемъ желтомъ фонѣ и служить контуромъ рисунковъ, которые, особенно при боковомъ освѣщеніи, выступаютъ очень рельефно. Всѣ камни почитаются у бурятъ, какъ камни священные, а знаки на нихъ считаются нарисованными бурханомъ. Эжину ангинскаго камня и камня въ Ая ежегодно устраиваютъ жертвоприношенія. Передъ камнемъ въ Ая лежатъ всегда монеты, принесенныя набожными бурятами, проѣзжавшими мимо на лодкѣ, въ жертву бурхану, нарисовавшему знаки. Камень на Орсо тоже считается священнымъ, но ему не оказываютъ никакого особаго поклоненія. Хуже всего сохранился камень на Ангѣ; здѣсь добывался мраморъ какимъ-то иркутскимъ промышленникомъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ камнемъ, и рабочіе

изъ озорства взорвали часть писанаго камня, отчего онъ сильно осыпался; рисунки стали настолько неясными, что ихъ не удалось срисовать, и пришлось лишь сфотографировать. Камни въ бухтѣ Ая и на горѣ Орсѣ сохранились прекрасно. Темой рисунковъ на камняхъ служатъ олени благородные (изюбри) и олени сѣверные, рыбы (осетры), птицы (глухари), человѣческія фигуры (шаманы?), змѣи и символическіе знаки.

Камень въ бухтѣ Ая былъ уже посѣщенъ до меня археологомъ Н. Н. Агапитовымъ и описанъ имъ, вмѣстѣ съ другимъ писаннымъ камнемъ на утесѣ «Саганъ-Заба», въ Извѣст. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. 1881 г., XII т. Но рисунки, приложенные къ описанію, весьма неточны и неполны и даютъ неправильное представленіе объ оригиналахъ. При зарисовываніи камня я примѣнилъ слѣдующій способъ: большой листъ кальки накладывался на камень; подъ нимъ ясно проступалъ рисунокъ, который и обводился тушью при помощи кисти. Кромѣ того камень фотографировался съ нѣсколькихъ сторонъ. Посѣтить камень на «Саганъ-Заба» мнѣ самому не удалось за недостаткомъ времени. Его весьма тщательно зарисовалъ и сфотографировалъ мой помощникъ Т. И. Савенковъ.

Чтобы покончить съ археологическими поисками, упомяну еще о своихъ развѣдкахъ въ деревнѣ Кунтѣ (обрусѣвшіе буряты) на пашнѣ крестьянина Федора Юзика, гдѣ, по разсказамъ, выпахиваются большія кости. Дѣйствительно, мнѣ вскорѣ удалось напасть на большой обломокъ кости молодого мамонта¹⁾ и нѣсколько болѣе мелкихъ. Пашня расположена по склону широкой долины; кости погребены въ желтомъ лесѣ. Но никакихъ слѣдовъ пребыванія человѣка обнаружить не удалось, и погибъ ли этотъ мамонтъ отъ руки человѣка или другимъ путемъ, равно какъ и первоначальное мѣсто его гибели, установить, при поверхностномъ осмотрѣ, не удалось.

По антропометріи я пополнилъ свою прошлогоднюю серію измѣреній ольхонскихъ бурятъ.

Въ теченіе этого же мѣсяца я близко сошелся съ очень дѣльнымъ и умнымъ бурятомъ Албанѣ Хонгоровымъ, хорошо знающимъ обычаи своихъ соплеменниковъ. Съ нимъ мы собирали стариковъ и вели раз-

1) Опредѣлилъ А. А. Бялыницкій-Бируля.

спросы по интересовавшимъ меня темамъ. При его помощи я провѣрилъ и дополнилъ многія изъ своихъ прошлѣднихъ записей, а также узналъ много новаго (обрядъ протягиванія веревки — зегъ — передъ домомъ, гдѣ есть новорожденный; обряды, связанные съ раздѣленіемъ родовъ; обряды, связанные съ нечистой женщиной и др.). За это же время я побывалъ на Надан-ѣ — одно изъ свадебныхъ дѣйствій — и участвовалъ въ обрядѣ похищенія невѣсты и встрѣчѣ свадебнаго поѣзда родомъ жениха. Попутно сдѣлалъ много фотографій типовъ, жилищъ, улусовъ, дѣтскихъ могилъ на горахъ, «заовгоненныхъ» коней и т. д., собралъ коллекцію этнографическихъ предметовъ быта и культа ольхонскихъ бурятъ и записалъ фонографически пѣсни и молитвы. Послѣдніе дни моего пребыванія въ Ольхонскомъ вѣдомствѣ были посвящены приведенію въ порядокъ записей и проявленію снимковъ. Изъ лицъ, бывшихъ мнѣ особенно полезными, считаю долгомъ отмѣтить голову Шона Бутуева, который былъ во все время раскопокъ и моего пребыванія въ Ольхонскомъ вѣдомствѣ чрезвычайно внимателенъ ко всѣмъ моимъ нуждамъ, и тому обстоятельству, что раскопки, несмотря на цѣлый рядъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, прошли такъ гладко и удачно, я въ значительной мѣрѣ обязанъ его заботливости.

Заключивъ работу въ Ольхонскомъ вѣдомствѣ, я выѣхалъ 7-го августа на верхнюю Лену, куда прибылъ 12-го августа и остановился у бурята Анганова; о немъ еще на Кудѣ и на Ольхонѣ я слышалъ, какъ объ очень умномъ бурятѣ, который «тебѣ все расскажетъ». Ангановъ принялъ меня со свойственнымъ бурятамъ гостепріимствомъ и, пользуясь громаднымъ авторитетомъ среди своихъ соплеменниковъ, очень скоро сумѣлъ привлечь на мою сторону ихъ довѣріе и расположеніе. Верхоленскіе буряты являются крайними представителями своего племени на сѣверѣ. Преданіе рассказываетъ, что они не пошли дальше, такъ какъ между нынѣшнимъ городомъ Верхоленскомъ и селомъ Качугомъ живетъ большой бурханъ, мимо котораго женщины не могутъ ни проѣзжать, ни проходить. Этотъ бурханъ и задержалъ бурятъ въ ихъ движеніи на сѣверѣ, такъ какъ безъ женщинъ они, конечно, не могли переселяться. Бурханъ олицетворяется вертикально стоящимъ камнемъ въ формѣ столба. Нынѣ этотъ столбъ взорванъ и поваленъ, такъ какъ угрожалъ задавить ѣдущихъ по Якутскому тракту людей.

Верхоленскіе буряты значительно отличаются отъ кудинскихъ и ольхонскихъ. Здѣсь скотоводство не играетъ такой роли, какъ у степныхъ кудинскихъ; скота значительно меньше; нѣтъ привольныхъ степей, а благодаря обилію почвенной влаги, нѣтъ необходимости устранивать столь характерную для бурятъ ирригаціонную систему. Большимъ подспорьемъ въ хозяйствѣ служатъ таежный промыселъ пушного звѣря и посредничество между тунгусами и русскими. За послѣднее время быстрые шаги дѣлаетъ земледѣліе, для чего буряты обнажаютъ отъ лѣса южные склоны горъ, разрабатывая чрезвычайно плодородную красную землю. Въ связи съ развитіемъ земледѣлія многіе улусы прекратили кочевки. Хотя верхоленскіе буряты и утратили много характерныхъ чертъ по сравненію съ бурятами кудинскими, тѣмъ не менѣе у первыхъ сохранились нѣкоторые обычаи, уже исчезнувшіе у послѣднихъ.

Самымъ дальнимъ пунктомъ расселенія бурятъ является озеро Очеулъ, гдѣ на сравнительно небольшомъ пространствѣ, отдѣленные лѣсами отъ главнаго ядра бурятъ, живетъ нѣсколько бурятскихъ родовъ. Здѣсь же живетъ старикъ Хазухѣ, славившійся среди верхоленскихъ бурятъ знаніемъ преданій и старины. Поддерживаемый Ангановымъ, я быстро снискалъ довѣріе старика, и онъ рассказалъ мнѣ много цѣнныхъ легендъ о переселеніяхъ, войнахъ и кровавой мести. Благодаря его прекрасной памяти и ограниченному количеству улусовъ въ округѣ, мы съ нимъ подробно разобрали исторію происхожденія каждаго улуса, и такимъ образомъ удалось составить полную картину заселенія этого мѣста. Съ нимъ же мы выяснили брачныя отношенія этихъ улусовъ, что дало мнѣ богатый матеріалъ для нормъ брака и территориальнаго родства.

Въ гостяхъ у Анганова я провелъ двѣ недѣли, знакомясь съ жизнью «лѣсныхъ бурятъ», дѣлая наблюденія надъ особенностями ихъ матеріальнаго быта и пополняя свои записи по семьѣ и роду, собирая легенды о переселеніяхъ, родословныя, запреты, провѣряя родственныя названія и пормы брака. Съ Ангановымъ мы подробно разобрали юридическую сторону выдѣловъ, наслѣдованія, положенія сиротъ и незаконнорожденныхъ, въ чемъ онъ особенно оказался очень силенъ, тѣмъ болѣе, что буряты его округа обычно обращаются къ нему при возникновеніи какихъ-либо недоразумѣній или сомнѣній.

За это же время я близко познакомился съ шаманомъ Мунькой Баировымъ; отъ него я записалъ фонографически шаманскія молитвы, сфотографировалъ и узналъ значеніе шаманскихъ звѣрей, шкурки которыхъ въ большомъ количествѣ имѣются у бурятскихъ шамановъ. Свои антропометрическія измѣренія я пополнилъ серіей измѣреній верхоленскихъ бурятъ, фонографическія записи — пѣснями и шаманскими молитвами, фотографіи — снимками типовъ жилищъ, сценъ и священныхъ предметовъ, этнографическую коллекцію предметовъ — стариннымъ серебрянымъ вооруженіемъ, предметами быта и шкурками звѣрей шамана, являющихся его посланниками къ богамъ и переносителями жертвоприношеній.

Простившись съ Ангановымъ, я направился на югъ, гдѣ остановился въ Степно-Балтайскомъ улусѣ (на юговостокъ отъ села Хорбатова) у бурята Дархисунова, въ домѣ котораго я провелъ нѣсколько дней. Дархисуновъ собиралъ для меня стариковъ, которые рассказали мнѣ много легендъ о войнахъ, богатыряхъ, переселеніяхъ; съ ихъ же словъ я записалъ новую варіацію легенды о Булгытѣ и Ихиритѣ—первыхъ бурятахъ, родословныя родовъ и кой-какія дополненія къ своимъ прежнимъ записямъ по запретамъ, половымъ и брачнымъ нормамъ и отношеніямъ между хадъмъ и бере. Здѣсь же я наблюдалъ стадію образованія территориальнаго родства. Орнаменты, которые я полагалъ найти здѣсь и на Очеулѣ въ изобиліи, въ дѣйствительности совершенно исчезли. Удалось найти всего лишь 2 старинныхъ орнамента, вырѣзанныхъ на стѣнкахъ сундуковъ (абдрѣ). Съ Дархисуновымъ я ѣздилъ къ шаману Вархинову, знаменитому во всей округѣ. Съ послѣднимъ я бесѣдовалъ относительно шаманскихъ звѣрей, которыхъ у него оказалось множество. Послѣ нѣкотораго колебанія шаманъ согласился дать сфотографировать себя и шкурки всѣхъ своихъ звѣрей.

Шкурки отъ частаго употребленія и дыма въ юртѣ стали совсѣмъ черными. Тѣмъ не менѣе намъ удалось по нимъ опредѣлять всѣхъ звѣрей. Это были представители звѣрей, населяющихъ мѣстные лѣса и степи: волкъ, бѣлка, горностай, лисица, куница, выдра, колонокъ, заяцъ, косуля (серна), соболь и даже представитель вымершихъ здѣсь звѣрей — кусочекъ мѣха бобра, отпоротый, повидимому, отъ шубы.

Далѣе я ѣздилъ въ улусы, расположенные въ безводной мѣстности, и осматривалъ приспособленія для храненія воды лѣтомъ, состоящія

изъ погребовъ-срубовъ, которые зимою набиваются снѣгомъ. Въ теченіе лѣта собираютъ съ поверхности растаявшаго снѣга воду, которою и пользуются для своихъ пуждъ.

27 августа я простился съ Дархисуновымъ и на слѣдующій день прибылъ въ Манзурку, гдѣ остановился на три дня. Надо было привести въ порядокъ и систематизировать свои записи и приготовиться къ работамъ въ Кудинскихъ степяхъ.

Изъ Манзурки я выѣхалъ въ Кудинскія степи, гдѣ оставался до 20 сентября. Здѣсь на первыхъ порахъ меня ожидало большое огорченіе. Въ семьѣ бурята Урбаева, гдѣ я часто бывалъ прошедшимъ лѣтомъ, умеръ его дядя старикъ Ангадай на 85 году жизни. Со словъ этого старика я, при помощи Урбаева, сдѣлалъ въ прошломъ году очень много записей. Въ семьѣ Хатуева, бывшаго моимъ постояннымъ спутникомъ и переводчикомъ, умерли его жена и мать. Народная молва объяснила эти несчастья тѣмъ, что Урбаевъ и Хатуевъ много рассказывали русскому о старинѣ и о богатѣхъ, продавали ему старинныя вещи и этимъ навлекли на себя гнѣвъ боговъ, за что и были наказаны. Этимъ же гнѣвомъ боговъ объясняли многія несчастья, случившіяся за годъ моего отсутствія. Когда я вновь появился среди знакомыхъ бурятъ, то меня принимали съ нѣкоторымъ страхомъ, опасаясь, какъ бы мое присутствіе не навлекло вновь несчастья. Однако, черезъ нѣсколько дней мнѣ удалось преодолѣть эту боязнь, и я смогъ вновь начать свою работу. Мнѣ предстояло провѣрить многія изъ моихъ прошлогоднихъ записей, выяснить нѣкоторые недоумѣнія и получить отвѣты на цѣлый рядъ вопросовъ, возникшихъ у меня при обработкѣ моего прошлогодняго матеріала. Кромѣ того, мной были собраны свѣдѣнія по взаимоотношеніямъ между родами, состоящими въ территоріальномъ и брачномъ союзахъ, и о родствѣ по женамъ (база); значительно дополнены свѣдѣнія по матеріальной культурѣ и почитанію огня. Дополнена и провѣрена таблица терминовъ родства и записаны нѣкоторые обряды, относящіеся къ дѣтямъ, свадьбѣ и разводу. Далѣе, я продолжилъ свои прошлогоднія раскопки стоянки желѣзнаго вѣка (первобытные кузнецы въ Курумчинахъ). Раскопки дали интересную коллекцію, собранную въ одной изъ землянокъ (*fond de cabane*), состоящую изъ костей, керамики, шлаковъ и т. п. Очень интересна небольшая коллекція неолитическихъ предметовъ, найденныхъ на

той же стоянкѣ тѣсно перемѣшанными съ остатками желѣзной культуры и указывающихъ, что до «курумчинскихъ кузнецовъ» на тѣхъ же мѣстахъ обитали люди неолитическаго періода. Передъ отъѣздомъ мною была собрана небольшая коллекція череповъ (11 экземпляровъ) съ кладбища извѣстнаго мнѣ рода, причемъ по характеру погребенія мнѣ удалось вполне точно установить полъ каждаго черепа. Тогда же коллекція этнографическихъ предметовъ была дополнена старинной одеждой и предметами культа.

Кудинскія степи были конечнымъ пунктомъ моей поѣздки. Поблагодаривъ А. М. Алсыкова-Михайлова за гостепріимство и содѣйствіе, я отбылъ въ Иркутскъ, а отсюда, послѣ осмотра археологическихъ собраній Ангарскаго бассейна, хранящихся въ Музеѣ Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О., и сравненія ихъ съ найденными мною коллекціями, выѣхалъ въ Петроградъ.

Денежный отчетъ.

Расходы по снаряженію	243 р. 75 к.
Дорога Петроградъ-Иркутскъ (съ В. А. Михайловымъ)	95 » 95 »
Пребываніе въ Иркутскѣ	43 » 75 »
Дорога Иркутскъ-Кутулъ	62 » 05 »
Расходы на раскопкахъ	158 » 82 »
Плата рабочимъ и ихъ доставка и отправка	247 » 94 »
Пребываніе въ Ольхонскомъ вѣдомствѣ	140 » 16 »
Поѣздка и пребываніе на Ленѣ и въ Кудинскихъ степяхъ	76 » 30 »
Возвращеніе въ Петроградъ	55 » 85 »
Особый счетъ старшаго рабочаго Н. Жиделева	20 » —
	1144 р. 57 к.
Получено мною отъ Русскаго Комитета	900 » —
Перерасходъ	244 р. 57 к.

Перерасходъ въ 244 р. 57 коп. получился вслѣдствіе того, что

1) весной 1913 года не состоялись экскурсіи Общества изученія Сибири и улучшенія ея быта, и я не могъ воспользоваться льготнымъ проѣздомъ;

2) въ смѣту не вошли расходы по перевозкѣ и доставкѣ рабочихъ на мѣсто раскопокъ и обратно;

3) не былъ внесенъ расходъ по изготовленію 70-ти ящиковъ для укладки коллекцій;

4) пришлось увеличить количество рабочихъ;

5) не было принято въ соображеніе неудобство транспортированія коллекцій по водѣ; коллекціи были отправлены сухимъ путемъ, что значительно удорожило ихъ провозъ;

6) вслѣдствіе полнаго неурожа рыбы пришлось кормить артель мясомъ, которое въ этой мѣстности крайне дорого.

В. Петри.

Общій видъ на стоянку „Уланъ-Хада“ и заливъ Мухоръ; слѣва отъ дерева на берегу—пространство выдува, справа—ненарушенные пласты и мѣсто раскопокъ.

Общій видъ на раскопки. Выборка кубовъ по слоямъ, виднѣющимся на переднемъ планѣ.

Отчетъ по поѣздкѣ къ турецкимъ племенамъ долины р. Абакана лѣтомъ 1913 года
С. Д. Майнагашева.

Въ теченіе лѣта 1913 года предполагалось объѣхать районъ, заселенный сагаями, белтирами, койбалами, качинцами и др., т. е. начиная съ рѣки Матура на югѣ, долину р. Абакана и лѣвую сторону Енисея, на сѣверъ, насколько позволитъ время. Задача командировки состояла въ изслѣдованіи означенныхъ племенъ въ лингвистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ.

На мѣсто я пріѣхалъ 28 мая, но собственно записи и разѣзды началъ лишь съ 12 іюля. Центральнымъ пунктомъ, откуда я предпринималъ свои поѣздки, было избрано мѣсто моего постоянного жительства Ирэсовъ улусъ, по р. Аскысу, лѣвому притоку р. Абакана. Маршрутъ моей поѣздки представляется не въ видѣ одной непрерывной линіи въ извѣстномъ направленіи, а нѣсколькихъ расходящихся отъ одного центрального пункта линій. Но лингвистическія записи могъ вѣлись съ такимъ расчетомъ, чтобы въ результатѣ получить представленіе о томъ, какъ постепенно измѣняются нарѣчія по направленію съ юга на сѣверъ.

Кончилъ я работу на мѣстѣ и выѣхалъ въ Петроградъ 10 сентября. Такимъ образомъ, работа продолжалась около 3-хъ мѣсяцевъ. За это время мнѣ удалось объѣхать лишь часть предположеннаго района, именно, долину Абакана, начиная съ Матура на югѣ и кончая на сѣверѣ р. Аскысомъ и его притокомъ Вазою по лѣвую сторону Абакана; по правую сторону послѣдняго изслѣдованный районъ идетъ дальше на сѣверъ, охватывая Койбалъское племя до границы ихъ сосѣдства съ Качинцами, т. е. приблизительно противъ устья р. Камышты.

Въ предѣлахъ изслѣдованнаго района можно наметить слѣдующія группы нарѣчій: 1) Южно-Абаканское, которое по главному племени

говорящему на этомъ нарѣчїи, нужно назвать Шорскимъ; 2) Средне-Абаканское, въ которомъ можно различить 3 поднарѣчїя по главнымъ племенамъ а) сагайское, б) белтирское, в) койбалское, но эти поднарѣчїя настолько сближаются между собою, что по моему не слѣдуетъ считать каждое изъ нихъ самостоятельнымъ нарѣчіемъ, а нужно отнести ихъ къ одной группѣ. Шорское нарѣчіе распространено въ самой южной части — на Матурѣ, Анцулѣ и вообще въ верхней долине р. Таштыпа (выше впаденія р. Сеи). На Большой и Малой Сеѣ чувствуется уже отступленіе къ низовымъ нарѣчіямъ. На верхней Теѣ, въ улусѣ Маңныгасовомъ едва слышенъ отзвукъ Шорскаго нарѣчїя, напр., говорятъ хамнарба (шаманить), а не хамніргэ, какъ въ Сагайскомъ поднарѣчїи. Но здѣшній говоръ несомнѣнно нужно отнести уже къ Сагайскому поднарѣчїю. Шорское нарѣчіе въ отличіе отъ другихъ имѣетъ нѣкоторыя весьма отчетливыя особенности. Звукамъ *с*, *з* другихъ нарѣчїй въ большинствѣ случаевъ соотвѣтствуютъ *ш*, *ж*, напр., *нас* (голова; саг.) на Шорскомъ нарѣчїи произносится *наш*, *кїзі* (человѣкъ; саг.) — *кїжі* (шор.). Звукъ *і* въ корнѣ часто чередуется съ *э*, напр., *кїдэн* (холстъ; саг.) произносится *кэдэн* (шор.). Звукъ *і* въ приставкѣ *ір* иногда соотвѣтствуетъ звуку *а*, напр., *чалїрэ* (напимать; саг.) — *чаларба* (шор.). Глаголь *чадарба* (лежать), играя роль вспомогательнаго при другихъ глаголахъ въ формѣ *чадыр*, въ Шорскомъ нарѣчїи сокращается на *чар*, тогда какъ въ Сагайскомъ на *чэ*, напр., *сабынчар* (думасть; шор.), *сабыннчэ* (саг.). На Матурѣ же я встрѣтилъ рѣдкій случай соотвѣтствія звука *ч* низовыхъ нарѣчїй *т* въ словѣ *чїзэртэ* (нанизывать; саг.): на Матурѣ произносятъ *тїзэртэ*. Во многихъ словахъ звуку *м* низовыхъ нарѣчїй соотвѣтствуетъ *б*, напр., слова *нїмэ* (что), *нымырт* (черемуха), *сїміс* (жирный; саг.) на Матурѣ произносятся *нэбэ*, *ныбырт*, *сїбіс*, также и русское слово *номеръ* передѣлываютъ въ *нобыр*. Хотя я встрѣтилъ и обратный случай — сагайское *чабыс* (низкій) тамъ произносится *чамыс*. Есть въ Шорскомъ нарѣчїи особенности и въ словообразованїяхъ. Творительный падежъ въ Шорскомъ нарѣчїи образуется черезъ прибавленіе къ корню частицы *была* или *білэ*, и *пыла* или *пїлэ*, въ зависимости отъ характера основныхъ гласныхъ и конечнаго звука основы — такъ, говорятъ *малбыла* (скотомъ), *нїкпїлэ* (коровой), тогда какъ въ сагайскомъ поднарѣчїи та же форма образуется черезъ прибавленіе частицъ *нам* или

нэң — *малнаң*, *нікнэң*. Повелительное наклоненіе въ Шорскомъ нарѣчіи образуется посредствомъ частицы *ыла*, *илэ*, напр., *парыла*, *килілэ* (идите, придите), въ сагайскомъ поднарѣчіи употребляются частицы *нар*, *нэр* — *парнар*, *ки́нэр*. Кромѣ этихъ особенностей въ Шорскомъ нарѣчіи употребляется много словъ, которыхъ въ другихъ нарѣчіяхъ вовсе нѣтъ.

Сагайское поднарѣчіе распространено по лѣвую сторону р. Абакана по его притокамъ Теѣ, Еси и Аскысу. Мнѣ не удалось быть далѣе на сѣверѣ, поэтому не могу сказать, до какихъ предѣловъ идетъ оно далѣе, но во всякомъ случаѣ нарѣчіе это не ограничивается р. Аскысомъ. Специально объ особенностяхъ этого нарѣчія я говорить не буду, потому что относительно другихъ нарѣчій мнѣ приходится говорить сравнительно съ Сагайскимъ, такъ что въ результатѣ разсмотрѣнія другихъ нарѣчій выяснятся особенности и Сагайскаго поднарѣчія. Населеніе улусовъ, расположенныхъ по лѣвому берегу Абакана между с. Усть-Есю и Аскысомъ, по сѣк'у относитъ себя къ Белтирамъ, по говоръ его болѣе приближается къ Сагайскому поднарѣчію, почти ничѣмъ отъ него не отличаясь.

Мнѣ не пришлось проѣхать по всѣмъ улусамъ нижней долины Таштыпа, былъ только въ улусахъ Бытрахскомъ, Джилаванскомъ, откуда черезъ хребетъ перевалилъ на Абаканъ и Арбаты. Въ указанныхъ улусахъ Сагайское, Белтирское и отчасти Шорское нарѣчія смѣшиваются. Таковъ же долженъ быть характеръ говора сосѣднихъ улусовъ долины Таштыпа. Но посѣщенные мною улусы я отвесъ бы къ району Белтирскаго поднарѣчія. Начиная съ этихъ улусовъ, оно распространяется по правую сторону Абакана, отъ Больше-Арбатскаго улуса на югѣ и кончая р. Табатомъ на сѣверѣ. Одна изъ особенностей этого поднарѣчія та, что звукъ *н* послѣ звуковъ *р*, *л*, и переходитъ въ *д*, напр., *чарны* (лопатка-кость), *ки́ни* (невѣстка), *чонны* (народъ; вин. пад.) — по-саг. произносятся *чарды*, *ки́дѣ*, *чонды* (белт.). Интересно измѣняется въ трехъ нарѣчіяхъ одно и то-же слово: *орјан* (саг.), *орных* (шор.), *ондых* (белт.) — значить кровать.

Койбалъское поднарѣчіе распространено въ улусахъ по правую сторону р. Абакана, ниже с. Аскыскаго, до мѣстности приблизительно противъ устья р. Камышты, впадающей въ Абаканъ съ лѣвой стороны. Обитатели этихъ улусовъ и по сѣк'у относятъ себя къ Кой-

баламъ. Они живутъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ Качинцами, и въ разговорѣ ихъ повидимому много заимствованій отъ качинскаго нарѣчія. Такъ, звукамъ *с, з* часто соответствуетъ *ч*, что характеризуетъ также и Качинское нарѣчіе. Собственно къ особенностямъ койбальскаго поднарѣчія нужно отнести то, что въ немъ звонкіе согласные другихъ нарѣчій имѣютъ тенденцію переходить въ глухія. Напр., саг. слова — *одаг* (балаган), *mölö* (гаданіе), *ibdə* (дома) — по Койбальски произносятся — *оттах*, *mölkə*, *intə*. У Койбаловъ мнѣ пришлось слышать рассказы, что среди нихъ было какое-то племя «*Kistim*», говорившее на иномъ языкѣ; теперь языкъ этотъ не сохранился. Старикъ одинъ припомнилъ лишь два слова, раньше имъ слышанныя: вмѣсто *палаларым* (мой дѣти) говорили *уларларым*, вмѣсто *арагы* (вино), говорили *хатбиби*. Въ другомъ мѣстѣ рассказывали, что племя «*Kistim*» — это нынѣшніе Чалкины (фамилія), а Чалкины и теперь *kölö* (корыто) называютъ *тосхѳр*; можетъ быть, это тоже остатокъ исчезнувшаго языка. Чалкины и сѣк «*Чоңмај*» считаются другъ другу родственными, выговоръ ихъ и теперь считается сходнымъ между собою и тяжелымъ для другихъ Койбаловъ. А о «*Чоңмај*» рассказываютъ, что это было прошлое племя, они будто бы боялись коровъ, думая, что у нихъ штыки на головѣ... Все это наводитъ на мысль, что здѣсь жило какое-то другое племя, которое говорило на совершенно особомъ языкѣ, но оно было поглощено Койбалами. Думаю, что при слѣдующихъ поѣздкахъ къ тѣмъ племенамъ можетъ быть удастся собрать болѣе подробный матеріалъ въ этомъ направленіи.

Таковы предварительные результаты моихъ лингвистическихъ изслѣдованій. По отдѣльнымъ нарѣчіямъ мною записаны наиболѣе характерныя слова и фразы. Образцы сагайскаго и шорскаго нарѣчій записаны на фонографъ.

Въ этнографическомъ отношеніи главной задачей было выяснить, каковы религіозныя понятія народа и въ какихъ внѣшнихъ обрядахъ эти понятія проявляются.

Официально всѣ инородцы обслѣдованнаго района считаются православными. Еще въ 1878 году на р. Аскысѣ одновременно было крещено около 3000 душъ, съ тѣхъ поръ православіе продолжаетъ насаждаться тамъ усиліями мѣстныхъ миссіонеровъ-священниковъ.

Въ настоящее время всѣ инородцы крещены, но по существу исповѣдуемой религіи ихъ нужно отнести къ шаманистамъ. Они всегда принимаютъ христіанскаго священника, совершаютъ тѣ христіанскіе обряды, къ какимъ онъ ихъ призываетъ, но все это для нихъ лишь проходящее извѣіе, въ повседневной же жизни все существованіе инородца проникнуто духомъ старой религіи. Рождается ребенокъ, онъ отдается подъ покровительство духа, котораго нужно регулярно кормить и улаживать. Взрослый человѣкъ всѣ житейскія дѣла ведетъ по милости духовъ: духъ Тѣбінгэ, умилованный жертвою, даетъ ему добычу на охотѣ, духъ сосѣдней горы устами шамана провозглашаетъ, что у него родится нынче такое-то животное, съ такими-то примѣтами. Умереть человѣкъ, нужно снабдить его всѣмъ необходимымъ для путешествія въ міръ душъ, а шаманъ позаботится о томъ, чтобы прогнать душу, которая заживется среди живыхъ. Такъ, наблюдателю представляется чрезвычайно сложная картина, гдѣ наряду съ населеніемъ людей выступаетъ многочисленное населеніе духовъ и эти оба разряда населенія находятся въ постоянномъ близкомъ общеніи между собою. Нѣсколько иное положеніе занимаетъ шаманство въ южной части изслѣдованнаго района, по верхней долигѣ Таштыпа, особенно на Матурѣ. Мнѣ рассказывали, что священникъ с. Матурскаго, о. І. Штыгашевъ, очень ретиво искоренялъ тамъ шаманство. Насильственно отбиралъ бубны, одежды шамановъ, изображенія духовъ и сжигалъ ихъ, шамановъ привязывалъ къ столбу и подвергалъ даже поркѣ. Инородцы эти не оставили свою религію, но стали бояться открыто ее исповѣдывать. Теперь у нихъ чувствуется какая-то надломленность. Мнѣ слѣпой старикъ рассказывалъ, что къ нему привязался духъ «Чік Кѣрмэс», насылающій болѣзнь на глаза; прежде его избавляли отъ него шаманы; когда священникъ сталъ запрещать это, духъ окончательно осилилъ его; теперь онъ слѣпой. Такъ, священникъ въ народномъ сознаніи представляется виновникомъ бѣдствій. Теперь въ томъ районѣ очень мало шамановъ въ собственномъ смыслѣ этого слова; они замѣнились особыми лицами, которыя носятъ названіе «чулуг тутча» или «тукүрүкчи». Это тѣ-же шаманы, только уже вырождающіеся: они не имѣютъ шаманскихъ атрибутовъ, не продѣлываютъ всей церемоніи при жертвоприношеніяхъ, но знаютъ формулы обращеній къ извѣстнымъ духамъ. Къ этимъ лицамъ

теперь обращается населеніе въ случаѣ болѣзни. Правда, и въ другихъ мѣстахъ есть подобныя лица, но тамъ они не играютъ видной роли, шаманъ продолжаетъ сосредоточивать на себѣ религіозное сознаніе народа.

Собранный матеріалъ изъ области вѣрованій состоитъ прежде всего изъ ряда разсказовъ (27) на различныя религіознаго характера темы. Дѣло въ томъ, что ни на какіе вопросы общаго отвлеченнаго характера нельзя получить прямыхъ отвѣтовъ, но изъ отдѣльныхъ разсказовъ, освѣщающихъ тѣ или другіе частные вопросы, идя шагъ за шагомъ, можно накопить матеріалъ, пригодный для какихъ-нибудь общихъ выводовъ. И не всегда можно разсчитывать на цѣльные, законченные разсказы, приходится иногда просто среди разговора улавливать отдѣльныя характерныя мысли и записывать.

Далѣе собраны специально разсказы о духахъ (30). Иногда общаются и формулы обращенія къ нимъ. Последнее удавалось уже съ большимъ трудомъ. Въ шаманствѣ придается значеніе самымъ словамъ. Произносящій эти слова всегда рискуетъ тѣмъ, что духъ его услышитъ и разсердится, почему его напрасно призываютъ. Нѣкоторыя обращенія записаны въ разныхъ вариантахъ.

Конечно, наиболѣе полное понятіе о состояніи религіозной мысли народа можно получить изъ камланій, когда шаманы обращаются непосредственно къ духамъ, приносятъ имъ жертвы и ведутъ переговоры съ ними. Но понимать камланіе не такъ легко, а записать безъ помощи фонографа и невозможно. Трудность заключается въ томъ, что шаманъ часто употребляетъ древнія фразы, уже вышедшія изъ разговорнаго языка, онъ не говоритъ, а поетъ, и въ обращеніяхъ къ духамъ совершенно не заинтересованъ въ томъ, слышатъ ли его люди, поэтому произносятъ слова весьма не внятно. Къ этому нужно добавить, что большинство его дѣйствій носятъ символическій характеръ, имъ нельзя придавать буквальнаго значенія. Нужно много разъ наблюдать камланіе, чтобы быть въ состояніи уловить все отъ начала до конца. Мнѣ пришлось быть на нѣсколькихъ камланіяхъ — по разнымъ поводамъ по р. р. Аскысу, Еси, Теѣ. Первое время мнѣ удавалось записать лишь обстановку камланія, приготовленія къ жертвѣ, отчасти выяснитъ изъ объясненій шамана значеніе костюма, бубна и т. д. Всѣ эти записи (28) могутъ дать понятіе лишь о внѣшней

обрядовой сторонѣ камланія. Въ срединѣ августа я получилъ фонографъ. Но фонографъ плохо воспринимаетъ на разстояніи, а дѣйствительное камланіе можно записывать только на разстояніи. Однако одинъ отдѣлъ камланія, гдѣ шаманъ находится въ сравнительно спокойномъ состояніи, именно, отдѣлъ призыванія духовъ, мнѣ удалось записать и разобрать съ помощью того-же шамана. Кромѣ того, мнѣ удалось убѣдить его спѣть специально для фонографа, въ самый рупоръ и безъ бубна. Такимъ образомъ, мною записано и разобрано два шаманскихъ путешествія къ духу «Хыдај хай» и къ духу «Хара Мол». Фонограммы наиболѣе характерныхъ эпизодовъ путешествій сохранены. Вообще нужно сказать, что эти записи велись при очень невыгодныхъ условіяхъ, но опытъ этотъ убѣдилъ меня, что запись и дѣйствительнаго камланія не совсѣмъ ужъ невозможная вещь. Кромѣ записей и фонограммъ мною сдѣлано значительное количество фотографическихъ снимковъ различныхъ объектовъ относящихся къ камланію и приобрѣтены шаманскіе бубны, костюмъ и небольшая коллекція символическихъ изображеній различныхъ духовъ,

Кромѣ жертвъ, приносимыхъ духамъ шаманами, мнѣ пришлось наблюдать жертвы, приносимыя населеніемъ безъ шамана. Такія жертвы приносятся въ горахъ или въ улусѣ. Горныя жертвы имѣютъ характеръ родовыхъ праздниковъ; приносятся въ определенное время года, большею частію въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ отъ имени сѣк'а духу-хозяину какой-нибудь горы, — тогда праздникъ носить названіе «Таг тајі», или приносятся Небу, — тогда праздникъ называется «Тігір тајі». Но въ томъ и другомъ случаѣ къ жертвенной трапезѣ призываются всѣ духи-хозяева окружающихъ горъ, рѣкъ, долинъ и т. д. Я былъ на праздникъ «Таг тајі» сѣк'а Сбіціи на Аскысѣ и на «Тігір тајі» белтировъ на Теѣ. Праздники запечатлѣны мною на снимкахъ и кромѣ того даны будутъ описанія ихъ. Тексты обращеній записаны частію на «Тігір тајі». Затруднительно было записать всѣ обращенія къ духамъ потому, что въ то-же время приходилось работать фотографическимъ аппаратомъ, слѣдовательно, не было возможности прислушаться къ произносимымъ словамъ. Въ такихъ случаяхъ совмѣстная работа двухъ лицъ была бы очень полезна. Разспросы послѣдующіе не даютъ уже тѣхъ результатовъ: народъ вообще живетъ больше настроеніемъ, и то, что складно и красиво выходитъ на праздникѣ, участники не могутъ такъ же

воспроизвести въ обычной обстановкѣ. Впрочемъ, отрывокъ изъ обращеній на «Tigir taji», произнесенный однимъ старикомъ для образца записанъ мною на фонографѣ.

Домашнія жертвы приносятся отъ имени отдѣльной семьи духу-покровителю этой семьи тоже въ опредѣленное время года, иногда 2 раза — весною и осенью; охотничьему духу приносится жертва передъ отправленіемъ на охоту; духу-покровителю дѣтей—если есть ребенокъ. Обрядъ жертвы духу «Тѣбингэ» предо мною воспроизвели по моей просьбѣ, а у Койбаловъ я былъ на дѣйствительномъ жертвоприношеніи духу «Ах тѣс». Эти обряды запечатлѣны на снимкахъ, а записи сдѣланы относительно шести различныхъ духовъ, которымъ приносятся домашнія жертвы.

Далѣе мною записаны тексты и обряды, связанные съ изгнаніемъ духовъ. Въ этихъ случаяхъ главное значеніе придается словамъ обращенія къ духу и тѣмъ приемамъ, какіе при этомъ употребляются. Въ представленіи народа они имѣютъ неотразимое дѣйствіе на духа. Изгоняется духъ, навлекшій болѣзнь на человека. Въ одномъ случаѣ обращеніе направлено къ духу надвигающейся дождевой тучи съ цѣлью заставить его направить свой путь въ сторону. Нѣкоторые приемы, употребляемые въ такихъ случаяхъ, мною сфотографированы.

Наряду съ шаманами существуютъ среди народа особые гадалы. Это люди избранные для такого служенія какимъ-нибудь духомъ; обычно во снѣ духъ рассказываетъ имъ свою волю. Гаданіе производится о потерѣ скота, о причинѣ болѣзни и т. д. Мною записаны четыре способа гаданія. Приемы двухъ гаданій сфотографированы.

Большой интересъ въ этнографическомъ отношеніи представляютъ понятія народа о загробномъ существованіи душъ, объ ихъ переселеніи въ другой міръ. Мною записано нѣсколько характерныхъ рассказовъ, выясняющихъ эти представленія. Въ полномъ соотвѣтствіи съ ними находятся наблюденные мною обряды при погребеніи и поминкахъ. Эти обряды описаны и подробно сфотографированы.

Наряду съ выясненіемъ религіознаго сознанія велись записи по вопросамъ племенного происхожденія народа. Само населеніе дѣлитъ себя по сѣкамъ. Такое дѣленіе прочно держалось до послѣдняго времени, такъ какъ къ нимъ было приурочено и административное дѣленіе населенія на общества. Лишь въ послѣднее время, когда родовыя

общества упразднены и административное дѣленіе проведено по территориямъ, сѣкъ'и начинаютъ забываться. Обычно начало сѣкъ'а возводится къ очень давнимъ временамъ, такъ что рѣдко удается установить, откуда сѣкъ получилъ то или иное названіе. Въ буквальномъ переводѣ слово сѣкъ значитъ кость. Понятіе это въ большинствѣ случаевъ совпадаетъ съ понятіемъ рода. Но есть случаи, когда сѣкъ'и отстоятъ другъ отъ друга далѣе, чѣмъ роды одного и того-же племени. Нужно думать, что въ результатѣ долговременнаго сожителства племени и роды живущаго здѣсь народа перемѣшались въ одномъ понятіи сѣкъ'а(?). Въ моихъ записяхъ накопилось до сорока разныхъ названій сѣкъ'овъ, и по возможности о каждомъ сѣкъ'ѣ записаны какія-нибудь сказанія, сохранившіяся еще въ памяти народа. Въ этихъ сказаніяхъ наблюдается полное смѣшеніе историческаго и легендарнаго, однако тотъ и другой элементъ имѣютъ свою цѣнность. Часто сѣкъ'и ведутъ свое происхожденіе отъ опредѣленной горы. Обычно рассказываютъ при этомъ, что предки жили въ пещерѣ этой горы или у основанія ея, но въ тѣхъ же рассказахъ находятся данныя, на основаніи которыхъ можно думать, что сѣкъ непосредственно велъ свое происхожденіе отъ духа этой горы, его считалъ своимъ прародителемъ. Такіе элементы, конечно, чрезвычайно важны для характеристики первобытныхъ представлений народа о своемъ происхожденіи. Нельзя сказать, чтобы эти сказанія представляли богатый матеріалъ въ историческомъ отношеніи. Но на основаніи ихъ все же можно наметить общую картину разселенія сѣкъ'овъ.

Всѣ сѣкъ'и распределяются по тремъ группамъ: 1) Наибольшее количество сѣкъ'овъ (17), живущихъ главнымъ образомъ по лѣвымъ притокамъ Абакана, отъ Матура до Аскыса, выводитъ себя изъ Кузнецкаго уѣзда, Томской губерніи. Когда нужно назвать ихъ общимъ именемъ, называютъ ихъ Сагаями, но собственно сѣкъ «Сагај» не живетъ въ томъ районѣ, а живетъ по сосѣдству сѣвернѣе. И сагаи не выводятъ себя изъ Кузнецкаго уѣзда, а считаются мѣстнымъ сѣкъ'омъ. Но къ нимъ повидимому присоединились и пришлые сѣкъ'и. Въ томъ районѣ, гдѣ былъ я, отмѣчено мною 3 сѣкъ'а, относящихся къ Сагаямъ. 2) По долину Абакана и по правую сторону его внизъ до с. Аскыскаго живутъ главнымъ образомъ Белтиры. Это групповое названіе. Среди нихъ насчитывается до семи разныхъ сѣкъ'овъ. Только

часть ихъ считаютъ себя коренными белтирами и мѣстнымъ сѣк'омъ, другіе выводятъ себя частію изъ Кузнецкаго же уѣзда, частію изъ Урянхайскаго края. 3) По правую сторону Абакана, ниже с. Аскыскаго живутъ Койбалы. Это тоже групповое названіе. Среди нихъ насчитывается до 11 разныхъ сѣк'овъ, часть которыхъ тоже считаютъ себя пришлыми уже съ сѣверной стороны. Такимъ образомъ, общая картина разселенія такова: въ долину Абакана жили Сагаи, Белтиры, Койбалы, къ коимъ приселялись новыя племена съ разныхъ сторонъ.

Въ связи съ разселеніемъ сѣк'овъ иногда разсказываютъ о бывшихъ прежде военныхъ столкновеніяхъ между племенами. Нѣсколько такихъ разсказовъ, характеризующихъ движеніе отрядовъ черезъ хребетъ «Улэннѣ сынъ», записано мною на Аскысѣ.

Далѣе собрано нѣсколько записей, характеризующихъ семейный бытъ изслѣдованныхъ племенъ, между прочимъ записана терминологія родственныхъ названій на р. Аскысѣ.

Остальныя записи отрывочнаго характера, и нѣтъ нужды объ нихъ особо упоминать.

Изъ поэтическихъ произведеній народа записано до 20 пѣсенъ, скороговорокъ, шутокъ и т. д.

Отчетъ по поѣздкѣ къ турецкимъ племенамъ Минусинскаго и Ачинскаго уѣздовъ
Енисейской губ. лѣтомъ 1914 года С. Д. Май нагашева.

Имѣя порученіе отъ Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи продолжать начатыя мной изслѣдованія Минусинскихъ инородцевъ, въ нынѣшнее лѣто я посѣтилъ районъ, являющійся непосредственнымъ продолженіемъ на сѣверъ района обслѣдованнаго въ прошломъ году. Предполагалось включить въ рамки изслѣдованія нижнюю долину рѣки Абакана, начиная отъ впаденія въ нее съ лѣвой стороны р. Камышты и до устья, лѣвые притоки Абакана, Камышту и Уйбать, и населенную инородцами часть лѣвобережной стороны Енисея. Вся эта площадь заселена главнымъ образомъ качинцами и отчасти лишь въ юго-западномъ углу сагайцами. Кромѣ того, по возможности предполагалось побывать у белтировъ, въ предѣлахъ прошлагодняго района и у кызыльцевъ, живущихъ къ сѣверо-западу отъ качинцевъ, за р. Бѣлымъ Юсомъ, въ предѣлахъ Ачинскаго уѣзда. Намѣченъ былъ такой большой районъ изслѣдованія съ тѣмъ, чтобы на него употребить не менѣе 4-хъ мѣсяцевъ, однако расчетъ этотъ не оправдался. Произошла задержка въ высылкѣ необходимыхъ вещей изъ Петрограда. Приступить къ изслѣдованіямъ пришлось почти на мѣсяцъ позднѣе. Время работы сократилось до 3-хъ мѣсяцевъ, съ половины іюля до 10-го сентября. За недостаткомъ времени не удалось побывать у белтировъ и у крайнихъ сѣверныхъ качинцевъ. За то на нѣсколько дней заѣхалъ къ кызыльцамъ, собралъ кое-какія коллекціи и сдѣлалъ значительное количество лингвистическихъ записей, которые могутъ дать представленіе о кызыльскомъ нарѣчій.

При изслѣдованіи обнаружилось, что качинское племя въ наиболѣе чистомъ видѣ сохраняетъ свой бытъ въ нижней долинѣ Абакана. Качинцы Камышты и Уйбата болѣе подверглись вліянію со стороны

сагайцевъ, а качинцы лѣвобережной стороны Енисея, или, какъ вѣрнѣе было бы ихъ называть, юсинскіе качинцы подверглись вліянію со стороны кызыльцевъ. Это обстоятельство отчасти, а также и ограниченность времени обусловили то, что и въ предѣлахъ изслѣдованнаго района было больше удѣлено вниманія и времени долигѣ Абакана; соотвѣтственно менѣе освѣщенными остались другія мѣстности.

Изъ Ирсова улуса, моего постоянного мѣстопробыванія, я совершилъ двѣ поѣздки внизъ по Абакану, по лѣвой и правой сторонѣ. Последняя, третья крупная поѣздка была совершена черезъ Камышту и Уйбатъ къ юсинскимъ качинцамъ и кызыльцамъ.

Кромѣ того были предприняты мелкія поѣздки въ близлежащіе улусы, между прочимъ на р. Есь къ шаману Пыскѣ, запись камланій котораго производилась мною и въ прошломъ году.

Задача командировки состояла въ изслѣдованіи инородцевъ въ лингвистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Въ лингвистическомъ отношеніи всѣ инородцы обслѣдованнаго района соотвѣтственно ихъ племенному разселенію распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

1) по рр. Сыры, по притоку р. Уйбата, Нинѣ, и на верхнемъ Уйбатѣ распространено сагайское нарѣчіе: это нарѣчіе было мною отмѣчено и въ отчетѣ прошлаго лѣта для населенія лѣвыхъ притоковъ средняго Абакана и отнесено къ средне-абаканской группѣ нарѣчій;

2) по Камыштѣ, нижнему Уйбату, нижней долигѣ р. Абакана и лѣвобережной сторонѣ Енисея вплоть до р. Б. Юса распространено качинское нарѣчіе; слѣдуя терминологіи, принятой въ отчетѣ за прошлое лѣто, слѣдовало бы это нарѣчіе назвать Нижне-Абаканскимъ, однако это не вполне соотвѣтствовало бы дѣйствительности, ибо районъ его распространенія далеко выходитъ за предѣлы нижней долины Абакана, съ другой стороны названіе «качинское» вполне точно, ибо всѣ говорящіе на этомъ нарѣчій, относятъ себя къ качинамъ. Наконецъ,

3) по лѣвую сторону р. Бѣлый Юсь распространено кызыльское нарѣчіе. Точнѣе опредѣлить районъ распространенія этого нарѣчія я не могу, такъ какъ цѣликомъ онъ не былъ мною охваченъ.

Самый способъ лингвистическихъ записей состоялъ въ томъ, что, исходя изъ родного мнѣ сагайскаго нарѣчія, я прежде всего отмѣчалъ тѣ встрѣчающіяся слова и фразы другихъ нарѣчій, которыя имѣютъ

какія-либо свои особенности. Такихъ словъ и фразъ накопилось значительное количество. Кромѣ того на каждомъ нарѣчіи записывались цѣлые рассказы, что дѣлалось по возможности съ помощью фонографа. Такимъ образомъ на бумагу перенесено 7 рассказовъ, которые въ то же время имѣютъ и этнографическій интересъ. Часть такихъ записей осталась пока въ фонограммахъ, не зафиксированными на бумагѣ.

При предварительномъ сравнительномъ обзорѣ лингвистическаго матеріала выясняются слѣдующія особенности качинскаго и кызыльскаго нарѣчій по отношенію къ нарѣчію сагайскому.

У качинцевъ въ долинѣ Абакапа отчетливо слышится звукъ «к» (изъ группы заднебныхъ, глухой, взрывной), напримѣръ «кураган (ягпенокъ), пѣрдык (ушелъ), комыс (названіе музык. INSTR.), караказы (сосна)» и др. Ни у сагайцевъ, ни у кызыльцевъ, также и у сѣверныхъ качинцевъ этого звука я не встрѣчалъ. Въ этихъ нарѣчіяхъ ему соотвѣтствуетъ звукъ «х» — глухой, проточный.

У сагайцевъ нѣтъ звука «ѳ», встрѣчается только «у» кратное, нормальное и долгое. Краткое «ѳ» у качинцевъ звучитъ точно также, напримѣръ, слова «кѳі» (зола), «кѳс» (сила) одинаково произносятся тѣми и другими; «у» нормальному у качинцевъ соотвѣтствуетъ «ѳ», напримѣръ, сагайскія слова «кѳі» (озеро), «тѳс» (подъемъ) по качински произносятся «кѳі, тѳс»; наконецъ, «ѳ» долгое у качинцевъ произносятся также, или ему соотвѣтствуетъ «ѳ» долгое, напримѣръ, слова «тѳр» (бубень), «пѳн» (сегодня) произносятся одинаково тѣми и другими, по сагайскія слова «кѳнѳ» (прямо), «кѳміскѳ» (бровь) по качински произносятся «кѳнѳ, кѳміскѳ».

Сагайскому «і» въ первомъ слогѣ словъ у Абаканскихъ качинцевъ часто соотвѣтствуетъ «я»; напримѣръ, слова «тір (шкура), тібѳргѳ (бить ногой)» произносятся «тѳр, тѳбѳргѳ», но слова «кіі» (приди), «чір» (земля), «чіі» (вѣтеръ) произносятся такъ же, какъ у сагайцевъ. По мѣрѣ движенія на сѣверъ, звукъ «я» въ этихъ случаяхъ повидимому появляется все чаще и чаще, наконецъ, у кызыльцевъ и приведенныя слова произносятся «кѳі, чѳр, чѳі».

Звукъ с у качинцевъ въ томъ случаѣ, когда попадаетъ между двумя гласными, часто переходитъ въ ч, напримѣръ, «кѳс» (сила), «кѳчѳ» (его сила), аҕас (дерево), аҕачы (его дерево), но въ нѣкото-

рыхъ случаяхъ переходить въ з, напримѣръ пас (голова), пѣзы (его голова), сѣгѣс (разумъ), сѣгѣзы (его разумъ) и другія. У сагайцевъ всегда въ этихъ случаяхъ с переходитъ въ з.

Звуки с, ч, ш въ нарѣчіяхъ сагайцевъ, качинцевъ и кызыльцевъ являются наиболѣе непостоянными. Вообще не замѣчается, чтобы сагайскому ч у качинцевъ соотвѣтствовалъ с, но «апсахъ» (старикъ, саг.) по качински произносится «апсахъ». Это же слово у юсинскихъ качинцевъ произносится «апшыхъ». Звука ш у абаканскихъ качинцевъ, вообще говоря, нѣтъ, лишь изрѣдка онъ слышится въ произношеніи отдѣльныхъ лицъ, но у юсинскихъ качинцевъ онъ очень распространенъ. Сагайскимъ с, з часто соотвѣтствуетъ ш, ж. Однако на лѣвой сторонѣ Б. Юса у кызыльцевъ эти звуки снова исчезаютъ, имъ соотвѣтствуетъ ч, при чемъ звукъ этотъ произносится смягченно, напримѣръ, сагайскія слова: «хѣс (качинецъ), аѣс (дерево), ѣсті (верхъ) кызыльцами произносится «хѣч, аѣч ѣчті». Качинское (юсинскихъ) «шых андахъ» (точно такъ) у кызыльцевъ «чѣх андагъ». Но наряду съ этимъ встрѣчаются и обратные примѣры: сагайское «чызарѣа» (стирать) у кызыльцевъ «сызарѣа», русское слово «чай» у нихъ «сај».

Затѣмъ сагайскій звукъ «ч» у качинцевъ иногда звучитъ близко къ ј, скорѣе слышится звукъ средній между ч и ј, напр., въ словахъ «чыхсы (хорошій), чабал (плохой)» кызыльцы опредѣленно переходятъ на ј и произносятъ «јыхсы, јабал», но слово «чол» (дорога) произносятъ такъ же, какъ и сагайцы.

Интересно у качинцевъ измѣненіе звуковъ при слѣдующемъ, напр., сочетаніи словъ, «пятьдесятъ озеръ» по качински звучитъ «lil'köl», а при раздѣльномъ произношеніи «lilk (пятьдесятъ) köl (озеро)», у сагайцевъ это же слово «lil'jöl» при раздѣльномъ произношеніи «lilig, kjöl». У качинцевъ выпадаетъ конечный звукъ перваго слова, у сагайцевъ, наоборотъ, выпадаетъ первый звукъ втораго слова.

Сагайскимъ словамъ «мѣгѣ» (мнѣ), «сѣгѣ» (тебѣ), піјѣгі (давешній) у качинцевъ соотвѣтствуютъ слова «мѣгѣ, сѣгѣ, пѣгѣгі».

Сагайскому «сіләр (вы)» у качинцевъ соотвѣтствуетъ «сірәр». У кызыльцевъ также «сіләр».

Въ концѣ словъ сагайскому звуку ģ у качинцевъ соотвѣтствуетъ звукъ х, напр., слова «таġ (гора), ѣзыġ (зубъ)» произносятся «тах, ѣзых»; конечному звуку х соотвѣтствуетъ «к», напр., слова «ѣзых,

(запасъ), хонѣхъ (имущество, состояніе)» по качински произносятся «āzŭk, kōnŭk». Кызыльское нарѣчіе въ этомъ отношеніи не отличается отъ сагайскаго. Затѣмъ, при измѣненіи этихъ словъ такъ, чтобы послѣдній согласный звукъ попалъ между гласными, у сагайцевъ въ словахъ съ конечнымъ звукомъ ģ происходитъ стяженіе гласныхъ, напр., «tā» (его гора), «āzĭ» (его зубъ), но въ словахъ съ конечнымъ звукомъ x стяженія не бываетъ, напр., «āzŭxŭ» (его запасъ), хонѣxŭ (его состояніе). У качинцевъ во всѣхъ случаяхъ происходитъ стяженіе гласныхъ: напр. «āzĭ» (его запасъ) «kōnĭ» (его состояніе).

Въ именительномъ падежѣ множественнаго числа именъ существительныхъ, въ третьемъ лицѣ множественнаго числа настоящего времени и въ желательной формѣ множественнаго числа глаголовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда по сагайски гласная приставки лар бываетъ короткая, у качинцевъ она слышится какъ бы удлинненной, напр., по сагайски «aŋŋār (звѣри), čirĭār (страны)» по качински «aŋŋār, čirĭār», сагайское «pārĭlār (идутъ)» по качински «парĭлār» и сагайское «парāлār» (пойдемте) по качински «парāлār». Знакъ удлинненія я ставлю здѣсь условно, ибо еще мною не выяснено, есть ли это дѣйствительно удлинненіе, или только переносъ ударенія на послѣдній слогъ.

Единственное число желательной формы у сагайцевъ и у качинцевъ, напр., отъ слова «пар» (иди) будетъ «парап» (пойдемъ), но у качинцевъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ говорятъ «паран»; у кызыльцевъ та же форма имѣетъ «парах» (пойдемъ), «хаѣх» (ударимъ), напр., «пу хајаны ālŭn azaŋŋāŋ хаѣх (ударимъ эту скалу передними ногами). Однако множественное число той же формы у сагайцевъ и кызыльцевъ будетъ «парāлār» (пойдемте), какъ и у качинцевъ «парāлār».

Глаголь «чадарѣа» (лежать) въ роли вспомогательнаго глагола въ качинскомъ нарѣчій имѣетъ форму «чāдыр», иногда только чā, чĭ, въ шорскомъ нарѣчій, какъ мною отмѣчалось уже прежде¹⁾, имѣетъ «чар», въ сагайскомъ нарѣчій всегда «чā».

Форма именъ существительныхъ, соотвѣтствующая русскому творительному падежу, у качинцевъ образуется черезъ прибавленіе къ корню частицъ «бынац, бĭнāц, пынац, пĭнāц» напр. «малбынац (со

1) См. Отчетъ о поѣздкѣ 1913 г.

скотомъ), малтыбынаң (топоромъ), сүтпінәң (съ молокомъ)», у шорцевъ соотвѣтствующія частицы «была, білә, пыла, пілә», у сагайцевъ «наң, нәң». Сагайской формѣ 3-го лица прошедшаго времени глаголовъ, напр., «күрді» (посмотрѣлъ), «сатты» (продалъ) у качинцевъ соотвѣтствуютъ «көрдік, сатчык».

Во всѣхъ случаяхъ окончаніямъ родительнаго и винительнаго падежей сагайскаго нарѣчія «дѣң, ды» у качинцевъ соотвѣтствуютъ «нѣң, ны», напр., формамъ «малдѣң, малды» (саг.) соотвѣтствуютъ «малның, малы» (кач.)¹⁾.

Въ качинскомъ нарѣчіи дѣепричастіе имѣетъ окончаніе «абас, әбәс, ібәс», напр., «алабас» (взявши), «чөрәбәс» (отправившись), «сөлібәс» (сказавши), въ сагайскомъ нарѣчіи соотвѣтствующія формы «әләп, чүріп, сүләп». Однако это бываетъ только въ томъ случаѣ, когда дѣепричастіе въ придаточныхъ предложеніяхъ образуется отъ простаго глагола, напр., «ол күрәдәңнә алабас ібізівә әләнған» (взявши того ягненка, онъ вернулся домой), но когда дѣепричастіе служитъ для образованія сложнаго глагола, оно имѣетъ тѣ же формы, что и въ сагайскомъ нарѣчіи, напр., «күскә оҗлап-парі» (мышь бѣжитъ).

Въ кызыльскомъ нарѣчіи помимо вышеуказанныхъ намѣчаются еще слѣдующія особенности.

Повелительная форма множественнаго числа 2-го лица имѣетъ, напр., отъ словъ «бдыр» (садись), «ірт» (проходи)—«одырыс, іртіс» (проходите, садитесь). Въ сагайскомъ нарѣчіи тѣ же формы будутъ «бдырңар, іртңар».

Глаголы въ 3-мъ лицѣ настоящаго времени у кызыльцевъ имѣютъ форму, напр., отъ «пар (иди), кіл (прійди), парәдѣ, кіләдѣ», у сагайцевъ тѣ же формы будутъ «пәрї, кілї», у качинцевъ «парір, кілір». Отсюда и производныя формы причастія у кызыльцевъ «парәдѣған, кіләдѣған» у сагайцевъ «пәрїгән, кілїгән».

У кызыльцевъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ соотвѣтственно съ другими нарѣчіями замѣчается выпаденіе согласныхъ звуковъ, напр., «кі'гән» (пришедшій), вмѣсто сагайскаго «кілгән, ту'ған» (вставшій), вмѣсто сагайскаго «турған, мәп хөмыс хаҗады'ым» (я на хомыс'ѣ

1) См. Отчетъ о поѣздкѣ 1913 года, объ особенностяхъ въ этомъ отношеніи белтурскаго нарѣчія.

игрую), вмѣсто сагайскаго «мін хѡмѣс хаѣадырым, пір са'гы» (одна сторона), вмѣсто сагайскаго «пір сархѣй» и качинскаго «пір сѣрі».

Таковы результаты моихъ наблюденій въ лингвистическомъ отношеніи.

Въ отношеніи выполненія этнографической программы изслѣдованія въ нынѣшнее лѣто, какъ и было предположено, было удѣлено главное вниманіе религіи качинцевъ. Официально качинцы, какъ и сагайцы, считаются православными, всѣ крещены, но по существу, нужно сказать, православіе проникло къ нимъ значительно больше, чѣмъ къ сагайцамъ. Однако живы еще и бывлыя шаманскія воззрѣнія, только они болѣе сбивчивы, чѣмъ у сагайцевъ. Шамановъ у нихъ очень мало и къ тѣмъ, какіе есть, они относятся съ меньшимъ уваженіемъ. Повидимому, дѣло подвигается къ полному ихъ исчезновенію. Рядовой качинецъ мало интересуется существованіемъ духовъ и въ большинствѣ случаевъ ихъ не знаетъ, тогда какъ почти каждый взрослый сагаецъ знаетъ главныхъ духовъ и знаетъ даже какими словами ихъ призывать.

Еще держится шаманство у абаканскихъ качинцевъ, у сѣверныхъ качинцевъ оно еще слабѣе, тамъ повидимому оно принимаетъ тѣ же формы вырожденія, какія мною отмѣчались для крайнихъ южныхъ матурскихъ инородцевъ. Шамановъ въ полномъ смыслѣ, имѣющихъ костюмъ, бубень, могущихъ совершать полную церемонію жертвы, нѣтъ, знаютъ только краткія формулы заклинанія духа и этимъ только оказываютъ слабую помощь болѣющимъ.

Въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ качинцы имѣютъ много общаго съ сагайцами. Есть общіе духи, хотя, правда, у качинцевъ они нѣсколько измѣняютъ свой обликъ. Основы воззрѣній шамановъ одни и тѣ же. Тѣ и другіе почитаютъ духовъ горъ, которымъ приносятъ умиловительныя жертвы. Почитаютъ также общаго духа—покровителя дѣтей; послѣдняго, кстати сказать, какъ мнѣ передавали, занесли къ качинцамъ сагайскіе шаманы.

Но на ряду съ общими элементами въ воззрѣніяхъ этихъ племенъ имѣются и коренныя различія. Воззрѣнія сагайцевъ болѣе стройны. Духи ихъ представляютъ уже организованную іерархію съ духами-ханами во главѣ. У качинцевъ, помимо этой категоріи духовъ, сохранились духи разрозненные между собой, не находящіеся ни въ какихъ

отношеніяхъ соподчиненія. Изображенія ихъ стоятъ на правой, женской сторонѣ юрты и сами они болѣе относятся къ компетенціи, женщинъ, главнымъ образомъ старухъ. Наиболе популярный среди качинцевъ «Бѣлый духъ» есть также существо одинокое и самостоятельное.

Независимо отъ другихъ духовъ послѣдній избираетъ посредника между собой и людьми своего шамана. «Бѣлый духъ» живетъ собственно у сѣк'а «Бүрүт», но оттуда вмѣстѣ съ выходящими замужъ женщинами переходитъ въ другіе сѣк'и. Такъ онъ переселяется иногда и къ сагайцамъ.

Качинцы, какъ и сагайцы, знаютъ духа рѣки, но послѣдніе не устраиваютъ ему общественныхъ жертвоприношеній, у качинцевъ же такія жертвоприношенія обставляются весьма торжественно. Въ наблюденномъ мною случаѣ жертвоприношенія р. Абакану, въ рѣкѣ былъ потопленъ молодой бычекъ, увѣшанный лентами цвѣтныхъ матерій. Такое жертвоприношеніе устраивается разъ въ три года. Особеннаго вниманія заслуживаетъ разрядъ качинскихъ жертвоприношеній, носящихъ названіе «Тігїр тājі», что значитъ «жертвоприношеніе Небу». Подобное жертвоприношеніе мнѣ пришлось въ прошлое лѣто наблюдать на р. Теѣ у белтировъ, но настоящія основы его, повидимому, можно выяснитъ лишь у качинцевъ¹⁾. Шаманы на этихъ жертвоприношеніяхъ не участвуютъ, и по своему смыслу «Тігїр тājі» мало согласуется съ обычными шаманистическими представленіями. Здѣсь моленія приносятся живущимъ на небѣ «девяти творцамъ» и главному изъ нихъ «Тѣлы Чајан», которые не имѣютъ ничего общаго съ шаманскими духами. Возносятся моленія «о хлѣбѣ, посѣянномъ русскими, о произрастаніи травы на черной землѣ для пасомаго скота, о здоровьѣ молодого поколѣнія». Такія моленія не приходится слышать изъ устъ шамана.

Жертва совершается на какой-нибудь вершинѣ и туда, какъ люди, такъ и животныя женскаго пола не допускаются; этого на шаманскихъ жертвоприношеніяхъ также не бываетъ.

Важно, что само населеніе рѣзко выдѣляетъ «Тігїр тājі» изъ разряда шаманскихъ жертвоприношеній. На наблюденномъ мною «Тігїр

1) Въ это лѣто «Тігїр тājі» я наблюдалъ у уйбарскихъ качинцевъ на одной изъ вершинъ горы «Тоғмѣс».

тѣі» качинецъ, который за всѣхъ присутствующихъ возносилъ молитвы, говорилъ, что онъ шамановъ не уважаетъ, а это они молятся «Худаю» (Богу) и ему приносятъ жертву. Даже обычный шаманскій жертвенный возгласъ «сѣк», здѣсь не употребляется, а всѣ присутствующие, обратившись къ «восходу солнца» и воздѣвая руки къ небу, кричатъ «тѣр».

Правда, въ обрядъ жертвоприношенія вводится отдѣлъ, гдѣ призываются духи горъ, рѣкъ, долинъ и т. д., но инородцы сами говорятъ, что тогда они обращаются къ шаманскимъ духамъ. Въ этомъ отдѣлѣ переходятъ на возгласъ «сѣк». Все это наводитъ на мысль, что въ «Тігір тѣі» мы находимъ смѣшеніе двухъ религіозныхъ системъ.

Въ героическихъ поэмахъ и даже въ шаманскихъ призываніяхъ также встрѣчаются часто «девять творцовъ»,. Есть сказанія о томъ, какъ творцы, или одинъ творецъ создавали землю, человѣка и др. Творцы эти представляются существами добрыми, которымъ противопоставляется существо злое «Ілхан» или «Эрлік Хан».

Въ представленіи о загробной жизни мы опять встрѣчаемся съ двумя отличными категоріями представленій.

Съ одной стороны загробная жизнь—лишь простое продолженіе земной жизни. Обряды погребенія и поимпокъ всецѣло проникнуты этимъ представленіемъ. Душа умершаго человѣка переходитъ въ другой міръ, даже забирая съ собой принадлежавшія ему на землѣ предметы. Наряду съ этимъ въ народѣ существуютъ сказанія, въ которыхъ рѣзко проглядываетъ представленіе о загробной о жизни, какъ возмездіи за прожитую здѣсь жизнь. Оставаясь въ рамкахъ собраннаго мною матеріала, тѣмъ болѣе лишь въ предварительномъ отчетѣ, я не берусь утверждать, что это представленіе о загробной жизни, равно какъ обрядъ «Тігір тѣі»—проявленія одного и того же стройнаго міропониманія, но, повидимому, нѣкоторая двойственность въ религіозномъ сознаніи качинцевъ несомнѣнна.

Кызыльцы въ отношеніи религіи не были мною изслѣдованы, но мнѣ передавали, что они устраиваютъ тѣ же жертвоприношенія, что и качинцы, а кромѣ того еще особое «жертвоприношеніе землѣ». Наблюдать такое жертвоприношеніе мнѣ не пришлось. Шаманство у нихъ тоже, повидимому, приходитъ въ упадокъ, но тѣмъ не менѣе изображеній духовъ, стоящихъ внутри юрты, я у нихъ видѣлъ много.

За истекшее лѣто я былъ на шести разныхъ жертвоприношеніяхъ, гдѣ производилъ записи и фотографированіе. Кромѣ того былъ на поминкахъ, которые, какъ и у сагайцевъ, состоятъ въ кормленіи покойника, но въ деталяхъ обряда имѣютъ свои особенности. Здѣсь также были произведены записи и фотографированіе.

Помимо этого собранный матеріалъ состоитъ изъ ряда сказаній и разсказовъ религіознаго характера (30) и призываній духовъ (17). Въ числѣ послѣднихъ есть крупныя вещи (7), представляющія собой цѣлыя отдѣлы камланій или цѣлое камланіе. Призыванія и нѣкоторые разсказы записывались при помощи фонографа. Валики, интересные въ лингвистическомъ отношеніи или въ отношеніи мотивовъ, призываній сохранены.

Собрашы также наблюденія о семейномъ бытѣ качишцевъ. Въ этомъ отношеніи представляютъ интересъ формы заключенія брака. Въ настоящее время браки заключаются посредствомъ увода невѣсты съ ея согласія, иногда и безъ согласія. Родителямъ ея остается признать лишь совершившійся фактъ, при чемъ съ ними заключается миръ съ уплатою калыма. Однако, какъ разсказываютъ, это лишь новѣйшая форма брака. Встарину браки заключались съ предварительнаго уговора родителей той и другой стороны. Сватаніе начиналось иногда съ малолѣтства брачующихся вплоть до момента брака черезъ опредѣленные періоды времени (весной, осенью и т. д.). Семья жениха доставляла семьѣ невѣсты угощеніе и подарки. За то калыма тогда не было, тѣмъ не менѣе соответствующее приданое для невѣсты было обязательно. Какъ единичный случай, такой бракъ нынче состоялся въ улусѣ Біці бэзы (Вершина Бижи).

Интересны современныя формы заключенія брака, въ которыхъ стараются фиктивно воспроизвести актъ увода невѣсты по соглашенію родителей. Обычно ко дню свадьбы заблаговременно невѣста отправляется къ одному изъ сосѣдей. На свадьбѣ послѣдній играетъ роль отца невѣсты, его жена — роль матеря невѣсты. Къ нимъ пріѣзжаетъ свадебный кортежъ. Женщины бываютъ наряжены въ свадебные костюмы. Начинается сватаніе какъ бы на самомъ дѣлѣ. Отецъ и мать съ сожалѣніями и благопожеланіями отдаютъ свою фиктивную дочь. Она торжественно увозится въ юрту жениха, гдѣ протекаетъ дальнѣйшая часть свадьбы. Свадьбу этого типа мнѣ

удалось лично наблюдать. Также наблюдалъ свадьбу у сагайцевъ. У послѣднихъ свадебные обряды носятъ иной характеръ, чѣмъ у качинцевъ. На свадьбѣ у тѣхъ и другихъ произведены были записи обрядовъ и по возможности фотографированіе. Кстати сказать, фотографированіе здѣсь представляетъ значительныя трудности, потому что большинство обрядовъ протекаетъ въ тѣсной и темной юртѣ, да еще набивается туда масса гостей и любопытныхъ.

Въ отношеніи различій по сѣк'амъ качинцы представляютъ менѣе богатый матеріалъ, чѣмъ сагайцы.

Мною записано всего 15 названій сѣк'овъ. И у нихъ менѣе сохранились различныя родовыя и племенные сказанія. Представители почти всѣхъ сѣк'овъ повторяютъ одно и то же, что предки ихъ вышли съ рѣки Качи. Значительно распространенъ среди качинцевъ сѣкъ «Кырбызъ», но и о нихъ не помнятъ никакихъ сказаній, сами же себя они не отличаютъ отъ качинцевъ. Мною записаны, впрочемъ, стихи, которые, повидимому, свидѣтельствуютъ о томъ, что когда то киргизское племя здѣсь было сильно распространено.

«Кырыхъ чаксы оѣымда

Кырбызъ сѣгі чатпѣн

Ој парбын?

, Кырда ѳскѣн кырыхъ хѣзында

Кырбызъ палтызы тѣцмѣн

Кѣзың парбын?

Въ сорока славныхъ котловинахъ,

Есть ли котловина,

Гдѣ бы не лежали кости киргиза?

Въ сорока березахъ растущихъ на хребтѣ,

Есть ли береза,

Которой бы не коснулся топоръ киргиза?

Относительно сѣк'а «Соки» записано, что происходитъ онъ изъ страны «Мѳл» (монголъ). У кызыльцевъ за короткое время моего пребыванія у нихъ записано девять названій сѣк'овъ и отрывочныя сказанія объ ихъ происхожденіи.

Въ остальной части письменный матеріалъ состоитъ изъ пѣсенъ, которыхъ собрано около 50, при чемъ въ фонограммахъ сохранены

и мотивы нѣкоторыхъ пѣсень, затѣмъ собрано значительное количество мелкихъ записей, иногда въ формѣ афоризмовъ, въ которыхъ выражаются воспитательные приемы народа, суевѣрные взгляды и др.

Фонографическихъ валиковъ съ записями лингвистическими, пѣсень и шаманскихъ пѣснопѣній привезено всего 50, фотографическихъ снимковъ мѣстныхъ типовъ и другихъ объектовъ разнообразнаго этнографическаго содержанія привезено 251.

Въ поѣздки мной были взяты приборы для производства антропометрическихъ измѣреній. Такихъ измѣреній я успѣлъ сдѣлать немного; началась война, и къ инородцамъ проникли слухи, что ихъ будутъ брать въ солдаты. Ко мнѣ стали являться уже измѣренные съ опасеніями, не возьмутъ ли ихъ теперь въ солдаты. Мнѣ пришлось ихъ разубѣждать, а измѣреній ввиду такихъ обстоятельствъ я рѣшилъ болѣе не производить.

Приобрѣтенныя мной для музея вещи состоятъ изъ полного шаманскаго облаченія съ бубномъ и колотушкой, нѣсколькихъ изображеній духовъ, принадлежностей женскаго сѣдла, костюмовъ современныхъ и старинныхъ и др. мелкихъ вещей.

Къ одной изъ неудачъ поѣздки нужно отнести то, что были потеряны объективъ и затворъ отъ фотографическаго аппарата. Къ счастью, это случилось въ самомъ концѣ лѣта, когда всѣ работы съ фотографическимъ аппаратомъ были закончены.

При командированіи меня отъ Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи мнѣ было выдано на расходы 400 рублей. Изъ нихъ на приобретеніе коллекцій употреблено 41 руб. 60 коп., на проѣздъ туда и обратно — 95 руб. 38 коп., на разъѣзды на мѣстѣ, вознагражденіе лицъ, сообщавшихъ матеріалъ и оказывавшихъ иныя услуги, и пр. мелкіе расходы — 162 руб. 90 коп., на содержаніе мое и моихъ спутниковъ — 100 руб., итого 399 руб. 88 коп.

Отъ Музея Антропологии и Этнографіи, имени Императора Петра Великаго, было выдано 100 рублей, они всѣ употреблены на приобретеніе коллекцій.

Отчетъ о поѣздкахъ къ тунгусамъ и ороченамъ Забайкальской области въ 1912 и 1913 гг. С. М. и Е. Н. Широкогоровыхъ.

На мѣсто командировки къ тунгусамъ Забайкальской области мы выѣхали изъ Петербурга 22 мая 1912 г. и прибыли въ г. Читу 1 июня. Въ виду того, что маршрутъ еще не былъ выработанъ, мы обратились за совѣтомъ и указаніями къ Д. М. Головачеву, председателю мѣстнаго отдѣла И. Р. Г. О., и г. Черныхъ, члену того же общества.

Главной цѣлью командировки было изученіе мѣстнаго тунгусскаго языка. Еще въ 40-хъ годахъ мин. ст. на территоріи теперешнихъ Читинскаго и Нерчинскаго уу. Кастреномъ были изучены два діалекта забайкальскихъ тунгусовъ—урульгинскій и маньковскій. По имѣющимся даннымъ, подтвержденнымъ въ Читѣ указанными лицами, тунгусовъ, дѣйствительно, можно было найти въ этихъ мѣстахъ, и мы, выполнивъ необходимыя формальности, выѣхали на ст. Урульга Заб. ж. д., а 7-го июня прибыли въ тунгусскій улусъ Нарынъ-Талача Урульгинской волости.

Вскорѣ по пріѣздѣ было установлено, что урульгинскіе тунгусы успѣли забыть свой родной, тунгусскій языкъ, а говорятъ на испорченномъ бурятскомъ. Впрочемъ, въ этомъ же улусѣ нашелся одинъ старикъ, который помнилъ отдѣльныя тунгусскія слова. Въ другихъ улусахъ мы встрѣчали тунгусовъ, умѣющихъ говорить по-ороченски. Тогда было рѣшено наше пребываніе у тунгусовъ использовать, насколько это было возможно, въ этнографическомъ и антропологическомъ отношеніяхъ.

Вся группа кочевыхъ тунгусовъ Читинскаго уѣзда, противоположая ее оленеводамъ-ороченамъ съ одной стороны и бурятамъ съ другой стороны, состоитъ изъ 5 большихъ и двухъ маленькихъ улусовъ съ общимъ числомъ около 130 юртъ и населеніемъ около

670 душъ обоого пола. Эти улусы расположены одинъ отъ другого на разстояніи 15—35 верстъ, образуя дугу по отношенію къ линіи желѣзной дороги и рр. Ингода и Шилка.

Западный улусъ, Нарынъ-Талача, отстоятъ отъ ст. Урульга на 25 верстъ, самый дальній, Торгаконъ, на 65 в. отъ линіи желѣзной дороги и восточный улусъ, Дэлюнъ, находится въ 30 верстахъ отъ ст. Шилка. Между ул. Нарынъ-Талача и Торгаконъ находятся два улуса—Поварня и Кучигыръ, два же маленькихъ улуса Куджертай и Шаргольджинъ лежатъ въ сторонѣ: первый—къ югу, близъ линіи ж. д., второй—къ западу, на притокѣ р. Улдурги. Названія рѣчекъ, по которымъ расположены улусы, соотвѣтствуютъ названіямъ послѣднихъ.

Группа перечисленныхъ улусовъ окружена со всѣхъ сторонъ обрусѣвшими тунгусами, переселенцами, казаками и бурятами. Въ нѣкоторыхъ улусахъ живутъ въ качествѣ работниковъ буряты, а также довольно часто встрѣчаются женщины-бурятки, которыхъ улдургинскіе буряты за большіе калымы охотно отдаютъ замужъ за тунгусовъ.

Населеніе улусовъ занимается скотоводствомъ, овцеводствомъ и коневодствомъ, охота же играетъ незначительную, подсобную роль; только двѣ семьи (въ улусѣ Дэлюнъ) пытаются перейти къ земледѣлію. Живутъ кочевые тунгусы бѣдно, такъ какъ скотоводство съ размежеваніемъ земель значительно упало. Всѣ улусы, кромѣ части улуса Торгаконъ, на зиму перекечевываютъ въ «пади», болѣе защищенные отъ сѣверныхъ вѣтровъ, гдѣ за лѣто бываетъ заготовлено сѣно для скота и лошадей. Тамъ строятъ постоянныя болѣе теплыя юрты изъ бревенъ по образцу зимниковъ улдургинскихъ бурятъ, а ничтожное меньшинство живетъ въ войлочныхъ юртахъ. У двухъ-трехъ семей имѣются дома русскаго типа.

Приблизительно 25% всѣхъ тунгусовъ исповѣдуетъ ламаизмъ, остальные крещены. Это, однако, не служитъ препятствіемъ къ тому, чтобы они во всѣхъ трудныхъ случаяхъ жизни обращались къ шаманамъ. Въ 5 улусахъ имѣется два шамана и одна шаманка, не считая еще одной старухи, которая за дряхлостью больше не шаманитъ. Изрѣдка въ улусы наѣзжаютъ православные священники, а сами тунгусы охотно посѣщаютъ сосѣднія села обрусѣвшихъ тунгусовъ, особенно въ большіе праздники, когда, кромѣ торжественной службы въ церкви, они могутъ имѣть много развлеченій. Обычно въ такихъ

случаяхъ устраиваются конскіе бѣга, до которыхъ всѣ тунгусы большіе охотники. Въ улусѣ Дэлюнъ на одномъ изъ окружающихъ его холмовъ имѣется даже часовня, но въ то же самое время сосѣдніе два холма предвѣщены — одинъ для ламаитскихъ церемоній, другой для шаманскихъ камланій, и всѣ три холма у населенія пользуются равнымъ уваженіемъ. Такимъ образомъ, вѣрованія въ настоящее время сплелись въ запутанный клубокъ съ преобладаніемъ, все-таки, шаманства.

Перечисленные улусы выдѣлены въ особую административную единицу — булукъ кочевыхъ тунгусовъ, съ булучнымъ старостой во главѣ, и входятъ какъ часть въ Урульгинскую волость. Свое происхожденіе кочевые тунгусы ведутъ отъ родовъ, прикочевавшихъ въ Забайкалье съ кн. Гантимуромъ въ XVI столѣтіи, и называютъ себя терминомъ хамнаѣцъ; русскіе называютъ ихъ тунгусами, орочены — мурчең «лошадные» (отъ бурятскаго мурің — лошадь). Къ русскимъ они относятся со страхомъ и почтеніемъ; приблизительно такое же отношеніе у нихъ и къ бурятамъ, а тѣ и другіе разсматриваютъ ихъ какъ низшую расу. Кочевые тунгусы въ свою очередь отыгрываются презрительнымъ отношеніемъ къ ороченамъ, которые «бродятъ въ лѣсу, какъ звѣри».

Среди тунгусовъ встрѣчаются грамотные, хотя въ очень ограниченномъ числѣ, и эти немногіе обращаютъ свои знанія главнымъ образомъ на писаніе безконечныхъ жалобъ, прошеній и т. п. Нѣсколько человекъ изъ числа ламаитовъ умѣютъ читать и по-монгольски.

Въ улусахъ кочевыхъ тунгусовъ мы оставались одинъ мѣсяцъ. За это время была произведена перепись населенія въ цѣляхъ установленія рождаемости, смертности, времени заключенія браковъ, количества скота и т. п. Было измѣрено 91 мужчинъ и женщинъ; изъ нихъ — 65 мужчинъ и 15 женщинъ, показавшихъ обояхъ родителей тунгусами, 6 мужчинъ и 2 женщины смѣшаннаго русско-тунгусскаго происхожденія, 2 бурята и 1 бурятка. Эти матеріалы, обработанные мною при помощи различныхъ методовъ, дали возможность установить наличность, по крайней мѣрѣ, двухъ антропологическихъ типовъ: одного — близкаго бурятамъ, весьма короткогодоваго и сравнительно высокорослаго, и другого — среднеголоваго и сравнительно низкорослаго съ соответствующими различіями въ большинствѣ другихъ

признаковъ. Кромѣ того можно думать о наличности слѣдовъ и третьяго типа, слабѣе выраженнаго. При помощи фонографа были записаны (14 валиковъ) пѣсни и сказки. Мотивы пѣсенъ кочевыхъ тунгусовъ — преимущественно бурятскаго происхожденія. Записанъ и сфотографированъ въ отдѣльныхъ моментахъ свадебный обрядъ, который удалось наблюдать въ улусѣ Далюнь. Описанъ, сфотографированъ и частью зарисованъ шаманскій костюмъ, а также описаны нѣкоторые шаманскіе обряды и кровавыя жертвоприношенія. Сдѣланы записи словъ и фразъ, а также составлена таблица терминовъ родства. Кромѣ того было сдѣлано 72 фотографическихъ снимка.

Такимъ образомъ оказалось, что кочевые тунгусы всю матеріальную культуру, языкъ, отчасти вѣрованія заимствовали отъ бурятъ и въ антропологическомъ отношеніи являются смѣсью съ замѣтнымъ вліяніемъ также бурятъ.

Въ послѣднее время на физическое и культурное вліяніе бурятъ наслаивается еще и вліяніе русскаго элемента. Изъ тунгусской же культуры они сохранили только шаманскій костюмъ, кой-какія вѣрованія, любовь къ охотѣ и т. п.

Въ Читѣ намъ указывали, что, кромѣ урульгинской волости, кочевые тунгусы живутъ еще въ Маньковской и Шандунинской волостяхъ. Однако, изъ разспросовъ урульгинскихъ тунгусовъ выяснилось, что въ указанныхъ волостяхъ едва ли удастся найти знающихъ тунгусскій языкъ¹⁾, и намъ ничего не оставалось, какъ въ поискахъ за языкомъ отправиться на сѣверъ къ ороченамъ.

Отъ наиболѣе удаленнаго отъ желѣзной дороги тунгусскаго улуса до ближайшаго пункта, обитаемаго ороченами, приблизительно 140 верстъ выючнаго пути черезъ р. Улдургу (пр. р. Нерчи), занятую теперь вмѣстѣ со всѣми ея притоками бурятами, прикочевавшими въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія изъ Баргузинскаго уѣзда.

8-го іюля мы выступили изъ ул. Торгаконъ при 2 выючныхъ лошадяхъ и 2 проводникахъ на р. Акиму (правый притокъ р. Нерчи, спускающійся съ Яблоноваго хребта), гдѣ находится селеніе ороченъ Тыксѣръ или, какъ его называютъ русскіе, — Такшеръ. Изъ ул. Тор-

1) По произведенной впоследствии небольшой анкетѣ черезъ посредство отдѣла Географическаго Общества это подтвердилось.

гаконъ мы вышли въ долину р. Дарасунъ, затѣмъ, переваливъ хребетъ, спустились по р. Жерчѣ до р. Улдурги, и, наконецъ, поднявшись по р. Ясутѣ и ея притоку Ясутукану, спустились въ долину р. Акимы въ 40 верстахъ отъ впаденія послѣдней въ Нерчу.

Тропа, по которой мы прошли въ это время года, не представляетъ большихъ неудобствъ, такъ какъ въ іюлѣ рѣки не бываютъ многоводны, а болота встрѣчаются только въ верхнемъ теченіи р. Дарасуна, близъ перевала. Другая тропа, ведущая также на р. Акиму, выходитъ изъ сел. Зюльзя, идетъ по рр. Улунтуй и Кужертай и сливается на р. Ясутуканъ съ той, по которой мы шли. Третья тропа идетъ изъ сел. Зюльзя по р. Нерчѣ до устья р. Акимы и затѣмъ вверхъ по р. Акимѣ. Послѣдняя менѣе удобна, такъ какъ почти все время приходится идти черезъ небольшіе хребты, и многоводіе р. Нерчи часто не даетъ возможности перейти ее въ бродъ даже въ сухіе мѣсяцы лѣта. Четвертая тропа болѣе удобна, и ею пользуются какъ орочены, имѣющіе дѣла съ зюльзинскими купцами, такъ и сами купцы. Идетъ она черезъ селеніе Зюльзиканъ на селеніе Кыкыръ (на р. Нерчѣ, выше впаденія въ нее р. Акимы), а изъ Кыкыра внизъ по правому берегу Нерчи до устья Акимы. Для насъ болѣе удобной по краткости оказалась та, по которой мы прошли, и на весь переходъ мы затратили только 3 дня.

На этотъ разъ наши ожиданія найти чистый тунгусскій языкъ увѣнчались успѣхомъ. Въ смыслѣ же этнографическомъ орочены этого селенія сохранили лишь кое-что изъ культуры ороченъ-оленоводовъ, такъ какъ съ осѣдлостью перешли къ коневодству и скотоводству, а вмѣстѣ съ этимъ оказались подъ вліяніемъ тунгусовъ, кочевыхъ бурятъ и русскихъ.

Въ краткихъ чертахъ исторія образованія селеній ороченъ и перехода части оленныхъ къ осѣдлости, разведенію лошадей и рогатаго скота сводится къ слѣдующему.

Во второй половинѣ 90-хъ годовъ орочены Нерчинской тайги, а также и Баргузинской, вслѣдствіе эпидеміи, потеряли почти всѣхъ оленей и поселились въ ближайшихъ къ Нерчинской тайгѣ селеніяхъ обрусѣвшихъ тунгусовъ — Кыкырѣ, Акимѣ, Зюльзѣ, Зюльзиканѣ, а также и въ другихъ болѣе близкихъ къ р. Шилкѣ. 24 семьи осѣли на р. Акимѣ и нѣсколько семей — на р. Юмарченѣ (прав. притокъ р. Ви-тима). Образовавшееся на р. Акимѣ селеніе было названо Тыксыръ по

имени полумияскаго ороченя, который еще на памяти «отцовъ-дѣдовъ» зимоваль въ этихъ мѣстахъ. Со времени падежа оленей и переселенія въ русскія деревни начинается интенсивное обрусѣнiе нерчинскихъ ороченъ. Вскорѣ послѣ падежа большая часть ороченъ снова завела оленей и ушла въ тайгу, унося съ собою всѣ соблазны цивилизаціи обрусѣвшихъ тунгусовъ и главнымъ образомъ пристрастіе къ водкѣ. Основанныя же селенія по Акимѣ и Юмарчену продолжили свое существованіе, хотя большая часть построенныхъ жилищъ въ настоящее время пустуетъ.

Нерчинскіе — какъ осѣдлые, такъ и оленные — орочены поддерживаютъ сношенія съ русскими селеніями, обычно умѣютъ говорить по-русски и малопомалу оставляютъ старинный укладъ жизни. Непосредственно послѣ оленнаго падежа и переселенія въ русскія деревни большая часть ихъ погибла отъ какой-то эпидеміи, и отъ нѣкоторыхъ родовъ, нѣкогда многочисленныхъ, осталось лишь по нѣсколько человѣкъ. Такъ, напримѣръ, отъ рода Самаѣр осталось только 6 мужчинъ. Въ настоящее время въ Тыксырѣ и селеніи Утесина, которое лежитъ на 5 верстъ ниже перваго по теченію р. Акимы, живутъ 9 семей ороченъ и двѣ семьи тунгусовъ, прикочевавшихъ въ Утесину нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ р. Улдурги.

Главнымъ промысломъ осѣдлыхъ ороченъ, какъ и раньше, является охота, а не скотоводство. У двухъ семей, напримѣръ, нѣтъ совершенно рогатаго скота, овецъ же совершенно не разводятъ. Для передвиженія пользуются лошадью, но телѣгъ по причинѣ отсутствія дорогъ не имѣютъ; зимою, хотя и не всѣ, ѣздятъ на саняхъ. Форма жилищъ заимствована у кочевыхъ тунгусовъ и бурятъ. Русскіе купцы доставляютъ имъ матеріи, порохъ, хлѣбъ и т. п. въ обмѣнъ на пушнину. Но такъ какъ пушнина, главнымъ образомъ бѣлка, добывается только осенью, то орочены оказываются въ экономической кабалѣ у купцовъ. Въ такомъ же положеніи оказываются и орочены-оленеводы, которые приходятъ для торговыхъ сдѣлокъ съ купцами въ Тыксырѣ, а также и на ярмарки — балтор — устраиваемыя преимущественно на р. Каренгѣ. Официально орочены считаются православными, но въ дѣйствительности они — настоящіе шаманисты и о христіанствѣ не имѣютъ никакого понятія. Въ Утесинѣ постоянно живетъ шаманка-тунгуска, а шаманы-оленеводы являются желанными гостями. Наши наблюденія,

однако, не были ограничены только осёдлыми ороченами. Въ Тыксырѣ довольно часто заходятъ орочены-оленеводы, и мы имѣли возможность видѣть двѣ семьи оленныхъ, остававшихся въ Тыксырѣ около 10 дней.

Въ Тыксырѣ мы оставались до 7 августа. Главной причиной нашего скорого отъѣзда было то, что послѣ 10 августа невозможно достать лошадей, такъ какъ въ это время все мужское населеніе съ лошадьми уходитъ на охоту, и мы рисковали бы остаться въ Тыксырѣ, не имѣя достаточнаго снаряженія на неопредѣленное время.

Такъ какъ временемъ мы были сильно ограничены, то главное вниманіе было обращено на изученіе языка, причемъ я записалъ около 1.800 словъ, до 300 фразъ и 5 небольшихъ текстовъ разсказовъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, между діалектами, изученными Кастреномъ, и ороченскимъ діалектомъ оказались существенныя морфологическія и фонетическія различія.

При сборѣ словарнаго матеріала мною было обращено особое вниманіе на термины родства и на названія племенъ и родовъ. Время, свободное отъ изученія языка, мы употребили на изученіе матеріальной культуры, отчасти вѣрованій, способовъ погребенія и т. п.

За недостаткомъ времени и лошадей, о доставкѣ скелетовъ цѣлкомъ съ содержимымъ погребеній и раскопкахъ старыхъ стойбищъ нельзя было и думать; поэтому мы ограничились лишь добычею двухъ череповъ.

За время пребыванія у ороченъ было заполнено 15 фонографическихкихъ валиковъ (пѣсни, сказка и разсказы).

Ороченская пѣсня вполне своеобразна. Приходится отмѣтить, что русское и бурятское вліянія, если и имѣются, то очень незначительныя, и въ тематическомъ отношеніи ороченскія пѣсни вполне оригинальны. Для ороченской пѣсни характерно частое пользованіе стаккато на ряду съ легато и частая смѣна форто и піано; ритмы весьма разнообразны; темпы также. Къ этому еще необходимо прибавить большое разнообразіе мотивовъ, мягкій, негортанный тембръ голосовъ и пѣніе хоровыхъ пѣсенъ не въ унисонъ. Пѣсни и мотивы кочевыхъ тунгусовъ, заимствованы вмѣстѣ съ языкомъ у бурятъ и, вѣроятно, сильно упрощены. Кромѣ того тунгусы гораздо рѣже вообще поютъ и менѣе общественны, чѣмъ ороченны. Какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ музыкальных инструментовъ нѣтъ, если не считать «варганчика», имѣющаго

самое широкое распространение въ Сибири и за ея предѣлами. На основаніи опыта личнаго пользованія фонографическими записями, мы пришли къ убѣжденію, что фонографъ даже несовершенной конструкціи весьма полезенъ и необходимъ для работы, особенно при изученіи мотивовъ. Воспроизведеніе на фонографѣ уже записанныхъ мотивовъ и сказокъ производило на ороченъ и тунгусовъ самое благопріятное впечатлѣніе; тексты записанныхъ сказокъ имъ были вполне понятны, а юмористическіе рассказы вызывали большое оживленіе и смѣхъ. Замѣчу между прочимъ, что европейская музыка далеко не всѣмъ ороченамъ понравилась, но нѣкоторые находили ее для себя настолько пріятной, что по 3—4 раза подъ рядъ прослушивали одинъ и тотъ же валикъ. Особеннымъ успѣхомъ пользовалась I часть IV симфоніи Бетховена. Тунгусы и буряты къ европейской музыкѣ относились совершенно безразлично.

Въ Тыксырѣ нами было сдѣлано болѣе 50 фотографическихъ снимковъ, зарисованы орнаменты, и Е. Н. Широкогорова спеціально изучала музыку и танцы. Отъ антропометріи, по причинѣ недостатка матеріала, пришлось отказаться, если не считать 6 мужчинъ и 1 женщину, измѣренныхъ по неполной программѣ.

На обратномъ пути изъ Тыксыра на пріискѣ Дарасунѣ нами было измѣрено 23 китайца изъ окрестностей г. Чифу. Средняя роста этихъ индивидовъ равна 169,3 см. и средняя головного указателя — 74,72, при средней длинѣ головы 191,1 мм. и ширинѣ 142,8 мм.

По дорогѣ въ гор. Читу мы посѣтили еще разъ ул. Нарын-Талача.

За все лѣто нами было сдѣлано 720 верстъ на лошадяхъ, изъ которыхъ около 280 верстъ верхомъ.

По возвращеніи въ Петербургъ я приступилъ къ разработкѣ собранныхъ матеріаловъ. Антропометрическія данныя о кочевыхъ тунгусахъ мною были обработаны и вмѣстѣ съ краткимъ этнографическимъ очеркомъ приготовлены къ печати, подъ названіемъ «Кочевые тунгусы Забайкальской области Читинскаго уѣзда. Антропологическій очеркъ». Записи по языку ороченъ и этнографическія данныя о нихъ были приведены въ порядокъ. Затѣмъ нами былъ разработанъ маршрутъ поѣздки къ забайкальскимъ ороченамъ-оленоводамъ, цѣлью которой было продолженіе начатыхъ работъ по изученію языка, этнографіи, антропологіи и музыки ороченъ.

Наше желаніе продолжать эти работы встрѣтило сочувствіе Комитета, и мы, получивъ необходимыя средства и указанія, выѣхали изъ Петербурга 10 и прибыли въ Читѣ 21 мая 1913 года.

Въ Читѣ мы оставались три дня для пріобрѣтенія необходимыхъ предметовъ снаряженія и полученія бумагъ; 24 мая мы выѣхали по желѣзной дорогѣ въ г. Нерчинскъ, гдѣ были вынуждены задержаться на нѣсколько дней въ ожиданіи вещей, посланныхъ намъ по почтѣ. Немедленно по полученіи ихъ мы выѣхали по трактовой дорогѣ въ село Зюльзиканъ, а оттуда въ селеніе Зюльзиканъ, куда и прибыли 31 мая.

Село Зюльзиканъ находится въ 89 верстахъ отъ г. Нерчинска и является послѣднимъ пунктомъ, до котораго можно проѣхать на колесахъ. Какъ и другія соленія этой части Забайкалья, оно населено обрусѣвшими тунгусами. Изъ этого селенія ежегодно и даже по нѣсколько разъ въ годъ отправляются партіи купцовъ съ товарами для ороченъ и отчасти якутовъ. У купцовъ можно было разсчитывать найти лошадей и кой-какое снаряженіе специально таяжное. Кромѣ того въ сел. Зюльзиканъ долженъ былъ прибыть ороченъ изъ сел. Тыксырь, посѣщеннаго нами въ предыдущемъ году. По прояскамъ купцовъ, нашъ проводникъ-орочень, онъ же и переводчикъ, во-время не явился, и мы были вынуждены взять въ проводники обрусѣвшаго тунгуса.

Въ Зюльзиканѣ послѣ упорнаго торга мы купили 5 лошадей — 3 вьючныхъ и двухъ верховыхъ. При покупкѣ лошадей для таяжнаго передвиженія приходится быть особенно осторожнымъ, такъ какъ обычныя мѣрки для опредѣленія качества лошадей здѣсь не подходятъ. Для путешествія по тайгѣ лошадь не должна быть очень тучной и большой, такъ какъ тучная лошадь сильнѣе страдаетъ отъ жары, а большая вязнетъ въ болотѣ, но она не должна быть и тощей, такъ какъ отсутствіе корма можетъ окончательно лишить ее силъ. Имѣетъ свое значеніе и цвѣтъ, такъ какъ на лошадь свѣтлой масти, напри-мѣръ, садится гораздо больше оводовъ, чѣмъ на лошадь темной масти. Если не считать того, что купленные нами лошади въ первое время, вслѣдствіе откармливанія ихъ хлѣбомъ, хропали на переднія ноги, наша покупка оказалась удачной.

4 іюня мы вышли изъ Зюльзикана при 3 вьючныхъ лошадяхъ и одномъ проводникѣ.

Первоначально мы предполагали пройти на р. Каренгу (пр. р. Витима), приблизительно на среднее течение ея, гдѣ орочены-оленоводы должны были собраться для обмѣна съ купцами. Передъ этимъ, однако, мы должны были заѣхать въ сел. Тыксырь, чтобы взять знакомаго проводника-орочена.

Сел. Тыксырь удалено отъ Зюльзикана приблизительно на 125 верстъ выючнаго пути, и мы туда прошли черезъ селеніе Кыкырь (см. выше — варіантъ четвертый). Этотъ переходъ показалъ полную невозможность обойтись только однимъ проводникомъ, и когда мы прибыли въ Тыксырь, то было рѣшено оставить при себѣ зюльзиканскаго тунгуса и взять кромѣ того орочена. Нужно сказать, что орочены плохо знаютъ ухаживать за лошадьми, и, взявъ только одного орочена, мы рисковали бы испортить лошадей.

Тыксырский ороченъ былъ нанятъ вмѣстѣ со своею лошадью, что дало намъ возможность разгрузить одну изъ выючныхъ лошадей, распредѣливъ ея выюкъ на всѣхъ остальныхъ, въ томъ числѣ и верховыхъ, и предоставить освободившуюся лошадь проводнику-тунгусу, который вынужденъ былъ сдѣлать первый переходъ пѣшкомъ, что сильно задерживало передвиженіе. Кромѣ функціи проводника ороченъ долженъ былъ служить и переводчикомъ.

Изъ сел. Тыксырь 11 іюня мы отправились на р. Юмарченъ. Измѣненіе нашего маршрута было обусловлено тѣмъ, что мы узнали о свадьбѣ, которая должна состояться на р. Юмарченъ и гдѣ по нашимъ расчетамъ мы могли встрѣтить больше оленныхъ ороченъ, чѣмъ на р. Каренгѣ. Такимъ образомъ отпадалъ одинъ изъ варіантовъ ранѣе предполагавшихся маршрутовъ.

Въ Читѣ насъ предупреждали, что переходъ на лошадяхъ черезъ Яблоновый хребетъ на р. Юмарченъ въ лѣтнее время безусловно невозможенъ. Это мнѣніе не вполне правильно, такъ какъ по западному склону Яблоноваго хребта, сильно каменистому и болотистому, есть возможность пройти, правда, съ большими затрудненіями, а главное медленностью. Близъ перевала черезъ хребетъ сходятся тропы: одна изъ Тыксыра, другая съ р. Ясутуканъ (см. выше), по которой теперь перекочевываютъ въ зимнее время буряты съ р. Улдурга на лѣвые притоки р. Витима. Несмотря на то, что погода намъ благопріятствовала и уровень воды не былъ высокъ, переходъ изъ Тыксыра въ оро-

ченское селеніе Муясинъ (около 90 в.) мы могли сдѣлать только въ $3\frac{1}{2}$ дня. На р. Муясинъ, притокъ р. Юмарченъ, находится упомянутое ороченское селеніе, въ которомъ четыре семьи; изъ нихъ двѣ недавно прикочевали изъ Тыксыра, а двѣ другія — съ р. Конда (правый притокъ р. Витима). Кромѣ того нѣсколько семей оленныхъ ороченъ иногда зимуютъ въ Муясинѣ, и мы застали тамъ одну изъ нихъ. Въ Муясинѣ мы провели два дня и оттуда вмѣстѣ съ родственниками жениха поѣхали на р. Асынгли (пр. р. Амалать, впадающей въ р. Ципа), остановившись на 3 дня въ другомъ ороченскомъ селеніи, Усть-Юмарченѣ или Давыцкстын. Последнее состоитъ изъ 7 семей, прикочесавшихъ также изъ Тыксыра и съ р. Кайводы. Въ Муясинѣ и въ Усть-Юмарченѣ орочены живутъ совершенно подобно тыксырскимъ, но кромѣ скотоводства и охоты занимаются еще и рыболовствомъ. Эти селенія удалены другъ отъ друга приблизительно на 40 верстъ. Въ Усть-Юмарченѣ мы нашли 5 семей оленныхъ ороченъ, которые уковали изъ Муясына незадолго до нашего приѣзда. Эти семьи обычно кочуютъ по р. Чина (пр. р. Витима близъ истоковъ послѣдняго¹⁾).

Изъ Усть-Юмарчена мы въ числѣ около 60 человекъ отправились на свадьбу, состоявшуюся 23 іюня на р. Асынгли.

Все предыдущее время и послѣдующее до половины іюля было употреблено главнымъ образомъ на этнографическія наблюденія, такъ какъ при условіи почти безостановочнаго передвиженія нельзя было заниматься языкомъ. Отдѣльные моменты свадьбы были сфотографированы, и вся процедура записана въ порядкѣ дѣйствія; здѣсь же было измѣрено 17 человекъ. Представлялась возможность измѣрить и больше, но дождь помѣшалъ работѣ. При измѣреніяхъ, особенно вначалѣ, приходилось быть очень осторожнымъ, такъ какъ орочены боятся инструментовъ и цѣль измѣреній имъ непонятна; поэтому приходилось по многу разъ объяснять настоящую цѣль измѣреній, и это, кажется, лучший способъ сохранить хорошія отношенія съ изслѣдуемыми. Орочены, правда, питаютъ страхъ передъ русскими, и потому представляется полная возможность принудить ихъ къ измѣреніямъ,

1) Съ этихъ поръ и до конца путешествія мы все время оставались среди оленныхъ ороченъ.

но зато послѣ принужденій они будутъ уже навѣрное потеряны для дальнѣйшаго изслѣдованія, особенно въ области вѣрованій и т. п.

Присутствіе на свадьбѣ большого количества ороченъ дало возможность завязать большія знакомства и опредѣлило нашъ дальнѣйшій маршрутъ, который вполне совпадалъ съ однимъ изъ предполагавшихся вариантовъ. Тамъ же мы узнали, что 29 іюня состоится другая свадьба, на р. Чина, куда мы и послѣдовали вмѣстѣ съ группой ороченъ, среди которыхъ находилась также и невѣста со своими сородичами.

Тропа, идущая отъ Юмарчена черезъ р. Витимъ, около Большого Амалата, переходитъ въ телѣжную дорогу, которой пользуются золотопромышленники приисковъ, расположенныхъ по нѣкоторымъ притокамъ Малаго и Большого Амалатовъ. Препятствіемъ при этомъ переходѣ съ р. Юмарчена въ завитимскую часть плоскогорія служитъ р. Витимъ, которая только въ рѣдкихъ случаяхъ имѣетъ бродъ (на высотѣ р. Пуриконъ). Обычно же черезъ нее переправляются на плотахъ. Намъ удалось благополучно переѣхать на лошадяхъ; на лошадяхъ же пришлось перевозить и оленныхъ ороченъ, такъ какъ для оленей бродъ былъ слишкомъ глубокъ. Приблизительно на высотѣ р. Юмарченъ проходитъ Читинскій выючный трактъ, идущій изъ Читы на прииски амалатскаго района. Этотъ трактъ нѣкогда видѣлъ лучшія времена, но теперь остались полуобгорѣвшія гати и сгнившіе мосты, чтó дѣлаетъ его еще менѣе удобнымъ даже для выюковъ, хотя еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ на одинъ изъ притоковъ Амалата по нему пробрался обозъ телѣгъ. Дальше района амалатскихъ приисковъ и въ стороны отъ этого тракта путей сообщенія, если не считать едва замѣтныхъ тропъ, не существуетъ. Отъ р. Малаго Амалата идетъ сильный подъемъ на р. Чина, истоки которой находятся на высотѣ болѣе 1.500 метровъ. Въ районѣ близъ р. Витима и на самомъ Витимѣ находятся нѣсколько бурятскихъ улусовъ, вклинивающихся въ земли, занятія ороченами. Точно такъ же вклипиваются буряты и въ бассейны рр. Малаго и Большого Амалатовъ. Отъ р. Асынгли до р. Чина приблизительно 90 верстъ.

30 іюня на р. Чина состоялась свадьба, гдѣ присутствовала группа нерчинскихъ оленныхъ ороченъ, сородичей жениха. Во время свадьбы умерла одна женщина, и мы могли наблюдать связанные со смертью

обычай и обряды погребенія. Здѣсь же мы наблюдали малое камланіе, завязали дружественныя отношенія съ шаманомъ и измѣрили 30 человекъ. На этой свадьбѣ, кромѣ пришедшихъ съ нами, были нерчинскіе ороченъ, съ рр. Витимкана, Ципикона и Цины, а также мѣстные чининскіе. Здѣсь же мы условились съ нѣкоторыми изъ нихъ встрѣтиться въ различныхъ пунктахъ: съ шаманомъ — на р. Талой около середины іюля, съ однимъ сказочникомъ — на р. Ципиконъ около 1 августа и съ другимъ сказочникомъ — на р. Чина около 10 августа.

Съ р. Чина мы отправились на третью свадьбу на р. Талой. Переходъ по сильно болотистой долинѣ рѣки Чины и перевалъ черезъ хребетъ, являющійся водораздѣломъ между притоками р. Витимкана и Ципикона, были весьма трудны, и, несмотря на то, что отъ мѣста свадьбы до р. Талой не болѣе 35—40 верстъ, мы шли два полныхъ дня.

На р. Талой во время свадьбы, состоявшейся 5 іюля, мы наблюдали камланіе, измѣрили 11 человекъ; большинство ороченъ, бывшихъ на этой свадьбѣ, было уже измѣрено ранѣе.

Съ р. Талоя, заѣхавъ на 2 дня на приискъ Воскресенскій, откуда время отъ времени посылають — лѣтомъ व्यюкомъ, а зимой на саяняхъ, — почту въ г. Баргузинъ (450 в.), и оставивъ тамъ одного проводника и одну व्यючную лошадь, мы поѣхали въ сопровожденіи одного изъ родовыхъ старостъ, головы и русскаго писаря на оз. Баунтъ. Отъ р. Талой до оз. Баунтъ около 60—65 верстъ. По дорогѣ мы посѣтили прибаунтовскихъ ороченъ, занимающихся рыболовствомъ. На оз. Баунтъ находится управа ороченъ — баунтовская народная тунгусская управа, помѣщающаяся въ домикѣ, построенномъ нѣкогда золотопромышленниками для нуждъ средневитимскаго व्यючнаго тракта. Тамъ же находятся и остатки Архива, большая часть котораго была уничтожена пожаромъ и разворована. Здѣсь мы нашли рядъ бумагъ, дающихъ свѣдѣнія относительно исторіи распространенія христіанства, движенія цѣнъ на пушнину, отчеты ярмарокъ и т. п. Наиболѣе старый документъ датированъ 1763 годомъ. Работа въ Архивѣ отняла у насъ около 3-хъ дней. Въ это время начались проливные дожди. Опасаясь того, что долины рр. Цины и Ципикона превратятся въ озера — что случается въ это время года довольно часто — и такимъ образомъ мы будемъ отрѣзаны на неопредѣленно долгое время, мы выѣхали съ оз. Баунта подъ проливнымъ дождемъ. На протяженіи 4—5 верстъ

лошади шли по колѣно въ водѣ. По дорогѣ мы наткнулись на оставленное ороченами стойбище, гдѣ нашли почти полный комплектъ вещей большого камланія, значеніе которыхъ было выяснено впоследствии.

Поздно вечеромъ 14 іюля мы подошли къ р. Талой (пр. р. Ципиконъ) и хотѣли ее перейти, но вслѣдствіе дождей брода уже не было. Мы остановились въ виду юрты шамана, расположенной въ 200 саженьяхъ отъ противоположнаго берега Талой. Такъ мы простояли 4 сутокъ и только на пятый съ трудомъ могли перейти. Дни вынужденной задержки были употреблены мною, какъ и въ другихъ случаяхъ, для занятій языкомъ съ переводчикомъ. У шамана мы оставались до 30 іюля, и я, продолжая работу съ переводчикомъ, записалъ со словъ шамана нѣсколько короткихъ сказокъ и разсказовъ, изучалъ шаманство, поскольку это было возможно, принимая во вниманіе неопытность молодого шамана.

Съ 28 іюля начались заморозки.

30 іюля мы выѣхали съ р. Талой черезъ пріискъ Воскресенскій, гдѣ получили корреспонденцію. 1 августа мы были на р. Ципиконъ, близъ впаденія въ него р. Алакаръ, и здѣсь нашли сказочника, съ которымъ ранѣе была условлена встрѣча. Оказалось, что онъ за нѣсколько дней до нашего пріѣзда былъ разбитъ параличемъ и не могъ быть намъ полезенъ. Потерпѣвъ неудачу, мы отправились на р. Чину, гдѣ долженъ былъ быть другой сказочникъ.

На р. Чинѣ мы оставались до 15 августа.

Это время было посвящено почти исключительно записямъ сказокъ и занятіямъ языкомъ съ переводчикомъ. Здѣсь было записано 4 сказки, вѣроятно, неороченскаго происхожденія и приблизительный переводъ къ нимъ.

10 августа выпалъ первый снѣгъ. Вообще, съ начала августа мы стали сильно страдать отъ холода. Наше сравнительно легкое снаряженіе оказалось недостаточнымъ для защиты отъ холодовъ. Днемъ температура не поднималась выше 10—11° R., а во второй половинѣ августа выше 6—7° R. Эта неприспособленность еще тяжелѣе отозвалась на насъ, когда мы были на р. Витимканѣ, гдѣ почти каждый день шелъ снѣгъ или, того хуже, мелкій дождь, а ночью температура опускалась до — 6° R.

15 августа мы выѣхали на р. Витимканъ, гдѣ должна была состояться по счету четвертая свадьба и куда былъ вызванъ сказочникъ. Путь въ 100 верстъ мы сдѣлали меньше чѣмъ въ два дня, по сравнительно хорошей дорогѣ, такъ какъ по нижнему теченію рр. Чины и Витимкана идетъ трактовая тропа Баргузинъ — Средній Витимъ и по всему тракту на разстояніи 40—50 верстъ, а въ иныхъ мѣстахъ и ближе, построены такъ называемыя «зимовья», гдѣ можно найти ночлегъ и кое-что изъ продуктовъ, правда по цѣнамъ далеко не умѣреннымъ. На р. Витимканъ мы нашли нѣсколько ороченскихъ юртъ и тамъ оставались до 5 сентября. За это время мы наблюдали всѣ главные виды камланія, нѣкоторые изъ нихъ по два раза, а одинъ разъ — при участіи 3 шамановъ. Здѣсь же были сдѣланы измѣренія 26 мужчинъ и 26 женщинъ, произведено много наблюденій этнографическихъ, еще разъ наблюдали свадьбу, погребеніе и смерть ребенка, различные виды сватовства; записано было 4 большихъ сказки, частью съ переводомъ, и продолжались занятія языкомъ; здѣсь же была приобрѣтена коллекція одеждъ, орудій для обработки кожъ и т. п. и пополнена коллекція атрибутовъ камланія (всего 131 предметъ). Недостатокъ выючныхъ лошадей не далъ намъ возможности приобрѣсть больше вещей, чѣмъ это было возможно. Вообще послѣднее время пребыванія среди ороченъ было особенно удачно, такъ какъ на Витимканъ съѣхалось, не считая одиночекъ, до 35 юртъ.

Главной причиной, заставившей насъ покинуть ороченъ, была полнѣйшая невозможность, по причинѣ легкости снаряженія, оставаться дольше на Витимскомъ плоскогоріи. 5 сентября мы, переваливъ черезъ Икатскій хребетъ, спустились въ долину р. Баргузина. Здѣсь мы оставались нѣсколько дней, и я продолжалъ работу со сказочникомъ ороченомъ. Проводники нами были отпущены съ Витимкана, такъ какъ они категорически отказались идти съ нами дальше, боясь новыхъ мѣстъ, а главное — переѣзда по желѣзной дорогѣ, какъ мы имъ предлагали; возвращеніе же черезъ всю баргузинскую тайгу и большую часть нерчинской, конечно, намъ не улыбалось, особенно въ виду того, что лошади были уже достаточно утомлены. Съ Витимкана мы взяли другихъ проводниковъ, одинъ изъ которыхъ былъ сказочникъ.

Долина р. Баргузина, гдѣ проходитъ телѣжная дорога, почти цѣликомъ, если не считать островковъ тунгусскаго обитанія, аселена

бурятами. Проведя среди нихъ три дня, мы прибыли въ г. Баргузинъ. Оттуда по почтовому тракту (273 версты) доѣхали до ст. Татаурово Забайкальской ж. д. 17 сентября мы прибыли въ Читу, откуда, сдавъ сѣдла и получивъ оставленные суммы, любезно данныя намъ Отдѣломъ И. Р. Г. О. и получивъ оставленные на храненіе вещи, выѣхали 20 сентября въ Петербургъ.

Надѣясь на опубликованіе въ ближайшемъ будущемъ нашихъ матеріаловъ по этнографіи, антропологіи и языку, я подведу только итоги. За все лѣто было собрано около 1.000 новыхъ словъ преимущественно изъ грамматическихъ текстовъ, записано свыше 700 фразъ и приблизительно $3\frac{1}{2}$ печатныхъ листа текстовъ, не считая къ нимъ перевода.

Этотъ матеріалъ даетъ возможность заключить, что существуетъ два «говора» — нерчинскій и баунтовскій, представляющіе не только фонетическія отличія, но и нѣкоторыя морфологическія. Кромѣ указанныхъ говоровъ существуетъ еще діалектъ ангарскій, по которому записей за недостаткомъ времени я сдѣлать не могъ. Діалектъ тунгусовъ кочевыхъ, баргузинскихъ и витимскихъ тѣсно подходитъ къ діалекту баунтовскихъ ороченъ.

За лѣто было измѣрено 85 мужчинъ и 26 женщинъ, что приходится считать вполне успѣшнымъ, считая, что число баунтовскихъ ороченъ, которые были изслѣдованы, едва ли превыситъ 700 человѣкъ обоого пола, включая сюда и дѣтей. Эти матеріалы были мною разработаны и даютъ основаніе для выдѣленія приблизительно двухъ типовъ, изъ которыхъ одинъ близко стоитъ къ длинноголовому типу кочевыхъ тунгусовъ, а другой представляетъ новое отличіе какъ отъ бурятъ, такъ и отъ типа, общаго кочевымъ тунгусамъ и ороченамъ. Наконецъ, можно думать о слабомъ вліяніи бурятъ.

Въ этнографическомъ отношеніи было обращено особое вниманіе на происхожденіе родовъ и ихъ устройство, бракъ, свадьбу, сватовство и особенно вѣрованія, причемъ собраны матеріалы по такъ называемому бѣлому и черному шаманству.

Въ теченіе всего путешествія дѣлались фотографическіе снимки (около 100 снимковъ, годныхъ для копированія), было зарисовано красками и карандашомъ свыше 100 орнаментовъ.

Е. Н. Широкогорова, какъ и въ предыдущемъ году, изучала музыку и сдѣлала, помимо записей при помощи фонографа (20 валиковъ), рядъ записей по слуху, что оказывается, по ея мнѣнію, возможнымъ, если характеръ музыкальнаго творчества народа понятъ. Изученіе матеріаловъ этого года еще больше подтвердило особенности ороченской музыки, которыя были отмѣчены выше. Кромѣ того Е. Н. Широкогорова помогала мнѣ во всѣхъ другихъ работахъ и особенно при антропометріи¹⁾.

За все лѣто нами было сдѣлано, не считая мелкихъ разѣздовъ, около 1.500 верстъ, изъ которыхъ около 1.000 верстъ верхомъ. Послѣ сдѣланнаго маршрута наши лошади пришли въ самое печальное состояніе; главная причина этого лежала въ томъ, что на Витимскомъ плоскогоріи въ концѣ августа уже совершенно не было корма, и лошади, за неимѣніемъ сѣна, были вынуждены питаться полугнилой травой и кустарникомъ. Насколько лошадь удобна въ качествѣ выючнаго животнаго лѣтомъ, когда есть кормъ, настолько она неудобна во времена года, когда нѣтъ травы. Безъ запасовъ сѣна пользоваться одной смѣной лошадей круглый годъ, безъ риска потерять ихъ, невозможно.

По окончаніи выючнаго пути лошади были проданы и притомъ по цѣнамъ довольно высокимъ.

Выражаю свою искреннюю благодарность В. В. Радлову, Л. Я. Штернбергу и В. Л. Котвичу за содѣйствіе и цѣнныя указанія, а также Русскому Комитету и Музею Антропологии и Этнографіи за предоставленные въ мое распоряженіе инструменты, фотографическіе аппараты, пластины, фонографъ, валики для него и денежные средства.

Денежный отчетъ.

Поѣздку 1912 года мы совершили на наши личные средства; въ 1913 году намъ было ассигновано 1.100 рублей и перерасходовано сверхъ ассигнованной суммы 216 рублей.

1) Замѣчу, кстати, что присутствіе Е. Н. Широкогоровой значительно упростило наши отношенія съ ороченцами, такъ какъ женщины къ ней отнеслись безъ боязни, а въ глазахъ мужчинъ присутствіе ея подтверждало мирный характеръ нашихъ разспросовъ.

Расходы были повышены противъ смѣты въ силу слѣдующихъ обстоятельствъ: 1) Мы были вынуждены ѣхать, по причинамъ, отъ насъ не зависѣвшимъ, не по удешевленному тарифу со студенческой экскурсіей, а оплачивая проѣздъ по желѣзной дорогѣ полностью. 2) Были вынуждены взять, вмѣсто одного, двухъ проводниковъ и произвести расходы по ихъ содержанію. 3) Произвести расходы по оплатѣ труда шамана и сказочниковъ. 4) Произвести расходы по передвиженію въ тайгѣ. 5) Повысить расходы по снаряженію, аптекѣ и т. п. 6) По личному содержанію внѣ тайги.

Расходы уменьшены противъ смѣты по: 1) приобрѣтенію лошадей съ соотвѣтствующимъ уменьшеніемъ дохода отъ продажи ихъ, 2) по приобрѣтенію упряжи и сѣделъ, 3) по личному содержанію въ тайгѣ.

Расходъ:

Лошади вмѣстѣ съ ковкой.	295
Сѣдла и упряжь.	20
Снаряженіе, подарки, аптека, багажъ, почта и пр.	197
Проводникамъ: орочену, тунгусу и двумъ русскимъ	285
Продовольствіе проводниковъ.	52
Консервы.	114
Продовольствіе наше въ тайгѣ.	75
Сказочникамъ и шаману.	50
Передвиженіе на колесахъ.	49
Передвиженіе по жел. дор.	204
Личное содержаніе внѣ тайги.	140
Итого.	1.481 руб.
Доходъ отъ продажи лошадей.	165
Всего.	1.316 руб.
По ассигновкѣ получено.	1.100
Перерасходъ.	216 руб.

Отчетъ Б. В. Вампилуна о поѣздѣ къ бурятамъ Иркутской губерніи лѣтомъ 1913 г.

Работу я началъ 7-го іюня 1913 года, по пріѣздѣ изъ Петербурга на родину. Въ районъ моихъ работъ входили Балаганскій и Нижнеудинскій уѣзды Иркутской губерніи. Въ Балаганскомъ уѣздѣ я былъ въ слѣдующихъ вѣдомствахъ (вѣдомства въ настоящее время разбиты на волости): Аларскомъ, Куйтинскомъ, Боханскомъ, Укырскомъ, Кахинскомъ, Бильчирскомъ и Мольхинскомъ. Во всѣхъ перечисленныхъ пунктахъ буряты живутъ смежно съ русскими, но не черезполосно. Въ Балаганскомъ уѣздѣ я пробылъ до 27 іюля, а въ концѣ іюля выѣхалъ въ Нижнеудинскій уѣздъ, намѣреваясь пробыть тамъ до конца августа; но работать въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ мнѣ не пришлось по случаю тифозной эпидеміи, бывшей тамъ прошлымъ лѣтомъ; поэтому я принужденъ былъ вернуться обратно въ Балаганскій уѣздъ и пробыть тамъ до конца августа.

Лѣтнія полевые работы мѣшали мнѣ въ выполненіи моихъ работъ: мужчины отъ стараго до малаго работали на поляхъ. Еще сравнительно недавно, 40—50 лѣтъ тому назадъ, мужчины не работали на поляхъ; лѣтнее время они проводили въ улусѣ за чашкой тарасуна (молочная водка) въ состязаніи — кто кого перещегооляетъ въ остроуміи и знаніи старины (хүшің хүйр); по замѣчанію почтенныхъ стариковъ, это было время, когда народную старину можно было черпать гдѣ угодно и когда угодно, но измѣнились времена, какъ говорятъ тѣ же старики, и вмѣстѣ съ тѣмъ измелъчалъ народъ; онъ забылъ старину, — все пошло по-новому...

Попутно съ записью фольклора я разспрашивалъ объ исторіи расселенія бурятъ, гдѣ жили ихъ предки до занятія обитаемаго ими въ настоящее время мѣста, а также знакомился съ другими вопросами, имѣющими тѣсную связь съ бурятской жизнью.

Буряты бельчирскіе выводятъ своихъ предковъ изъ хѳгѣ'я, жившаго нѣкогда въ мѣстечкѣ «бѳхѳ нуѳа бѳлѳг ѳшѳнеѳ», которое въ настоящее время извѣстно подъ названіемъ улуса «ерѳгшіте» въ Верхоненскомъ уѣздѣ. Молюкинскіе буряты происходятъ отъ улѳхѳт'овъ¹, которые, по ихъ разсказамъ, тоже представляютъ собою выходцевъ изъ Верхоненскаго уѣзда. Причина переселенія предковъ бельчирскихъ бурятъ, двухъ сыновей хѳгѣ'я¹, была та, что они, выслѣживая соболей, дошли до долины Белшір, которая поразила охотниковъ своею красотою и удобствомъ для охоты, и они рѣшили остаться здѣсь жить. Укырскіе и боханскіе буряты тоже приковывали изъ предѣловъ Верхоненскаго уѣзда, на что указываютъ многочисленныя преданія, а также и то, что они вывели съ собою по камню изъ старыхъ жертвенниковъ, на которыхъ сожигали кости жертвенныхъ животныхъ, на новыя стойбища для закладки новыхъ жертвенниковъ, которыхъ немало и въ настоящее время у этихъ бурятъ. Очевидно, первоначально большинство хѳрт-булѳат'овъ, если не всѣ, жило въ предѣлахъ Верхоненскаго уѣзда, а отсюда разселеніе шло дальше на сѣверъ.

Въ церемоніяхъ вступленія въ бракъ традиція предковъ у бурятъ Балаганскаго уѣзда постепенно утрачивается. Напр., въ Молюкинскомъ вѣдомствѣ въ четвертомъ колѣнѣ представители одного и того же рода вступаютъ въ бракъ, а раньше строго соблюдали правило не вступать въ бракъ въ одномъ и томъ же родѣ. Со стороны мужской и женской линіи двоюродный братъ женится на двоюродной сестрѣ, если послѣдняя родилась въ чужомъ родѣ. Подобные браки мнѣ пришлось встрѣчать у аларскихъ, кахинскихъ, укырскихъ и молюкинскихъ бурятъ, и я слышалъ, что ихъ можно встрѣтить повсемѣстно у бурятъ Иркутской губерніи. На послѣдняго рода бракъ буряты смотрятъ весьма отрицательно, даже въ большинствѣ случаевъ избѣгаютъ разговора на эту тему, говоря: «сѳртѣ јѳмдѣ тереш» (это — вещь грѣховная); при этихъ словахъ и, вообще, когда рѣчь заходила на эту тему, я всегда замѣчалъ безпокойное движеніе моихъ собесѣдниковъ, перемѣну въ выраженіяхъ лица, — чувствовалъ, что моими разспросами на этотъ счетъ я ставлю ихъ въ весьма неудобное положеніе, и изъ чувства уваженія къ нимъ переводилъ разговоръ на другую тему. Если на по-

¹ роды, происшедшіе отъ кости хѳрт булѳат.

добный брак буряты въ настоящее время смотрятъ, какъ на «вещь грѣховную», то, пожалуй, можно предположить, что въ старину его не было совсѣмъ, а также пока не встрѣчается онъ ни въ бурятскихъ сказкахъ, ни въ поэмахъ, въ которыхъ герои, обыкновенно, находятъ себѣ невѣсту за три-десять земель, въ чужомъ ханствѣ, преодолевая большія препятствія. Бракъ между родственниками, исключая брака двоюродныхъ сестеръ и братьевъ, у бурятъ въ Балаганскомъ уѣздѣ весьма желательное явленіе, если женихъ и невѣста достаточно надѣлены физическими и умственными качествами: родные невѣсты надѣются на лучшее обращеніе съ дочерью со стороны родныхъ жениха, такъ какъ при родственныхъ бракахъ, по словамъ бурятъ, невѣста приѣзжаетъ «въ свой родной домъ» («гертѣ јереһең делі јерхѣм-бѣдаі») и, наконецъ, роднымъ жениха бываетъ жалко упустить родственницу, а роднымъ невѣсты — выдать ее за чужого человѣка, — это независимо отъ ея личнаго счастья: «ондѣ хѣнде ѳхѣң харамтаі јѣмедаі» (жалъ выдать за чужого). Очевидно, родственнымъ бракамъ, какъ можно судить на основаніи высказанныхъ выше бурятами мнѣній, способствуетъ семейный и родственный эгоизмъ. Очень часто имѣетъ мѣсто обмѣнная выдача невѣстъ (анда-ла́та): родители выдаютъ свою дочь замужъ, а сына женятъ на сестрѣ зятя, что съ обѣихъ сторонъ устраиваетъ калымъ. Бываютъ браки: «ахајѣ» или «дѣгеі хѳгшѣнде һуха» (женитьба на женѣ брата), по смерти женатаго брата неженатый братъ вступаетъ въ бракъ съ женой умершаго брата. Подобные браки происходятъ по чисто матеріальнымъ соображеніямъ, такъ какъ при этомъ женихъ не только не расходуется на калымъ, но еще будетъ пользоваться тѣмъ скотомъ, который имѣетъ невѣста (жена брата) въ видѣ приданаго отъ родного отца, и который она могла бы угнать съ собой, какъ ея неприкосновенную собственность, еслибы ей пришлось по смерти мужа вернуться въ домъ отца; но, съ другой стороны, такой бракъ въ равной мѣрѣ зависитъ и отъ желанія жены брата: если она не пожелаетъ супружеской жизни съ братомъ умершаго мужа, то никто не можетъ принудить ее на бракъ, а если она соглашается на подобный бракъ, то, въ виду того, что она сжилась съ родными брата, и она понимаетъ всю трудность привыкать къ новымъ лицамъ, еслибы она вышла замужъ за другого человѣка. За послѣднее время браки часто происходятъ

по любви; подобные браки нарушили прежнія сословно-классовыя перегородки, не позволявшія вступать въ бракъ съ равными по положенію (поюң) и имущественному состоянію (бајаң). При послѣднихъ бракахъ калымъ часто отсутствуетъ.

Отношеніе въ семьѣ основано на почитаніи родителей. Жена во всемъ имѣетъ равныя права съ мужемъ,—во всякомъ дѣлѣ они совѣтуются; по въ присутствіи посторонняго человѣка, хотя бы близкаго, женщина предпочитаетъ не вступать въ разговоры, носящіе общественный, мірской характеръ, такъ какъ, по понятіямъ бурятъ, некрасиво и даже предосудительно вмѣшиваться женщиной въ подобные разговоры. Дѣти безпрекословно подчиняются родителямъ, даже не смѣя имѣть собственное мнѣніе о чемъ-либо, и только по достиженіи совершеннолѣтія могутъ высказывать свое мнѣніе о хозяйственныхъ и др. дѣлахъ; инициатива и осуществленіе всякаго дѣла все же остается за отцомъ, если онъ не старъ.

Въ утвари у бурятъ — большое разнообразіе; посуда фабрично-заводскаго издѣлія встрѣчается у нихъ въ болѣшемъ разнообразіи, чѣмъ у сосѣднихъ русскихъ крестьянъ, но она еще не вытѣснила старую деревянную миску (сара), деревянную ложку (халбаа), деревянное корытце-блюдо (тебше); серебряная, мѣдная, цинковая посуда въ кухняхъ богатыхъ бурятъ — не рѣдкость.

Планировка усадьбы за послѣднее время мѣняется: юрта постепенно отходитъ на задній планъ; ее стали большею частью строить на скотномъ дворѣ, а раньше она ставилась на самомъ видномъ мѣстѣ, образуя съ жилымъ домомъ и амбаромъ вершины равносторонняго треугольника, между которыми заключался главный дворъ.

Съ этнографическими цѣлями мнѣ было поручено сфотографировать мѣстные типы, шаманскіе обряды и пр.; кромѣ того мнѣ былъ данъ фонографъ для собиранія бурятскихъ мотивовъ. Сфотографировать шаманскіе обряды мнѣ не удалось по причинѣ громоздкости и неподвижности фотографическаго аппарата, хотя мнѣ всюду разрѣшали дѣлать снимки. Посредствомъ фонографа мнѣ удалось собрать самые разнообразные мотивы пѣсенъ и нѣсколько шаманскихъ мотивовъ. Во многихъ мѣстахъ сначала отказывались пѣть въ фонографъ, опасаясь, что я посредствомъ «этой машины» ловлю душу поющаго и запираю въ ящикъ. Благодаря тому, что рупоръ случайно былъ взятъ отъ другого

фонографа, нѣкоторые мотивы вышли немного дребезжащими, пока я не догадался предупредить недостатокъ. Записать на фонографѣ «Алтаң шабаі мербең» и «Харасбаі мербең», — одну изъ главъ Гесер'а, которую я нашелъ лѣтомъ 1912 г. въ Кахинскомъ вѣдомствѣ, — мнѣ не удалось за отсутствіемъ рапсода.

Въ лексическомъ и фонетическомъ отношеніяхъ говоры балаганскихъ бурятъ нѣсколько отличаются другъ отъ друга. Для примѣра этого различія возьму два говора: аларскій и укырскій (говоръ идинскихъ бурятъ).

у б. укырскихъ.

I. Тобѡ ѹха

II. хілѣме ѹха

III. харбуилдā

IV. генежерхе

V. атаба

VI. ханѣалтар тобѡң¹

у б. аларскихъ.

I. тобѡ ѡал дѣреѣе абаха I. (снять котелъ съ огня).

II. хілѣме сбл сбѡ абаха II. (вынимать хлѣбъ изъ печки).

III. даірілдā III. (встрѣтились).

IV. ѡвѡшерхе IV. (осиротѣть).

V. хажѹрі еше V. (ручка литовки).

VI. јембе тобѡң VI. (чугун. котелокъ для варки чая).

и т. п.

I. ѡѣртѣ

II. ѡаірім

III. јабнāѣем

IV. марташкѡб

I. ѡѣттѣ

II. ѡаіб

III. јабнахīm, јабнāхīm

IV. марташхāб(i)

I. (смѣшной).

II. (лужа).

III. (идеть же).

IV. (забылъ).

и т. п.

Необходимо замѣтить, что чистый звукъ «к», — какъ онъ произносится въ словахъ јабнāѣем, марташкѡб, — въ бурятскомъ языкѣ я встрѣтилъ только въ укырскомъ говорѣ, а больше нигдѣ не слышалъ.

Подобныхъ параллелей, показывающихъ различіе лексическаго и фонетическаго матеріала говоровъ балаганскихъ бурятъ, мною записано много. Изъ устнаго матеріала балаганцевъ записать удалось мнѣ лишь слѣдующіе рассказы въ прозѣ:

Гесер хāң

хара хатаһі хубѹң Шудармāң

¹ ханѣалтар тобѡң — встрѣчается также въ поэмахъ ехріт-булбат'овъ.

бурайт б̄ѣ б̄ѣ болоһоң ушір
бураіһі бурайт болоһоң ушір
шіне зај̄аң (въ стихахъ)
Ур̄бің оз̄ураһ̄а олоһоң Обоһоң
јірең хад
уһаң хад

Оңгоің т̄д̄е Бар̄анаг (записанъ также обрядъ жертво-
приношенія оңгоің т̄д̄е Бар̄анаг);

Мною также записано около 300 п̄ѣсенъ разнообразнаго содержанія.

Б. Вампилунг.

Отчетъ А. Н. Никифорова о поѣздѣ въ Якутскую область лѣтомъ 1911 г.¹⁾

Весною 1911 года, рѣшивъ на лѣто съѣздить на свою родину въ Якутскую область, я пожелалъ использовать свою поѣздку для собиранія матеріаловъ по народному творчеству якутовъ и въ особенности добыть матеріалы по шаманству, обряды котораго по понятнымъ причинамъ за послѣднее время изъ года въ годъ безвозвратно выводятся изъ употребленія и забываются.

Выѣхавъ изъ Петербурга 11 мая въ качествѣ участника студенческой экскурсіи, организованной «Обществомъ изученія Сибири и улучшенія ея быта», я въ свое родное селеніе Хордобой, находящееся около почтово-пароходной пристани на р. Ленѣ Рассолоды на 40 верстъ выше г. Якутска, прибылъ только 13 іюня. Это самая глухая пора въ краѣ, потому что сношенія, въ особенности дальнія, замираютъ какъ въ виду скорого начала покосной страды и связанныхъ съ этимъ приготовленій, такъ и въ виду вообще лѣтняго времени, когда только богатые имѣютъ надобность и возможность держать у себя верховыхъ лошадей, и то въ очень ограниченномъ числѣ, дабы на зиму имѣть побольше лошадей, нагулявшихъ себѣ за лѣто на свободѣ много жиру, значить, и силы. Всѣхъ знакомыхъ, которые могли помочь мнѣ своею освѣдомленностью о нахожденіи шамановъ, я разспрашивалъ и сообщалъ имъ о своемъ желаніи видѣть и говорить съ шаманами о старинной якутской вѣрѣ и записывать ихъ слова и заклинанія. Это имъ казалось страннымъ, и они недоумѣвали, кому и для чего понадо-

1) Настоящій отчетъ является посмертной работой Алексѣя Никифоровича Никифорова, даровитаго якута, окончившаго юридическій факультетъ Петроградскаго Университета и вскорѣ (въ мартѣ 1916 г.) умершаго въ Томскѣ отъ чахотки. Редакція «Извѣстій» проситъ всѣхъ лицъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи какіе-либо этнографическіе матеріалы покойнаго А. Н., сообщить таковыя ей для напечатанія.

билось все это. Я старался разсѣять отгѣнокъ подозрѣнія, чувствовалъ въ этихъ вопросахъ, и давать вразумительное для нихъ разъясненіе о смыслѣ и значеніи предполагаемой работы. Свѣдѣнія о шаманахъ, иногда не совсѣмъ опредѣленные и точныя, стали послѣ этого понемногу набираться.

Первая значительная запись, собственно не о шаманствѣ, но касающаяся древняго вѣрованія якутовъ, была произведена мною 21 іюня въ г. Якутскѣ въ домѣ интеллигентнаго якута И. С. Говорова, который, узнавъ, что я вообще интересуюсь «древностями» якутовъ, уломалъ своего не совсѣмъ сговорчиваго родственника, пѣвца и сказочника Дм. Говорова, спѣть мнѣ пѣсню сказочнаго богатыря, въ которой богатырь, отправляясь въ погоню за своей похищенной сестрой, прощается съ духомъ своего домашняго огня въ самыхъ глубоко почтительныхъ и нѣжно признательныхъ выраженіяхъ и какъ бы вручаетъ его попеченію за время своего отсутствія все свое домашнее обзаведеніе. Послѣ того какъ пѣвецъ пропѣлъ эту пѣсню, удалось уговорить его продиктовать ее для записыванія, но отъ дальнѣйшихъ услугъ для записи другихъ пѣсень онъ категорически отказался, говоря, что пріѣхалъ въ городъ специально для закупокъ на покосъ и ни за что не можетъ запоздать и отстать отъ попутчиковъ, и что если это такъ нужно, то можно бы какъ-нибудь встрѣтиться зимой, въ свободное время.

28 іюня, взявъ своего отца въ качествѣ проводника, я поѣхалъ къ шаману Цалбѣрки, который по нашимъ свѣдѣніямъ долженъ былъ проживать отъ насъ верстахъ въ 25, въ Октемскомъ наслегѣ. Такъ какъ нашъ путь лежалъ чрезъ рѣку, гдѣ не только общественнаго парома, но и частнаго перевоза на лодкѣ не имѣется, то мы поѣхали на берестяной веткѣ, хотя и было жутковато, потому что р. Лена въ этомъ мѣстѣ расширяется до 5 верстъ. По пріѣздѣ въ Октемцы, оказалось, что шаманъ нашъ еще осенью истекшаго года распродалъ свой скотъ по случаю безкормицы и на зиму уѣхалъ жить на верховьѣ отдаленной рѣчки Тіт Ёрѣх, откуда, по слухамъ, возвратится, но когда — неизвѣстно.

Стали разспрашивать про другихъ шамановъ, и удалось узнать, что недалеко, верстахъ въ 15, въ Хаксытскомъ наслегѣ живетъ пришедшая, по случаю голодовки, изъ Ботурускаго улуса семья, мать

которой — шаманка, хоть и не важная, такъ какъ, гада на картахъ, ничего почти не узнаетъ и не предсказываетъ. Тѣмъ не менѣе я рѣшилъ не упустить ее, думая, что и она дастъ что-нибудь интересное. Взявъ мѣстнаго человѣка въ проводники и верховую лошадь, на которой пришлось ѣхать съ проводникомъ вдвоемъ, отправился на поиски. Запасся бутылкой водки, такъ какъ, по компетентному мнѣнію сородичей, невозможно, чтобы какое-нибудь важное дѣло дѣлалось безъ водки, а тѣмъ болѣе моя предполагаемая бесѣда по такому необычному вопросу. Послѣ долгихъ поисковъ въ разныхъ поселкахъ, мы нашли ее не тамъ, гдѣ она должна была быть, по даннымъ намъ указаніямъ. Но и тутъ постигла насъ неудача. Хотя шаманка наша со своей семьей жила не отдѣльнымъ домомъ, но вмѣстѣ съ другой семьей, въ качествѣ цуканъ'а, — т. е. соквартиранта, занимающаго часть общей юрты, — она сразу поняла, что мы пріѣхали къ ней; поэтому она держалась настояжѣ, выжидательно и солидно, съ сознаніемъ собственного достоинства. Когда же она узнала, что мы, два неизвѣстныхъ молодыхъ человѣка, пріѣхали къ ней не отъ больного, а ради какого-то, на ея взглядъ, празднаго любопытства, то увидѣла, что обманулась въ своихъ нескрываемыхъ надеждахъ получить приглашеніе, и разсердилась. Съ видимымъ недовольствомъ она упорно отказывалась вступать въ разговоры вообще о шаманствѣ, а тѣмъ болѣе повторить заклинанія и заговоры, произносимые при камланіи. Она говорила, что даже при желаніи она не сумѣла бы «передать», находясь «въ этомъ простомъ состояніи» (ама олороммун), и предлагала намъ найти больного и позвать ее въ обычномъ порядкѣ.

Когда же мы, дѣлая послѣднее усиліе, выставили запасенную бутылку водки на столъ и опять стали упрашивать, то она нѣсколько успокоилась, смягчилась и готова была уважить просьбу, поддержанную столь убѣдительнымъ образомъ. Но тутъ выступили со злобной бранью по адресу шаманки ея мужъ и старшій сынъ и намъ испортили все дѣло. Сынъ, съ глубокомысленнымъ возмущеніемъ усматривая въ насъ какихъ-то провокаторовъ, злобно спрашивалъ свою мать: «Да ты, глупая, знаешь ли внутреннюю пестроту и наружную полосатость этихъ незнакомецъ?» Тогда наша шаманка перемѣнила тактику и стала дѣлать видъ, какъ будто она и не думала уступать. Послѣ этого намъ оставалось только уйти.

Такая крайняя подозрительность и несговорчивость отчасти понятна, если принять въ соображеніе особое положеніе этой семьи: это — люди пришлые, проживающіе среди незнакомыхъ омуковъ (т. е. чужихъ, чужеземцевъ), и на совѣсти ихъ лежитъ тяжесть занятія дѣломъ, къ которому большинство питаетъ боязливое нерасположеніе или даже прямо мистическій ужасъ, и поэтому они отовсюду ждутъ себѣ непріятностей и разныхъ происковъ.

5 іюля я поѣхалъ въ 1-й Тылыминскій паслегъ въ сторону отъ р. Лены, верстахъ въ 60 отъ нашего селенія, къ старому шаману Оппојо, который въ свое время слылъ за шамана хорошаго, «дѣйствительно имѣющаго злыхъ духовъ» (абасылах), и поражалъ всѣхъ разными своими волшебными фокусами. Онъ и теперь продолжалъ устрашать всѣхъ своимъ строптивымъ нравомъ и привычнымъ сквернословіемъ.

Оппојо, вопреки обыкновенію якутовъ, и лѣтомъ проживалъ въ зимникѣ на своей уединенной маленькой елани, гдѣ было только одно его жилье, такъ что найти его было довольно трудно, несмотря на то, что мой проводникъ былъ человекъ, привыкшій разбираться въ таежныхъ тропинкахъ. Мы застали его совершенно голымъ, безъ рубашки и безъ прикрытія лежащимъ на переднемъ оронѣ, т. е. на неподвижномъ прилавкѣ у стѣнки юрты. Когда за нами прихлопнулась наклонная дверь юрты, онъ, восторженно, быстро присѣлъ, выкрикнувъ залпомъ кучу вопросовъ: «Кто? откуда? куда? зачѣмъ?» и принялъ напряженно вопросительную позу, лихо приподнявъ голову и съ нетерпѣливымъ интересомъ приоткрывъ ротъ. Онъ былъ слѣпой и глуховатый, но плотный и бодрый старикъ. Догадавшись изъ отвѣта, что мой проводникъ — человекъ ему извѣстный, зять одного богача, и узнавъ отъ него, что я обучаюсь въ столицѣ и, значитъ, по его представленіямъ — будущій чиновникъ, онъ сталъ помягче и почтительнѣе. Оппојо оказался очень сговорчивымъ, но, къ сожалѣнію, въ отвѣтъ на просьбу продиктовать заклинанія, произносимыя при камланіи, онъ объяснилъ, что это невозможно сдѣлать въ простомъ, обычномъ состояніи. Во время дѣйствительнаго камланія это легко потому, — разъяснялъ онъ дальше, — что тогда «повторяешь только готовое за голосомъ, говорящимъ за затылкомъ». Поэтому онъ пропѣлъ только одно коротенькое заклинаніе при выпроваживаніи злого духа, засѣвшаго въ больномъ, которое и записано мною.

Затѣмъ со словъ Оппојо записано около 6-ти страницъ разныхъ отрывочныхъ свѣдѣній по шаманству, напр., о томъ, какъ онъ сдѣлался шаманомъ, о бѣлыхъ шаманахъ, имена главныхъ абасы, о ритуалѣ ковки желѣзныхъ частей костюма и т. под. Костюмъ его былъ очень старинный и богатъ разными привѣсками, но такъ какъ онъ представленъ въ музей Антропологии и Этнографии и описанъ особо, то здѣсь на его подробностяхъ я не останавлиюсь. Въ цѣнѣ на костюмъ въ первый разъ мы сошлись было на 28 рубляхъ, но у меня оказался недохватъ въ деньгахъ; тогда рѣшили, что я еще приѣду къ нему въ другой разъ передъ ярмаркой на Рассолодѣ, къ 21 іюля, и къ тому времени онъ, можетъ-быть, найдетъ сказать что-нибудь новое.

Когда я въ назначенное время 21 іюля приѣхалъ къ Оппојо во второй разъ, то оказалось, что шаманъ съ женой ушелъ побираться по наслегу, оставивъ дома свою единственную дочь и ея мужа, которые работали на покосѣ. Оставшись переночевать за позднимъ временемъ, я старался соснуть, но новая обстановка и голодные блохи дѣлали мои усилія тщетными, и потому я съ разсвѣтомъ поспѣшилъ поѣхать вслѣдъ за Оппојо. Когда я догналъ его въ одномъ домѣ верстъ за 7, то онъ даже напустилъ на себя видъ, какъ будто и забылъ, что я долженъ былъ по уговору приѣхать за костюмомъ, и заявилъ, что костюмъ уже проданъ одному начинающему шаману. Въ общемъ онъ сталъ вести неподступную тактику и совершенно убѣгалъ отъ меня въ другой домъ. Я догадываюсь, что вретъ, чтобы цѣну надбавить, и, дѣлать нечего, прибавляю, но онъ и слышать не хочетъ, повторяя, что уже костюма нѣтъ. Пришлось ни съ чѣмъ возвратиться къ себѣ, обдумывая новый планъ воздѣйствія на него черезъ его богатыхъ патроновъ. Это все-таки удалось въ послѣдствіи, въ третью поѣздку 10 августа, послѣ того какъ Оппојо своему подговоренному мною патрону далъ слово продать костюмъ за 35 рублей съ придачей четверти водки. Въ отношеніи пополненія матеріаловъ Оппојо и на этотъ послѣдній разъ не оказалъ большихъ услугъ и только успѣлъ кое-какъ назвать принадлежности костюма и затѣмъ, не утерпѣвъ, несмотря на просьбы повременить, напился допьяна, откровенно заявляя, что онъ больше радъ водкѣ, чѣмъ деньгамъ, и безъ нея бы не далъ костюма.

Продолжая разспросы о шаманахъ, я между прочимъ узналъ, что въ мартѣ текущаго года недалеко отъ насъ, верстахъ въ 10-ти, было

шаманское камланіе надъ больной глазами съ приношеніемъ въ жертву скотины и что заготовленная тогда обстановка, выброшенная послѣ употребленія въ глухой лѣсъ, должна еще лежать тамъ въ цѣлости и сохранности. Тогда я нарочно отыскалъ одного толковаго участника того жертвоприношенія, якута Н. Никифорова (по прозванію Нѣннѹр). Съ нимъ 20 іюля мы разыскали въ лѣсу, поодаль отъ зимника, гдѣ происходило камланіе, кучу выброшенныхъ принадлежностей жертвоприношенія. Здѣсь же, на мѣстѣ находки, Нѣннѹр, по моей просьбѣ, расположилъ эти принадлежности въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ были во время камланія, и послѣ этого я по порядку закрѣпилъ названія на бумагѣ. Въ комплектъ, взятый нами здѣсь, входили слѣдующія вещи: 9 штукъ дощатыхъ изображеній разныхъ птицъ; изображающій двуглавое существо столикъ объ одной ножкѣ, на которой вертится, какъ на оси, модель лодки съ парусомъ и съ изображеніемъ рулевого и гребца; длинная пестрая бечевка изъ конской гривы съ 18 (продѣтыми между утками бечевки) пучками бѣлыхъ волосъ изъ гривы; 9 палочекъ, изображающихъ рыбъ съ обратными чешуями, и, наконецъ, отрѣзокъ верхней «лицевой» части шеста, изображавшаго коновязь. Въ виду неудобства перевозки, прочія принадлежности обстановки пришлось оставить на мѣстѣ, именно: 9 лиственничныхъ шестовъ съ нетронутой корой, длиною сажени въ полторы, которые служили подставками для 9 птицъ, и 9 свѣже-срѣзанныхъ молодыхъ лиственницъ съ полными нетронутыми кронами, которыя втыкались попеременно, чередуясь съ 9 птицами, вытянутыми одна за другой, начиная послѣ первой птицы.

Далѣе, со словъ Нѣннѹр'а, были записаны названія и распорядокъ предметовъ, необходимыхъ при камланіи для убранства стола, и которыхъ на мѣстѣ не оказалось, такъ какъ они, представляя нѣкоторую цѣнность, не выбрасываются, какъ ненужное. Взятые принадлежности доставлены въ Музей Антропологии и Этнографіи.

23 іюля, когда на Рассолодѣ открылась ярмарка сплавщиковъ товара по р. Ленѣ, я нашелъ тамъ шамана Цалбѣрка, т. е. того самаго, за которымъ я ѣздилъ 28 іюня въ Октемскій наслегъ. Заставъ его не совсѣмъ трезвымъ и не удовлетворившись его сообщеніями объ именахъ абасы, т. е. злыхъ духовъ, я заручился его обѣщаніемъ, что если я поѣду къ нему въ Октемцы, то онъ къ тому времени

успѣть отрезвиться и скажетъ все, что знаетъ относительно шаманства, и, кстати, покажетъ свой костюмъ и бубенъ. Теперь же онъ торопился, чтобы не упустить своихъ спутниковъ, тѣмъ болѣе что его ждали дома неотложныя сѣнокосныя работы. Хотя и было страшновато на берестяной веткѣ, но на этотъ разъ черезъ рѣку я отправился безъ взрослого проводника, такъ какъ стояла покосная страда, и взялъ съ собой напросившагося подростка-ученика Семенчика, который, кстати, могъ бы при записываніи помогать и самъ приглядывать и интересовываться. По приѣздѣ оказалось, что у нашего шамана есть только бубенъ и немного желѣзныхъ частей отъ костюма, для обзаведенія же полнымъ костюмомъ Цалбѣрка, по бѣдности, не могъ достать ровдуги. Бубенъ — большой, звучный, и на крестовинѣ его завязаны бѣлые волосы отъ конской гривы, откуда шаманъ, по приходѣ въ домъ для камланія, беретъ пучокъ и бросаетъ въ огонь въ качествѣ гостинцевъ духу домашняго очага. Этотъ фактъ интересно сопоставить съ данными литературы¹⁾, по которымъ налчіе бѣлыхъ волосъ принимается какъ признакъ принадлежности бубна бѣлому шаману, тогда какъ нашъ Цалбѣрка являлся обыкновеннымъ чернымъ шаманомъ.

Здѣсь отъ Цалбѣрка мною записаны были свѣдѣнія, нужныя для описанія бубна, обрядности приготовленія его, въкоторыя свѣдѣнія о посвященіи шамана; затѣмъ отъ него же получены свѣдѣнія о внѣшней обстановкѣ цалбыѣ, т. е. чина предварительнаго камланія падъ больнымъ, чтобы установить, какимъ абасы (злой духъ) одержимъ больной, согласенъ ли онъ, абасы, принять жертвы, и если да, то какую скотину и когда требуется. При этомъ Цалбѣрка обычно обращается къ духу огня, проклиная передъ нимъ свою несчастную судьбу, подчеркивая этимъ какъ бы безкорыстіе и самоотверженіе своего труднаго шаманскаго служенія, и призываетъ на помощь въ предстоящемъ дѣлѣ всѣхъ своихъ предковъ-шамановъ, числомъ и пменами которыхъ онъ очень гордится. Отъ Цалбѣрка приобрѣтенъ мною его бубенъ, который доставленъ въ Музей Антропологии и Этнографіи.

1) Ср. В. Ф. Троцанскій. Эволюція черной вѣры (шаманства) у якутовъ (Каз. 1902), стр. 133.

2 августа я имѣлъ въ г. Якутскѣ встрѣчу съ пѣвцомъ-сказочникомъ и знахаремъ Олѣдо, который при случаѣ и шаманить, хотя и мало кто вѣритъ въ его шаманскую силу. Онъ, между прочимъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ на этнографическомъ вечерѣ якутскаго клуба выступалъ для демонстраціи какъ якутскій шаманъ и даже фигурируетъ на этнографическихъ открыткахъ въ качествѣ шамана. Я попросилъ его, чтобы онъ отъ начала до конца разсказалъ возможно точнѣе все, что дѣлается и говорится шаманомъ при камланіи надъ больнымъ. Онъ сдѣлалъ видъ, что согласенъ, попросилъ только повременить до другого раза, такъ какъ у него есть неотложное дѣло по залѣчиванію перелома ноги, но въ назначенный срокъ не явился, и больше я его не видѣлъ.

Время съ 3 по 5 августа я употребилъ на разыскиваніе и бесѣду съ кузнецомъ и шаманомъ Бѣтрѣнѣй, который за послѣднее время не шаманилъ и не имѣлъ костюма. О немъ я узналъ отъ одного богатаго стараго якута, какъ о замѣчательномъ мастерѣ дѣлать заклинанія и вообще разсказывать. Онъ жилъ въ Багарадскомъ наслегѣ, верстахъ въ 20 отъ г. Якутска. Нашелъ я его не дома, а за покосной работой на одномъ островѣ р. Лены. У него удалось записать довольно большой матеріалъ: заклинанія, обращенныя къ духу земли, домашнего очага, къ шаманскому богу—Кălălănî, злему духу по имени Чуонах, и заговоръ при высѣканіи огня надъ головною сыпью ребенка. Затѣмъ записано очень интересное, многимъ неизвѣстное, преданіе о предкѣ якутовъ Омоѣоі-Бăi'ѣ, который сдѣлался шаманскимъ богомъ Кălălănî въ наказаніе за дурное и высокомерное отношеніе къ своему зятю Äp-Ällăi'ю, очень почитаемому якутами за то, что онъ является первымъ устройтелемъ ысыах'а (т. е. весенняго кумыснаго праздника) и также зачинателемъ вообще всѣхъ техническихъ искусствъ у якутовъ, напр., кузнечнаго дѣла, умѣнья строить якутскую юрту, дѣлать чумалъ, деревянную посуду и пр. Отъ Бѣтрѣнѣй записано около 25 страницъ.

7 и 8 августа. Былъ въ 1-мъ Нерюктейскомъ наслегѣ у популярнѣйшаго изъ всѣхъ современныхъ шамановъ Хабырѣс'а, т. е. Гавріила (онъ же Хоѣѣбул и Хат-Хабырѣс). Этотъ серіозный, высокій сутуловатый старикъ, противъ моего ожиданія, оказался не надменнымъ шаманомъ, привыкшимъ внушать мистическій страхъ

окружающимъ, но самымъ простымъ и наивнымъ смертнымъ, который очень испугался меня, вообразивъ, что я, вѣроятно, приѣхалъ ни больше, ни меньше, какъ отдать его за шаманство на богомолье или даже «сослать въ Жиганскъ», такъ какъ онъ слышалъ, что всѣхъ шамановъ будутъ высылать. Онъ очень волновался и, приступая къ бесѣдѣ, какъ къ неизбежному злу, совалъ мнѣ даже деньги, умолая, чтобы я записывалъ «улучшая», дабы ему не вышло плохо. Несмотря на самыя мягкія увѣренія и успокаиванія, что ничего дурного не будетъ, онъ нѣсколько разъ спрашивалъ меня, что его ожидаетъ за шаманство.

Отъ него записаны мною имена верхнихъ и нижнихъ или, иначе, сѣверныхъ злыхъ духовъ съ указаніемъ болѣзней, посылаемыхъ ими; полный чинъ совершенія цалбыѵѵ, т. е. предварительнаго камланія; перечень предметовъ, нужныхъ при самомъ камланіи съ жертвоприношеніемъ, объясненія относительно костюма и бубна. Я записалъ также его рассказы о посвященіи его въ шаманы; о томъ, что привидѣлось ему за время суточного замиранія, которому подвергся онъ 18-ти лѣтъ въ періодъ призыванія его къ шаманскому служенію; о томъ, какъ верхніе аѵѵ (т. е. добрые духи) производили надъ нимъ анатомическое изслѣдованіе для выясненія того, созрѣлъ ли онъ для своего отвѣтственнаго шаманскаго служенія, каковое изслѣдованіе производится надъ каждымъ значительнымъ шаманомъ. Въ заключеніе онъ очень просилъ, чтобы я записалъ свѣдѣнія о его врачебной дѣятельности. Этимъ онъ, для облегченія своей участи, хотѣлъ показать, что занимается не только шаманствомъ, грѣшнымъ дѣломъ, но и врачеваніемъ страждущихъ, значитъ, онъ — полезный человекъ. Оказалось, что онъ — специалистъ по женскимъ болѣзнямъ и въ частности по осложненіямъ при родахъ, напр., останавливаетъ кровотеченіе заговоромъ и дуновеніемъ, вправляетъ выпавшую матку и тѣмъ спасъ 7 женщинъ, точные адреса которыхъ онъ даетъ съ просьбой справиться и убѣдиться въ его правдивости, наконецъ, онъ удаляетъ задержавшіеся послѣды.

Отправляясь къ этому шаману, я, наслышавшись объ его широкой практикѣ, не допускалъ мысли о приобрѣтеніи его костюма, такъ какъ думалъ, что онъ запроситъ баснословную цѣну или совершенно его не продастъ. Между прочимъ, какъ велика его практика, видно изъ того, что то камланіе надъ больной съ жертвоприношеніемъ, при-

надлежности котораго 20 іюля, какъ говорилось выше, были найдены нами въ лѣсу, онъ совершилъ въ разстояніи около 50 верстъ отъ своего дома. Но послѣ личнаго ознакомленія съ этимъ шаманомъ, когда я увидѣлъ, что онъ боится меня, не безъ колебаній я рѣшился использовать это обстоятельство для цѣлей науки, тѣмъ болѣе что онъ, какъ популярный шаманъ, не останется долго безъ костюма, обзаведется новымъ. Когда я попросилъ принести костюмъ, старикъ сталъ увѣрять, будто костюма нѣтъ, что его взяли люди, но видя, что я не вѣрю, онъ жалобно сказалъ своей старушкѣ: «Видимо, конецъ намъ приходитъ... Дѣлать нечего — тащи ужь»... Поразспросивъ названія и значенія принадлежностей костюма, я отдалъ за него, что только могъ — 23 рубля старику и старушкѣ отдѣльно 3 рубля.

При костюмѣ имѣются бубенъ, старинная женская шапка, надѣваемая шаманомъ до начала камланія, и, кромѣ того, шкурки горностая и колонка, употребляющіяся при камланіи съ жертвоприношеніемъ въ качествѣ настольной принадлежности. Этотъ костюмъ съ принадлежностями доставленъ въ Музей Антропологии и Этнографіи.

Кромѣ чисто шаманскихъ матеріаловъ, имѣются три записи о высканіи огня кресаломъ надъ ребенкомъ, страдающимъ головою сыпью. Одна изъ нихъ сдѣлана со словъ совершенно простаго человѣка, который, самъ страдая этой болѣзью до поздняго возраста, имѣлъ возможность запомнить слова заговора во время неоднократныхъ повтореній заклинанія надъ нимъ; другая — со словъ кузнеца и третья — со словъ знаменитаго знахаря-врачевателя Халкыр'а. Оба послѣдніе въ чужихъ краяхъ выдавали себя за шамановъ. Отъ кузнеца записана еще пѣсня объ ысыах'ѣ (т. е. о весеннемъ кумысномъ празднествѣ), а отъ знахаря — заговоръ при лѣченіи какой-то болѣзни, выражающейся уплотнѣніемъ и увеличеніемъ брюшной области.

У знахаря приобрѣтены еще его хирургическіе инструменты.

Всего въ общей сложности, кромѣ личныхъ наблюденій и впечатлѣній, рукописнаго матеріала имѣется около 40 страницъ текстовъ и столько же другихъ записей.
